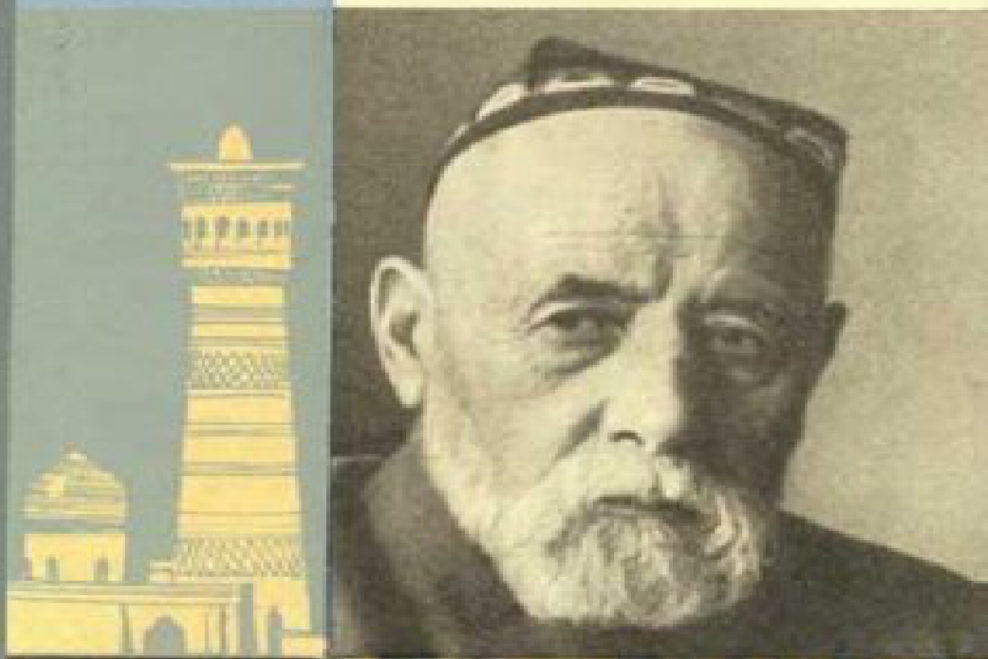
АЙНИ



Ю. Акбиров, Ш. Харисов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

www.turklib.ru

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга рассказывает о жизни и деятельности философа, ученого и мыслителя, писателя Востока Садриддина Айни.

- От авторов
- Клятва
- Новое русло Шофуркома
- Хабиба
- Обучение письму
- „Всемогущий ходжа"
- Отец
- Первая поездка в Бухару
- Земля
- Оспа
- Ночь в поле
- Сбор урожая
- Кара-бек
- Состязание
- В городе
- Судьба Мулло-Туроба
- Затмение
- Сыны его высочества эмира
- Вечеринка в Мир-Арабе
- Гость из Соктари
- Встреча с кушбеги[2]
- Милость власть имущих
- Действия вольнодумцев и их последствия
- Освобождение
- Почему он был холостым?
- Колесовская история
- „Марш свободы"
- Революция в Бухаре
- Еще одна история
- Бухарские палачи
- "Дохунда"
- Писатель и время
- История эмиров Мангитской династии
- Язык — первооснова литературы
- Письма о литературе
- Несколько встреч
- Произведения устода в переводах
- Ятим

- Великая Отечественная…
- Крик души — лебединая песня
- Современность в литературе
- Работа с молодыми — воспитание
- Писатель-академик
- Вершина счастья
- Основные даты жизни и творчества Садриддина Айни
- Краткая библиография
- notes
  - 1
  - 2

От авторов

Мирзо Турсун-заде как-то сказал:

«Бывает, что в жизни одного человека как бы воплощена жизнь целого народа, все этапы его развития. Судьба Садриддина Айни счастливо сочетает в себе все этапы борьбы и развития его народа. Жизненный путь Айни, начинавшийся в темном царстве невежества и бесправия, тесно переплетаясь с жизнью его народа, развивается и проходит до светлых, радостных сегодня дней». Проследив год за годом 75 лет жизни Айни, мы убедимся, что это и есть рассказ о жизни и судьбе таджиков, повесть о том, как из бесправия и нищеты они вышли к свободной и счастливой жизни, стали частицей советского народа, стали одной из пятнадцати равноправных союзных республик.

…Первая половина жизни Айни совпадает с днями бухарского эмирата.

Вторая половина жизни протекала уже в новое время, в дни, когда буря революции смела с лица земли подгнившие устои феодализма. Мастерство писателя развивается и крепнет в союзной республике, в равноправной семье Союза Советских Социалистических Республик.

Первая половина жизни Айни — это судьба целого поколения людей, все их радости и беды, счастье и горе. Все, что видел и испытал таджикский народ, все это пережил и Айни — сначала в горьком детстве, потом в юности и затем в расцвете сил. Он впитал с молоком матери, вобрал в себя тысячелетнюю мудрость Азии, ее древнюю культуру, все богатство цивилизации таджикского народа, его дух свободомыслия и жажду счастья.

Все, что Айни видел, пережил и перечувствовал, все это выхлестнулось в его бессмертных творениях, в его литературном наследии и стало достоянием таджикского народа.

Авторы в своей работе все время помнили это замечательное выступление Мирзо Турсун-заде — общественно-политического деятеля и крупного художника Востока. Поистине жизнь С.С. Айни и его творчество — это жизнь таджикского народа, это эпоха в развитии народа. Нельзя рассматривать одно вне зависимости от другого.

Обычно исследования жизни и творчества определенной исторической личности страдают недостатком фактов, жизненного материала. Но мы столкнулись с другой крайностью — с избытком фактов и событий, жизненного материала. Предстояло отобрать самое главное и значительное, отбросив случайное и мелкое. И это было тем затруднительнее потому, что

одни факты приходилось искать во французской газете «Юманите», а другие — в американском журнале «Зе миддл ист джорнел» или иранском журнале «Паёми навин».

Произведения С. Айни переведены на 34 языка народов мира и издавались около 300 раз. Общий тираж их трудно представить.

Американский журнал «Зе миддл ист джорнел» в статье «Зима 1966 года» пишет:

«С. Айни — сын крестьянина… Занял высокий пост в правительстве Таджикистана, а в 1951 году был избран президентом Академии наук Таджикской ССР. Советские литературоведы считают его крупным философом и поэтом и значительной фигурой XX века.

Он был трижды награжден орденом Ленина. Изучение влияния творчества Айни на таджикскую литературу — настолько обширный вопрос, что его невозможно втиснуть в рамки данного исследования…»[1]

Французские издатели «Воспоминаний» ставят Айни в один ряд с Джеком Лондоном, Киплингом и Максимом Горьким.

В 1962 году в Каире на Второй конференции писателей Азии и Африки делегаты — классики литератур Востока почтили память Садриддина Айни наряду с Р. Тагором, Лу Синем, Шахо Хусейном.

Величие и значение С. Айни признали все его друзья и недруги, произведения его прочно вошли в сокровищницу мировой литературы, стали достоянием всего человечества. Народы молодых афро-азиатских стран взяли произведения Айни на вооружение, они на конкретных приводимых им примерах учатся избегать ошибок, учатся строительству новой жизни. Очень много общего в конкретно-исторической обстановке и судьбе таджикского народа и молодых государств, только что освободившихся от колониального гнета. И там и здесь были джадиды, и мелкая буржуазия, и басмачество…

Книга, которую вы держите в руках, — первый шаг к осмыслению жизни и творчества Садриддина Айни. Жизнь этого великого философа, ученого и мыслителя, писателя Востока, полная драматизма и лишений, исканий и находок, по-человечески трудная и поучительная, заслуживает особого внимания и научного интереса.

В одной небольшой по объему книге невозможно полностью и всесторонне осветить его жизненный путь и творчество.

Мы ставили перед собой более скромную задачу: художественными средствами осмыслить основные этапы жизни и творчества Айни в неразрывном единстве с историческими этапами в развитии таджикского народа.

В своей работе мы использовали исследования критиков и литературоведов, писателей и ученых и приносим благодарность всем исследователям творчества С. Айни: И. С. Брагинскому, Н. Махсуми, М. Шкурову, С. Табарову, Рахим Хашиму и другим.

Однако основным источником для нашей работы послужили автобиографические труды самого Айни, высказывания его товарищей по перу, воспоминания людей, лично его знавших, его родных и близких, к которым имел счастье принадлежать один из авторов.

Свой труд мы посвящаем 50-летию Советской власти — исторически знаменательной дате, важному историческому событию. Полувековой юбилей Советской власти — это триумф всех чаяний и надежд, помыслов и стремлений, дела всей жизни замечательного человека — борца, философа и мыслителя, отдавшего всю жизнь слову, связавшего свою жизнь с жизнью народа и ставшего неотделимой частицей своего народа, — Садриддина Сайидмурадовича Айни.

Авторы

Клятва

Старые жители кишлака Соктари Гидждуванского тюменя до сих пор помнят странную клятву девушки в ее брачную ночь. Может, так оно и было, а может, и нет, однако и посейчас кумушки-старухи шепчутся, перемывая косточки своих одногодков, о том, как однажды в конце 1870 года молодая, стройная девушка Зевара на свадьбе дала более чем странную клятву: никогда не рожать дочек. Говорят, что Зевара клялась также произвести на свет только таких мальчиков, которые способны были управлять вилоятом — областью. Слухами полнится земля, однако истории известно, что Зевара действительно родила четырех сыновей. Самый младший — Киромиддин умер, не достигнув пятилетнего возраста, а об остальных сыновьях пойдет речь дальше.

«Детство мое протекало в пределах двух деревень, довольно далеко отстоящих друг от друга. По внешности и по обычаям они были очень несхожи между собой. Прежде чем говорить о себе, расскажу об этих деревнях, чтобы видно было, где происходило то, о чем я хочу вспомнить…»

Так просто и бесхитростно начинает рассказ о своем детстве, о людях разных и интересных и об их судьбах Садриддин Айни.

Дед писателя Сайид-Умар-ходжа был человек грамотный, знал ткацкое и столярное ремесло. Однажды рухнула обветшалая мечеть в кишлаке Махаллаи-Боло — Верхняя Махалла. Дед писателя восстановил мечеть, и до сих пор на одном из ее столбов сохранилась вырезанная им надпись: «Сделал Сайид-Умар-ходжа из Соктари».

Грамотного мастера пригласили в кишлак муллой, так как сельский мулла был неграмотным — знал всего две-три главы из корана. Так и прижился мастер Сайид-Умар-ходжа в кишлаке Верхняя Махалла.

Отец писателя Сайид-Мурад-ходжа тоже был грамотный и учил детей в школе. Однако его ученики становились муллами, и это очень огорчало учителя: «Так мой труд и пропадает даром!» — говорил он в назидание сыну.

«Была весна, — рассказывает Айни об этой поре. — В нашем дворе цвели абрикосы. Крестьяне Верхней Махаллы пахали землю, рыли канавы, подрезали виноградники. По цветущим берегам и по еще не паханным полям ребята пасли скот. В один из таких дней меня потянуло в поле».

Мальчики идут в поле, вдыхают аромат земли и видят незабываемую красоту природы. Но вот поднимается ветер, все меняется буквально на глазах. Мальчики бегут домой. Пастухи гонят стадо в кишлак. Пески, лежавшие неподвижно, двинулись на плодородные земли. Люди бессильны перед лицом природы: движение песка они остановить не могут.

«Весь наш двор и земля в саду превратились в пустыню — ноги тонули в песке.

Цветы на абрикосах напоминали трупики пчел. Сад, который еще вчера радовал глаз, стоял, словно поверженный, в трауре».

Люди выходят спасать засыпанные сады, поля, дома. На тачках, в мешках, на ослах люди вывозят песок, подвязывают виноградные лозы, очищают дворы.

Засыпало речку, и теперь весь Шофуркомский тюмень был обречен. Старая арабская пословица говорит: «Где кончается вода, там кончается и земля». Погибли посевы; люди, задолжав баю, добровольно пойдут в кабалу. Засыпаны поля и сады, плодородные земли. Люди годами будут трудиться: вывозить песок, очищать землю, возрождать сады, чтобы прокормить семью, заплатить налоги, мужчины будут на зиму уходить на заработки, как Одина — герой одной из повестей Айни, будут вынуждены днем и ночью работать на бая, как Шоди — другой его герой, или, как третий его герой Эргаш, возьмут в руки оружие и поднимутся на борьбу с эмиратом.

…Дом семьи писателя в Соктари стоял на перекрестке рядом с мечетью. По соседству жили его родичи: Абдулло-ходжа — хороший столяр и садовод, его сын Иброхим-ходжа — знахарь, бездельник и лодырь. Человек грамотный и сообразительный — он ходил по дворам, читал заклинания, но семью не мог прокормить.

За двором Абдулло-ходжи жила жена другого дяди отца Айни. В народе ее звали Тута-пошшо — «Царевна Тута». Люди, никогда не видевшие ее, могли бы вообразить, что она действительно, окруженная прислужницами, как царевна восседает на пуховых перинах. Но Царевна Тута, когда-то высокая и статная, была в пору детства Айни уже скрюченной, высохшей старушкой, одетой в ветхое, заплатанное платье. Кроме старой облезлой козьей шкурки, рваного коврика, засаленного одеяла да нескольких подушек, у нее ничего не было. Кормили ее дальние родственники. Ее сын Шароф-ходжа, прокутив землю, бездельничал в Карши. В единственном оставшемся строении жил двоюродный брат отца Айни — Хидоят-ходжа, за мастерство прозванный «Усто-ходжа», — человек веселый и справедливый.

Он мог со смехом, мягко выложить человеку правду, и тот не обижался. И это впоследствии найдет отражение в повестях Айни.

Мальчики и девочки собирались у Царевны Туты и слушали сказки, предания, рассказы. Дети приносили хлеб, молоко, мясо, плов, кашу. Иногда в дом Туты собирались и взрослые: они тоже не прочь послушать сказительницу…

«Она властно брала нас за руку — эта сказочная Царевна Тута — и вела в свое волшебное царство. Она рассказывала простым, народным языком, очень образно, — вспоминает уже признанный писатель Садриддин Айни, — я жалею, что почти совсем забыл ее манеру говорить, ведь с того времени, как я слушал ее, прошло более шестидесяти лет. Я всю жизнь, помня о ней, старался писать, как только мог, проще.

Эту восьмидесятилетнюю старуху я считаю своим первым учителем. И когда вспоминаю о ней, я вновь чувствую сожаление и признательность к ней».

Конечно, у нее было другое имя, но народ, мудрый и справедливый в своих оценках, дал хранительнице устного народного творчества, своей сказочнице, в знак признания прозвище Царевна Тута. Это она зародила в душе Айни любовь к слову, к поэзии, заставила одаренного мальчика смотреть на мир широко открытыми глазами, поселила в нем жажду знания и первооткрытия.

Поистине царевной была жена дяди отца Айни — Абдулкуддус-ходжи — сгорбленная старушка тетушка Тута!

Жена Иброхим-ходжи Султон-пошшо особенно любила слушать сказки Царевны Туты о волшебниках, о семиголовом диве, а потом сама пересказывала их другим и клялась, что все происходившее в сказках она сама видела собственными глазами. Когда ее спрашивали, как же она уцелела, Султон-пошшо, ссылалась на амулеты, начертанные муллой Иброхим-ходжой.

Напуганный такими рассказами, маленький Садриддин начал бояться темноты. Однажды мальчику случилось остаться ночью в саду. Его напугал какой-то странный шум, а воображение дорисовало ему такую картину, что волосы встали дыбом, — осла он принял за семиголового дива.

Отец, мудрый мастер-правдолюб, узнав об этом, по-своему, как умел, развеял страхи Айни, доказывая ему, что этот страшный шум в саду подымает ветер, что не надо чертей бояться. Он пояснил сыну:

— Не бойся дива, див человека не тронет; бойся людей с душами чернее дивов.

Отец с мальчиком сходили к расположенной поблизости

гробнице, вселяющей страх в маленького Садриддина, обошли весь сад и убедились, что напугавший мальчика шум подымает в листве деревьев и в нише гробницы ветер, что нет никаких дивов — просто по ночам воют шакалы.

После этого маленький Садриддин навсегда перестал бояться темноты и чертей.

Осенью отец писал, что Усто-ходжа отправил своих старших сыновей, Мухиддина и Сайид-Акбара, учиться в Бухару. Садриддин остался единственным помощником матери, Сироджиддина можно было не считать: в ту пору он был совсем еще малышом.

Новое русло Шофуркома

Весной, когда все живое наливается соком, зеленеет и цветет, во время весенних полевых работ, отец писателя ходил озабоченный, чуть-чуть встревоженный: проводят новое русло Шофуркома. Казалось бы, надо радоваться, что дехкане смогут поливать сады и огороды, но нет.

— Эта река разорит их больше, чем песок, который было ее засыпал.

Эмир приказал судье, председателю, сборщику налогов и начальнику стражи — четырем чиновникам — организовать работу по восстановлению канала. За шесть месяцев прокопали четыре версты. Шесть месяцев в палатках живут около двухсот чиновников и кормятся за счет и без того нищих обитателей кишлаков. В то грозное время, когда даже несоблюдение какого-либо обычая считалось крамолой и строго наказывалось, отец писателя решается написать письмо самому эмиру, разоблачая действия эмирских же чиновников!

Поистине мужественный поступок!

Правда восторжествовала, дехкане вздохнули свободно, отец писателя «был готов запеть и взлететь в воздух». Но важнее всего было то, что мальчик Садриддин, будущий писатель, получил урок непримиримого отношения ко злу и притеснению.

Хабиба

Когда Садриддину исполнилось шесть лет, отец его отдал в школу при мечети. Этот период жизни описан в повести Айни «Старая школа». Учитель его сам был неграмотным, а потому и учеников не мог обучить ни чтению, ни письму. Убедившись в этом, отец Айни взял сына из школы при мечети и определил в школу для девочек к жене деревенского муллы Биби Халифе. В этой школе, кроме Садриддина, учился еще Абдулло из Гиждувана. Самыми старшими были две девочки: Кутбия и Хабиба. Хабиба часто вздыхала, грустила и о чем-то думала, с глубоко затаенной скорбью читала газели. Она была дочерью образованного муллы из кишлака Работи Казок.

Однажды она попросила маленького Садриддина принести ей роз. Мальчик сорвал несколько белых и несколько розовых цветов и подарил их Хабибе. Она понюхала белые розы, нахмурилась и спросила:

«— Зачем ты эти принес?

— Я подумал, что и они вам могут понравиться,

— А тебе какие нравятся больше?

— Розовые.

— Почему?

— Они того же цвета, как и ваше лицо.

Она засмеялась, обняла меня и прижала к груди».

К концу весны в кишлак приехали брат писателя и Сайид-Акбар-ходжа. Они стали заниматься у муллы. Сайид-Акбар-ходжа часто расспрашивал у Садриддина про девочек, учившихся в школе. Однажды он попросил мальчика передать записку Хабибе. В школе никого больше не было, и Садриддин, не задумываясь, доставил записку по адресу.

«Она ушла с этим письмом. Когда же она вернулась, лицо ее было бледно, глаза гневно сверкали, губы дрожали. Я был удивлен ее настроением. Я спросил, — пишет Айни через шестьдесят лет, — а когда будет ответ?

Лицо ее вспыхнуло, и глаза сердито блеснули. Она потащила меня за собой. Пройдя через двор, она свернула к хлеву. Войдя туда, сняла с ноги туфлю, ткнула ее в навоз и бросила мне под ноги:

— Вот возьми эту туфлю, брось ее в лицо тому, кто писал это письмо. Это будет мой ответ ему».

Садриддин добросовестно обо всем рассказал Сайид-Акбару.

— Хабиба — легкомысленная дура! — крикнул тот и ударил по лицу Садриддина. Мальчик убежал в слезах и затаил в душе

обиду. Сайид-Акбар-ходжа был почти взрослым, и мальчик долго не мог рассчитаться с ним. Но однажды…

…Иброхим-ходжа лечил сумасшедших: лечил так, как лечат всех сумасшедших, — заковывал их ноги в кандалы и цепь от оков крепил на столбе. Утром и вечером он нещадно их бил. Однажды привезли больного человека лет тридцати. Садриддин часто приносил несчастному хлеб, кашу или какую-нибудь еду. Больной привязался к мальчику и часто просил отпустить его.

— Я вернусь. Даю слово, что вернусь. Я потом сам надену оковы на ноги. За это я подарю тебе солнце. Ты сможешь сесть на него верхом и покатиться на нем, куда захочешь.

Однажды, когда враг Садриддина Сайид-Акбар-ходжа возвращался из мечети домой, Садриддин указал сумасшедшему на него и сказал, что это и есть тот человек, который держит его на цепи. Потом он снял замок и выпустил сумасшедшего. Тот догнал Сайид-Акбара-ходжу, поднял и бросил наземь, сел ему на грудь и стал душить… С большим трудом люди оторвали безумного от потерявшего сознание Сайид-Акбара-ходжи.

Мальчик отомстил за нанесенную ему обиду, но никому в этом не признался, боясь наказания…

Однажды Садриддин уговорил бабушку взять его к себе. Сидя во дворе в тени, мальчик видел, как судья Абдулвохид вершит дела. На этот раз он должен был разрешить спор одной девушки с ее родителями. Судья спросил, согласна ли девушка выйти замуж и согласны ли на это ее родители.

«Этот человек теперь для меня и отец и мать. Мне нет дела до их согласия или несогласия!» — твердо ответила девушка. Это и была Хабиба, учившаяся вместе с Садриддином. Она вопреки воле родителей и шариата выходила замуж за гончара, за своего любимого. Это еще раз убедило мальчика, что человек всегда должен оставаться человеком и должен бороться за свое счастье, даже в самые мрачные времена.

Садриддин окончил школу, но писать так и не выучился. Отец отвел его к мулле, занимавшемуся с Мухиддином и Сайид-Акбар-ходжой.

Сперва мулла проходил с учеником «Начало науки». Мулла читал вслух, а мальчик повторял за ним. Понятно, что особой пользы для себя Садриддин не извлек, но все же научился счету «абджад» и полюбил стихи. Особенно нравились ему газели, когда-то слышанные от Хабибы, и тогда стройная, быстрая Хабиба представлялась Садриддину героиней сказок Царевны Туты. Вот тогда-то Садриддин и научился мечтать. Богатое воображение уносило его в туманные дали, в сказочные чертоги. Отец пояснял

ему непонятное в стихах, научил их читать. Настоящего живого поэта тоже впервые показал ему отец.

Маленький Садриддин играл как-то во дворе у протекавшего арыка. По примеру отца мальчик тоже строил маленькие запруды, делал колеса и возводил игрушечные мельницы. Отец одобрил увлечение мальчика и внушал ему серьезное отношение к труду. Садриддин играл у арыка, отец отложил инструменты — он в то время обтесывал жернова — и, совершив омовение, направился к мечети. Вдруг он поспешно вернулся, поднял сына и поставил на небольшой глинобитный дувал, отделявший двор от сада мечети.

— Сейчас из медресе выйдет один человек, — сказал он. — Повнимательнее приглядись к нему. Это учитель твоего старшего брата. Он поэт, и стихи у него хорошие.

Из маленькой кишлачной медресе вышло несколько человек. Впереди шел имам, а рядом с ним высокий худощавый незнакомец с маленькой бородкой, в которой просвечивалась седина. Одет был этот человек в полотняный халат, и чалма у него была гораздо меньше, чем у имама…

Это был поэт Исо Махдум. Вечером отец прочитал сыну его стихи:

Доколе от безделья нам погибать в тоске!
Сложи скорее вместе листы в твоей руке.

До этого мальчик думал, что поэты были святыми и жили очень давно, что живого поэта сейчас нельзя увидеть. Поэтому Садриддин удивленно спросил:

— Значит, можно складывать стихи в наше время и святым для этого быть не обязательно?

— Конечно, время и святость не имеют здесь значения. Даже я, когда построили новый айван нашей мечети, сложил в честь этой мечети такое двустишие:

В год птицы был айван воздвигнут сей,
Зерна ты птице дай и дай воды напиться!

Для любознательного и пытливого мальчика это было новым открытием мира: значит, и в наши дни живут поэты, значит, поэты такие же люди, поэтом может стать любой, и даже отец, не поэт, при желании написал двустишие, значит, можно научиться писать стихи.

Мальчик полюбил стихи, но читать и писать так и не научился, однако отец обещал ему помочь.

Обучение письму

Отправляясь как-то в базарный день в Верхнюю Махаллу, отец взял с собой сына до Гидждувана. На Гидждуванском базаре отец купил ему пенал, два калями — тростинки для письма, резинку, бумагу и папку из бараньей кожи для бумаги, ножик для точки калямов, пучок шелковых ниток и четыре листа кокандской воловьей кожи. Радость Садриддина была безгранична. Еще бы! У него уже есть собственные письменные принадлежности!

Взяв в руки сверток, мальчик верхом на осле возвращается домой. По дороге случилось происшествие: седло начало сползать, мальчик слез, чтоб подправить и подтянуть подпруги, и… вдруг пенал упал в глубокую яму на дне сухого арыка.

Маленький Садриддин разрыдался.

Случайный прохожий, расспросив малыша, о чем он плачет, разделся и полез в яму за пеналом.

Да, отец купил ему пенал, но так оно и положено. Но вот случайный прохожий полез за этим пеналом в колодец! Это заставило мальчика призадуматься и оценить отношение народа к грамоте, и еще мальчик понял, что в мире много добрых людей, хороших, но бесправных. Признательность свою незнакомцу, что полез ради него в колодец за пеналом, мальчик мог выразить только широкой и ясной улыбкой. На всю жизнь сохранил Садриддин Айни чувство благодарности к добрым людям.

Сайид-Акбар вернулся из Бухары. Начались занятия Сай-ид-Акбара с Садриддином. Поначалу Сайид-Акбар выводил неуклюжие крупные буквы, потом долго подскребал, подправлял их, и в конце концов буквы получались у него сносные.

За время учебы Садриддин только и усвоил, что подскребать да подправлять буквы. Впоследствии он часто досадовал, что из-за Сайид-Акбара у него на всю жизнь сохранился неразборчивый почерк.

Стояла осень. Пришло время поездки, в Дарвешобод.

Двоюродный дядя Иброхим-ходжа взял с собой Садриддина и своего сына Хомид-ходжу.

Рано утром во вторник все трое отправились в Гидждуван и остановились у родственника — гончара. В доме у того было полно народу: это гончары готовили ракеты — катали комки глины, готовили заряды, смешивали порох с просеянными железными опилками. Ракеты напоминали кувшин, только без горлышка и ручки. Каждая ракета обходилась в десять тенег. Мальчика поразило, что гончары, жестянщики и другие

мастеровые дважды в году на гуляньях пускали ракеты, а сами не имели ни детей, ни семьи, ни порядочного дома. И подумать только — они трудятся круглый год ради того, чтобы дважды в году запускать ракеты…

„Всемогущий ходжа"

В Соктари жил веселый, остроумный и находчивый человек — Кори-Махмуд. В детстве он учился в школе чтецов корана, потом десять лет служил военным и, бросив это занятие, стал муллой, лечил людей заклинаниями, отпевал покойников. Он признавал, что военные живут хорошо, но притесняют и пугают народ, а муллы живут хуже, но берут деньги не угрозами, а обманом, и это лучше. Человек болеет — нужен мулла, умрет — опять нужен мулла. Выздоровеет — мулла вылечил, умер — бог прибрал. Простая философия, а мулле почет и уважение. Как-то на одну пирушку пригласили Сайид-Акбара, но он не явился. На следующий день Кори-Махмуд стал его отчитывать.

— Я пошел туда, — ответил Сайид-Акбар, — но вернулся.

— Почему? — удивился Кори-Махмуд.

— Я собственными ушами слышал, как этот невежда, хозяин дома, назвал меня просто по имени, не прибавив даже уважительное «ходжа».

— Пожалуй, мы будем величать теперь вас «Всемогущий ходжа». Всемогущий — это одно из имен бога. Выше этого имени нет ни у кого. Но если к нему мы еще прибавим «ходжа», то это имя станет еще более уважаемым, чем имя самого бога.

Сайид-Акбар попал в глупое положение, после этого неделю не появлялся на улице, но люди не забыли и с тех пор стали звать Сайид-Акбара «Всемогущий ходжа».

Этот случай также не только найдет впоследствии отражение в творчестве Айни, но и наложит некоторый отпечаток на формирование его характера.

Отец

Все дела вершили судьи. Одно и то же дело они могли так или иначе решить по своему усмотрению. Установления шариата можно было толковать вольно. Поэтому крестьяне ненавидели судей. Один из них жил и в Соктари. Самого судью Садриддин уже не застал, но он знал детей судьи. К северу от деревни был старый, заброшенный сад судьи. Наследники продали сад угольщикам. Дехкане, наблюдая, как угольщики рубят деревья и жгут, говорили, что в аду этими дровами будут жечь судью за его грехи. Когда однажды женщины судачили, мать Садриддина сказала, что не все судьи такие, что вот, мол, судья Абдулвохид попадет в рай. Но женщины не согласились с ней. Они твердили, что все судьи попадут в ад и хоть судья Абдулвохид и делал людям добро, но все равно ему не миновать ада уже за одно то, что он обвенчал Хабибу. Мальчик спросил отца: попадет ли в ад или в рай судья Абдулвохид, ведь он провел новое русло Шофуркома, всегда сочувствовал дехканам, помогал им, и, наконец, он был поэтом.

Отец вначале рассмеялся, но потом серьезно заметил:

— Поэтический талант не у всех и не всегда является добродетелью. Стихи, как и наука, обоюдоострый меч. Если этим мечом убит благородный человек — значит убийца совершил тяжелый грех. Если стихи служат добру — слава поэту! Если же они служат злу, то пусть они будут прокляты! — Так, казалось бы, в будничной, повседневной жизни старый мастер учил сына разбираться в людях, в поэзии, приучал его к самостоятельности мышления.

Брат Мухиддин с сыном одного судьи поехали по рекомендации судьи в кишлак, где не было муллы, в месяц рамазан собирать подаяние. Отец узнал об этом только по возвращении их. Отец попросил дядю Курбон-Ниёза привезти из Бухары Мухиддина. Как только Мухиддин вошел в комнату, отец набросился на него с палкой. Дядя и мать еле удержали его.

— Судьи — это свиньи! Они, как свиньи, питаются падалью и мертвечиной… Если ты хочешь вырасти человеком, довольствуйся куском сухого хлеба… Если же ты захочешь стать свиньей, то помни: я тебе не отец!

Деревенский мулла в Соктари был фанатиком: он запрещал буквально все, даже в базарный день он ходил и разбивал наргиле у кальянщиков, лишая их тем самым заработка. Вернувшись к себе в кишлак, мулла хвалился дехканам и рассказывал о своих похождениях. Отец Садриддина стал

доказывать, что мулла не имел права ломать инструменты рабочих людей и что он должен возместить убыток. Мулла и отец готовы были сцепиться друг с другом. Дехкане ожидали драки, но отец молча ушел и, сев на ишака, отправился в Бухару. Оттуда дня через три привез грамоту от муфтия с печатью величиной с огромную чашу и красивой подписью. Муфтий писал, что никто не имеет права ломать чужое имущество, что мулла не прав и должен возместить убыток. Отец с радостью говорит о своей победе над муллой:

— Они не признают мудрой поговорки: «Не смотри, кто говорит, а слушай, что говорит». Вот я и запечатал им рот печатью муфтия. Посмотрели бы вы на нашего муллу сейчас, когда я при всем народе ткнул ему в нос эту вот бумагу!

Хотя отец был вспыльчив и строг, но отходчив, и всего два раза наказал он сына: первый раз за то, что не послушался отца и вывихнул плечо, во второй раз, когда мальчик, забыл про поручение и, вместо того чтобы признаться, наплел с три короба. Отец оттрепал за уши и сказал:

— Будь всегда внимательным. Запоминай все, что видишь и слышишь. Если кто-нибудь тебе скажет или поручит что-нибудь, разберись во всем и все запомни.

Тогда мальчик признался отцу, что не постился во время рамазана, а ел по ночам, когда взрослые спали. Отец ответил, что он это знал, но промолчал, однако сейчас, когда Садриддин уже постарше, он советует сыну быть всегда честным, открытым, смелым, никому не угождать и всегда говорить правду…

Первая поездка в Бухару

Отец решил взять сына в Бухару, чтоб показать ему город. В один из зимних дней он оседлал осла и, усадив меня сзади, отправился в путь. За селом Яланги, у развесистого дерева, осел остановился. Стоило большого труда заставить его идти дальше. Оказывается, в прошлую поездку отец делал остановку именно под этим деревом. Помолчав, отец вдруг сказал:

— Осел памятливее человека. Человек все забывает быстро. Смотри же, все запоминай! Все помни!

После вечерней молитвы, через полчаса после захода солнца, закрывались ворота, и ключи от городских ворот хранились в руках у начальника городской стражи — миршаба. Чтобы не ночевать в поле, отец торопил осла, и они успели попасть в город, до того как закрылись ворота. Проехали по узким кривым улицам Бухары в кромешной тьме и остановились в медресе Мир-Араб, где учились брат и Сайид-Акбар.

В то время в Бухаре правил эмир Абдулахад. В тот вечер эмир пировал между мечетью и медресе Мир-Араб. На небольшой площади перед костром сидели музыканты, плясали танцоры и собирались жители города. Со всех концов поселка приносили плов эмирскому повару. Повар снимал пробу, и хозяину «котла», понравившегося повару, в знак «высшей милости» посылался плов с кухни эмира.

В тот вечер отец, Мухиддин, Сайид-Акбар и Садриддин ели плов с эмирской кухни: их плов понравился эмирскому повару. Когда отец узнал об этом, он перестал есть. Утром рано отец, расстроенный, собирался домой и Садриддину приказал собираться в дорогу:

— Пойдем, сын. Я возьму тебя назад, в деревню. Около этих эмирских блюдолизов ты научишься не благородным обычаям наших древних медресе, а только лизать котлы на эмирской кухне.

Мальчик со слезами на глазах выпросил разрешения остаться в медресе, чтоб освоиться с его обычаями и традицией, лучше подготовиться к учебе. Отец уехал один.

Келья, в которой жили Мухиддин с Акбаром, была мрачной, темной, без окон и с маленькой дверцей. Лишь под потолком была узкая щель, заделанная алебастровой решеткой.

Мухиддин готовил обед, убирал, стелил, стряхивал пыль; Сайид-Акбар лишь покрикивал на Мухиддина, что тот медленно готовит, убирается плохо, а сам Сайид-Акбар сидел над книгами и с важным видом поглядывал на обоих братьев — Мухиддина и

Садриддина.

Келья принадлежала богатому мулле-ростовщику. Вместо платы за жилье ученики должны были угощать жадного хозяина. Но после «змирского плова» запасы учеников истощились, они не могли теперь угощать хозяина, и тот потребовал, чтобы они освободили келью. После долгих поисков нашли небольшое помещение в квартале Базар-ходжа. Комнату над бакалейной лавкой, так называемую «болохона» — комнату второго этажа, — сдавал бакалейщик. Она была так плоха, что уже год никто там не жил. Но делать нечего…

Собрали вещи и стали перебираться в новую квартиру. Сначала перенесли паласы, посуду, книги; во второй раз брат отнес дрова и кувшин с маслом, потом брат наполнил кувшин углем; Садриддин взял самовар, Сайид-Акбар взял несколько книг и с важным видом шествовал за ними. По дороге Мухиддин поскользнулся и упал, кувшин разбился, уголь рассыпался. Сайид-Акбар брезгливо отряхивал свой чапан и спокойно смотрел на Мухиддина. И тут случилось невероятное: добрый, терпеливый, услужливый и спокойный Мухиддин стремительно поднялся с земли и накинулся на важного, отряхивавшегося с брезгливой миной Сайид-Акбара, повалил его на землю и принялся колотить, приговаривая;

— Вот достойная плата тому, кто сам дела не делает, а, свалив все на других, важничает и заносится!

И тогда мальчик, удивленный выходкой брата, вспоминает арабскую пословицу: «Упаси нас, господи, от гнева добряка».

Сайид-Акбар убежал. Оказывается, он устроился лакеем к ахунду Бухары Орифхону. Куда бы ни пошел ахунд, Сайид-Акбар шел следом и прислуживал: счищал грязь с башмаков ахуна, нес его свертки и подарки. Трудно было совместить напыщенность Сайид-Акбара и его согласие прислуживать ахунду. Сам он объяснял это тем, что, хотя ахунд по званию с ними равный, но знаний и богатства у него побольше, вот, дескать, он и решил послужить ему…

Долго жить в комнате над бакалейной лавкой братья не могли: топить не было возможности, изо всех щелей дуло и провевало, окон не было — жизнь в ней была просто невыносима, и они, упаковав свои пожитки, отправились в деревню к отцу. Немного отдохнув, Мухиддин опять вернулся в Бухару, Садриддин же остался дома. Садриддин рассказал отцу о всех проделках и о «службе» Сайид-Акбара. Отец посмеялся и заметил:

— Я знаю людей, чье происхождение сделало их еще большими дураками, чем Сайид-Акбар.

Земля

Садриддин видел Бухару и нужду учащихся медресе, но это не отвратило его от наук и желания учиться: он стал готовиться к поездке в Бухару. Отец предложил ему самому заработать деньги для поездки на ученье.

В саду под абрикосами была свободная земля: отец не мог вспахать эту землю быками — повредил бы корни деревьев, к тому же негде было повернуться быкам — мешали деревья. Отец предложил ему обработать эту землю и на деньги, вырученные с урожая, поехать учиться. Садриддин на совесть отработал: вспахал, засеял тыквой, поливал, удобрял, окучивал. Отец тоже много работал в поле, но труды его пропали даром: хлопок засох, джугара дала редкие всходы. Соседи советовали ему пересеять, но отец решил больше разрыхлить землю, удобрить и поливать…

Оспа

В начале лета 1306 года хиджры (в июне 1889 года) в городе Бухаре началась оспа. Смертность от этой болезни достигла страшных размеров».

Дядя Мулло-Дехкон, заболев оспой, вернулся в деревню и умер. Брат, заболев оспой, вернулся из города. Затем болеют все члены семьи. Маленький Садриддин ухаживает за ними. Отец, очнувшись, всегда спрашивал, поливал ли он джугару, давал сыну совет, как поступить с землей и что делать.

Перед смертью отец говорит сыну:

— Учись! Как бы тебе ни было трудно, учись! Но не становись ни судьей, ни старостой, ни муллой! Можешь стать мударрисом.

Умер старый мудрый мастер мельничных колес, жерновов в возрасте пятидесяти семи лет.

…В соседней деревне торговец Юлдош-бай дал в долг на похороны отца с тем, что мальчик вернет с процентами.

«После того как прошли первые дни скорби, то ли от моего неумения, то ли по какой другой причине, заболела и пала наша корова». Мать просит бога, чтоб все горести ушли с коровой, и в жертву приносит теленка: по ее просьбе Садриддин отдает теленка Ходжа-хону — нищему без руки и без ноги. Ходжа-хон не принимает дара, не хочет брать у сирот, и только с большим трудом удается уговорить его принять теленка.

Впоследствии, в «Воспоминаниях» старейший писатель Таджикистана пишет: «Только тогда я понял, насколько благороднее беспомощный калека Ходжа-хон, чем наш деревенский мулла, который не постеснялся взять у нас в день похорон отца десять тенег, хотя в то время во дворе у него хранились четыреста пудов пшеницы и двести пудов ячменя. А сколько у него было денег и вещей, я, понятно, не знал. А у Ходша-хона не было ничего, кроме глаз, смотревших на людей и на их даяния».

Садриддин поливал джугару, ухаживал за больными, отгонял птиц от посевов. Урожай обещал быть хорошим, но вороны стаями налетали на джугару и грозили уничтожить весь посев.

Как-то дядя по матери Алихан приехал проведать родственников. Он увидел, что Садриддину приходится туго, и решил увезти мать. Сборы были недолги: сделали носилки из двух палок, привязали их к двум ослам, уложили мать. Она была тяжело больна.

«Я не знаю, что чувствовали мои братья, — пишет Садриддин Айни в «Воспоминаниях», — расставаясь с матерью, но у меня

сердце разрывалось. Я только старался не издать ни звука, чтобы не огорчать больную. Я взглянул в глаза матери. Из ее полумертвых глаз выкатывались слезинки и стекали по исхудалому, пожелтевшему лицу.

— Живи тысячу лет! — сказала она мне, когда ослы тронулись в путь. Они прошли под деревьями, повернули и скрылись из глаз. Я убеждал себя: «Не может быть, чтобы я сразу лишился и отца и матери. Она вернется!» Но глаза мои горели от горьких слез».

С любовью и горечью, с глубокой признательностью пишет Садриддин Айни «Воспоминания». Это крик души — лебединая песня, вершина творчества писателя. По мелким, кажется незаметным, штрихам создается образ отца писателя. Мать писателя мы видим мало, но она незримо присутствует в каждой сцене, в каждой строчке, в чеканной строчке «Воспоминаний».

После отъезда матери Садриддин почти все время проводит в поле — отгоняет птиц, начинает собирать богатый урожай. Из стеблей джугары он сделал себе шалаш и даже ночевал в нем. Икром-ходжа ночевал с ним: у него была мачеха, и его не тянуло домой. Здесь же ночевали и другие осиротевшие мальчишки.

Ночь в поле

Наступили осенние холодные долгие ночи. Было уже трудно ночевать в поле в шалаше. Ожидались ливневые дожди, надо было убирать весь урожай, иначе джугара могла погибнуть. Пришел Икром-ходжа, дрожа от холода: он жаловался, что мачеха не дала ему одеяла. Пришли еще трое ребят. Один из них спросил:

«— Ты почему не поехал в Верхнюю Махаллу плакать по матери?

Мне показалось, что меня окатили кипятком. Я понял, что она умерла… Один из ребят сердито сказал:

— Не надо его спрашивать, его утешать надо. Крепись! Вот ведь Икром-ходжа живет без матери.

— Не падай духом! — сказал Икром-ходжа. — Все проходит, все забывается. Уже десять лет я живу без матери, и ничего — волк меня не съел».

Ребята пришли поддержать товарища, утешить. Когда они уснули, осиротевший Садриддин вдруг почувствовал себя одиноким в этом необъятном огромном мире. Издалека прилетела песня, тоскливая песня Бедиля. Крестьяне шли за плугом и пели. Они не знают, что утешают продрогшего от холода и одиночества одиннадцатилетнего, сжавшегося в комок Садриддина, в трудном деле пахаря песня была другом, помощником, советчиком. Слушая песню, мальчик отходил сердцем, легче переживалось внезапно обрушившееся горе:

Тяжелому вздоху подобно,
Я стал караванщиком слез.
Глубокой пылающей раны
Клеймо в моем сердце зажглось.
И друга я, кроме той раны,
В безумье моем не найду —
В безвыходном мире обмана
Один я, как солнце, в бреду.
О бедный Бедиль! Осужден ты
Томиться вдали от друзей!
Ты — строчка без рифмы ответной
На небе печали твоей.

Песня, старинная, протяжная песня, в эту ночь поддержала в горе и печали Садриддина…

Утром проснулись товарищи, пора было приниматься за труд, заботы о братьях поглотили его…

«С той ночи прошло шестьдесят лет. Но она для меня навсегда незабвенна. Я не могу забыть о ней — это была моя первая ночь без матери».

Три главы из «Воспоминания» — «Земля», «Оспа» и «Ночь в поле» — это элегия отцу и матери, марсия в честь светлой памяти жившим трудом своих рук и оставившим сыну в наследство труд…

Сбор урожая

Но добрые люди не оставили сирот, пришли на помощь, помогли собрать и свезти урожай, продать урожай и рассчитаться с долгами. Урожай в тот год удался на славу, и люди говорили, что это не к добру, что урожай съел отца и мать. Тыквы тоже уродились хорошо. Зимой Садриддин продавал тыквы, джугару, кормил и одевал братишек и даже мог весной купить барашка.

Садриддин стал главой семьи: одевал, обувал, стряпал, стирал, продавал на базаре. Соседка Султон-пошшо пекла для сирот из муки сдобные лепешки. Старший брат к зиме поправился и вскоре устроился в деревне Табариён муллой. Дома остались трое братьев: Садриддин — старший, Сироджиддин — слабенький, бледный, восьми лет, и младший Киромиддин — четырех лет.

На следующий год земля не уродила. Маленький Садриддин не знал, что на одном и том же поле нельзя два года подряд засевать одно и то же. Он вспахал землю под абрикосами и посадил тыквы. Мирзо Мумин, друг отца, взял семена и засеял ими свою землю, однако лавочник обманул — вместо ярового дал семена озимого ячменя. Даже шелковица и абрикосы вымерзли зимой и не дали плодов.

Кара-бек

Во времена эмира Музаффара крестьяне отдавали налог — сорок процентов урожая. В дни правления эмира Абдулахада стали отбирать половину и даже две трети урожая.

Кара-бек, прежде служивший писцом у сборщика податей, стал теперь сборщиком налогов. Он был родом из Тахти-Кургона из рода Беркутов, из того же рода, что и эмиры династии Мангытов, поэтому сумел выдвинуться при дворе как удачливый и изобретательный сборщик налогов. С его легкой руки весь эмират стал облагаться неслыханными прежде налогами. В доме Кара-бека мастера работали бесплатно. После смерти сына Кара-бек приказал мастерам построить гробницу из жженого кирпича и оштукатурить ее алебастром. Мастера говорили:

— Дал бы бог услышать о смерти самого Кара-бека! Мы б ему построили черную гробницу!

Мастера заканчивали кладку стен гробницы. Пришло известие о смерти Кара-бека. Мастера — хоть и распустили их — не ушли, а достроили гробницу, к алебастру подмешали сажи и оштукатурили черным алебастром.

Люди говорили, что бог покарал Кара-бека, строительство дома остановилось, мастера разошлись. Так и простоял недостроенный дом сборщика налогов до революции, пока люди не разобрали кирпичи для других строек.

— Справедливость восторжествовала! — говорили люди, разбирая недостроенное здание…

Состязание

В конце осени 1889 года бабушка попросила внучат приехать, чтоб она перед смертью могла с ними попрощаться. В то время из Бухары в деревню Махалля приехал Шариф-джон-махдум, сын покойного судьи Абдушукура. Остановился он в доме помощника учителя Мулло-Абдусалома. Мулло-Абдусалом для работы по хозяйству пригласил старшего, но, узнав, что и младшие здесь, пригласил всех братьев.

Садриддин кипятил самовар, разливал чай по чайникам и отсылал гостям. К нему подошел мальчик примерно одних лет и одинакового роста, но чуть тоньше и бледнее. Он со вздохом пожаловался Садриддину, что в деревне скучно, что даже не с кем играть в стихи. Один произносит двустишие, другой подхватывает с той буквы, которой закончил первый. Мальчики соревнуются долго. Наконец, на букву «ж» надо было Садриддину найти двустишие. За неимением известного, он сам придумал и сказал экспромтом:

Жожу можу, жожу можу, жожу мож.
Все это жож — сначала мож и после жож.

Это была бессмыслица, набор слов. Жож — горькая трава, а мож — именно бессмыслица.

Мальчик Мирзо-Абдулвохид — сын Шариф-джона — растерялся и побежал к отцу. Скоро его отец Шариф-джон (поэт Садр Зиё) пригласил Садриддина и посоветовал ему учиться в Бухаре. Хозяин дома обещал устроить его.

После отъезда гостей брат, собираясь в Бухару, решил взять и Садриддина.

По обычаям тех лет надо было справить поминки по родителям и устроить обрезание младшим братишкам. Все это требовало денег. Решили продать дом в Верхней Махалле. Продали осла, барана и овцу и на вырученные деньги расплатились с долгами, устроили поминки. Братьев отвезли в Верхнюю Махаллу. Оставили им немного одежды, провизии, денег, а пса Хайбара отвели к дяде-пастуху, у кого его взяли щенком. Садриддин взял себе на расходы пять тенег — семьдесят пять копеек. С этими деньгами он и поехал в Бухару учиться.

Начиналась новая жизнь в городе…

В городе

Как и по всей Средней Азии, здания бухарских медресе были обычно двухэтажные или одноэтажные. Таковы медресе Бухары, Самарканда, Ташкента и многих других городов.

«Вокруг этих зданий тянулись каменные площадки, дворы их мостились жженым кирпичом, поставленным на ребро, стены зданий тоже выкладывались из жженого кирпича, украшались арками, мощными сводами и нишами; мечети при медресе венчались огромными каменными куполами, и все это покрывалось цветными глазированными изразцами. Над зодчеством и украшением медресе работали всегда лучшие мастера, и возведение этих великолепных строений должно было увековечивать славу строителей и правителей, давших средства на это».

Так начинается вторая книга «Воспоминаний» устода Садриддина Айни. Эта книга называется «В городе» и целиком посвящена Бухаре, ее чиновникам, учащимся медресе, торговым рядам, правам и обычаям того времени. Особенно характерна и бесценна первая глава — «Мир-Араб». Из нее мы узнаем о методах обучения вообще в Средней Азии и, в частности, в городе Бухаре, не изменявшихся на протяжении четырехсот лет, о причинах зарождения движения джадидов — организаторов новометодных школ, представителей мелкой буржуазии, а также о причинах бухарской революции.

«…Но наружное великолепие прикрывало внутреннее убожество бухарских медресе. Большинство основных помещений, — пишет устод, — где протекала жизнь учащихся, было убогими, темными, тесными кельями, где два человека обычно помещались с трудом. Эти кельи имели одну только дверь, через которую проходили люди, воздух и свет. Всякие другие отверстия, вроде окон или бойниц, были лишь в немногих кельях.

Готовили пищу, умывались, складывали дрова и уголь при входе в эти каморки, и дым из очага выходил через ту же дверь, потому что строители часто забывали о дымоходе.

Эти старые медресе, построенные три или четыре столетия назад, доныне удивляющие нас своим великолепием, как бы олицетворяли феодальный строй, внешне нарядный, величественный, сверкающий, а внутри темный, удушливый, смрадный, невыносимо тесный. В этих зданиях выражены лицемерие и жестокость феодализма, то средневековье, которое в России давно изучают по книгам в музеях, а я видел сам, пережил

и перестрадал, прожив в нем половину своей жизни».

Год в медресе начинался в месяце мизон (22 сентября) и заканчивался в месяце хамал (22 марта).

Изучали арабский язык — морфологию и синтаксис, логику, риторику, естественные науки в богословском понимании, правила омовения, поста, похорон, паломничества в Мекку, зякет, порядок купли и продажи, правила рабовладения и освобождения рабов, правила брака и развода и другие установления шариата: знания, необходимые для религиозной или государственной службы.

Математику, литературу, историю и родной язык изучали на стороне, кто где мог, или вовсе не изучали: знание этих предметов считалось ненужным, даже вредным.

Всякий окончивший начальную школу не умел ни читать, ни писать — был неграмотным. Ученик находил себе учителя в своем медресе или в другом — не важно — и проходил книгу «Бидон» — арабская грамматика на таджикском языке, потом «Начало науки» — основы ислама, арабскую морфологию — по книгам «Муиззи» и «Занджони», синтаксис — по «Авомил», и на все эти книги уходило три года. Изучив эти книги, учащийся переходил к пятилетнему курсу и изучал книги «Шархи мулло» Абдурахмана Джами, «Кофия» — арабский синтаксис, книгу логики «Шамсия», «Хошияи Кутби» (толкование «Шамсии») — годичное занятие, изучение метафизики по книге «Акоиди Насафи».

Четыре года изучали толкование «Акоиди». Два года изучали логику и метафизику по книге «Тахзиб», два года уходило на книгу «Хикмат-ул-Айн» — сверхъестественные науки, два года на «Мулло-Джалол».

Проучившись девятнадцать лет, мулла не умел порой ни писать, ни читать. В год проходили около десяти строк и толкования к ним и толкования к толкованиям, один читал, остальные слушали и потом выкрикивали все, что услыхали. Кто кричал громче — тот считался умнее.

Ученик добровольно сам выбирал учителя, делал ему подарки и учился у него. Подарки учеников — единственный доход учителя, поэтому каждый из учителей стремился прослыть умным, хорошим и добрым учителем, чтоб иметь побольше учеников.

Поэзия не входила в программу обучения: если кто из учащихся и знал стихи, то только благодаря своей любознательности.

Итак, в 1890 году в бухарском медресе Мир-Араб стал учиться двенадцатилетний гиждуванец Садриддин. Жил он

вместе с братом Мухиддином в маленькой келье под крышей на четвертом этаже. Изучал «Кофию»: одну главу — с Мулло-Абдусаломом, другую — с Мулло-Бозором, «Мухтасар и Викоя» — с Мулло-Авезом из Ходжента.

Чтобы самому как-нибудь прокормиться, он варил обед для других зажиточных учеников Абдусалома, Мулло-Косима и Мулло-Кори-бека. К тому же в субботу, среду и четверг сотрапезники долго просиживали по вечерам. Садриддин готовил им чай и прислуживал за достарханом. В эти долгие скучные вечера шла неторопливая беседа о наследстве, доходах, смерти и других житейских мелочах. Мальчик с тоской вспоминал деревню, отца, мать и, конечно, добрую старушку Царевну Туту. Только желание получить знания, выбиться в люди, стать ученым муллой (мальчик, пока сам не столкнулся вплотную с миром ханжей и фанатиков, ради наживы идущих на все — даже на лжесвидетельские показания и клевету, — считал, что муллы знают очень много) удерживало его в зловонной «благородной Бухаре», в тесной и неуютной келье на двоих под самой крышей.

Первое приобретение мальчика в полосатых штанах, старой рубашке, потрепанном халате, перевязанном старым платком, по утрам выбегавшего из душной кельи на мощенный красным кирпичом двор в деревянных сандалиях, была книга стихов «Махмуд и Аёз», изданная в Индии.

Отдав одну теньгу из своих запасов в три теньги, Садриддин, прижав книгу к груди, убегал на открытую большую площадку, где другие учили уроки, и, открыв книжку, погружался в мир поэзии.

Мало кого интересовало, что читает новичок, — одни умывались, другие зубрили, третьи отсыпались, четвертые злословили исподтишка, пятые уходили слоняться по узким и кривым улочкам Бухары.

Большая часть учеников — степенные, бородатые, многие даже женатые, давно закончившие все науки и успевшие многое перезабыть, спесивые и чванливые, гордые и самомнительные неудачники, оставшиеся без места. Они при встрече друг с другом злословили, как кумушки, спешили на свадьбы и похороны и жили в тайной надежде, что где-то скончается мулла и дехкане, прослышав об их учености, попросят к себе в деревню. Для некоторых такие мечты сбывались, а для некоторых так и оставались мечтой, несбыточной, неосуществимой, даже трагичной, как, например, для Мулло-Туроба.

Судьба Мулло-Туроба

Однажды ровесник и соученик Садриддина Пирак, тоже любивший стихи, похвалился:

— А я знаю такое, чего не знаешь ты.

— Стихи?

— Нет. Отгадай.

— Сам скажи.

— Я знаю русские слова.

— Поклянись!

— Нет, ты поклянись, что никому не скажешь.

— Клянусь. А разве нельзя знать русские слова?

— Ты спроси у Мулло-Туроба, — ответил шепотом Пирак.

— А ну, скажи что-нибудь по-русски.

— Час!

— Еще скажи.

— Больше не знаю. У меня на бумажке есть. Приходи ко мне, вместе будем читать,

— Где ты их взял?

— У Мулло-Туроба. Он их привез из Самарканда…

Однажды Мулло-Туроб пришел в медресе в туфлях. Все от мала до велика всполошились: мулла надел туфли, он стал русским…

Учителя подговорили учеников украсть у Туроба эти туфли. Фанатики ворвались в келью и переворошили все — им в руки попала тетрадка с русскими словами.

…Мулло-Туроб, предупрежденный (видно, не все были против доброго, отзывчивого и любознательного муллы), бежал из кельи. Минуя старшин Мир-Араба, дав взятку главному судье, он продал свою келью. Это тоже было неслыханным кощунством, и только авторитет главного судьи, скрепившего «священной» печатью купчую, спас Мулло-Туроба от самосуда бухарских мулл и учащихся.

Но вот однажды Пирак решил показать мальчику из Гиждувана Бухару. Они прошли мимо зловонной бойни, ее запах доносился и до кельи на четвертом этаже, наблюдали бесчинства перекупщиков на базаре, а затем отправились на площадь Регистан перед Арком. И тут увидели, как вели на казнь трех смертников. Одним из смертников со связанными руками был Мулло-Туроб…

Значит, ему так и не удалось спастись.

За смертниками рядом с четырнадцатилетним мальчиком плелся больной старик. Садриддину пришлось смотреть, как

старика и мальчика наказывают плетками…

Перед Садриддином раскрылся пестрый, разнообразный, неустроенный мир, его люди, его законы.

Еще одна встреча оказалась удивительной и загадочной.

Затмение

В медресе Мир-Араб как-то появился высокий человек в банорасовом халате (обычно эмир, выражая свою благосклонность, дарил такой халат), с маленькой чалмой на большой голове. Он опирался на русскую трость, на ногах у него были туфли.

Ученики, учителя и старшины учеников — все вставали с места и приветствовали вошедшего поклоном, однако он как бы не замечал никого.

Это был Ахмад Дониш.

За глаза муллы злословили о нем, но в глаза его подобострастно приветствовали.

Мальчик из Гиждувана удивлялся: если они его ненавидят, то почему приветствуют, если же они его уважают, то почему злословят?

Такое проявление ханжества и лицемерия заставило Садриддина задуматься. Еще больше он удивился, когда услышал, как Ахмад Дониш мимоходом бросил:

— Сегодня вечером будет лунное затмение.

Если кто-то может предсказать затмение, то, значит, существуют науки помимо тех, которые изучают в медресе девятнадцать лет?

— Он знается с нечистой силой, — шептались вокруг. «Если он знается с нечистой силой, то почему все почтительно встают при его появлении?» — думал Садриддин. И в ответ он услышал:

— Он друг русских…

Если он, друг русских, заслужил уважение простолюдинов (почти все обездоленные обращались к нему за советом и помощью) и ненависть мулл, то почему он свободно разгуливает по Бухаре, входит свободно в медресе и его слова ловят жадно, ему льстят, а бедного Мулло-Туроба сжили со свету только лишь за русские слова, и все это невозможно было ни понять, ни тем более объяснить.

В назначенное Донишем время все учащиеся медресе и муллы поднялись на крышу. Ахмад Дониш тоже был там; рядом с ним были часы, фонарь, тетрадка с цифрами.

Наверно, не один гиждуванец Садриддин, но и многие из учеников усомнились в эту ночь в справедливости и учености своих учителей.

— Ахмад-безбожник сеет неверие и смуту, если б его высочество наш эмир, дай бог ему здоровья и еще многих красивых жен, разрешил с ним расправиться… — сетовали

фанатики.

— Его высочество не хочет навлекать беды на свою голову и связываться с неверными. Ахмад — друг белого царя, его знают вельможи русских и Европы, его уважают ученые многих стран…

При изучении «Шамсии» Садриддин встретил объяснение лунного затмения и спросил учителя:

— Вероятно, Дониш вот при помощи такой таблицы и узнал о затмении, и, вероятно, он вовсе и не связан с нечистой силой?

Ведь в детстве боялся же Садриддин семиголового дива, пока отец не рассеял его сомнений…

Мо ответ учителя логики был самый нелогичный:

— Ученые говорят все, что им придет в голову. Они — ученики дьявола, а Дониш — их слуга. Человек, который хочет стать муллой, не должен вдумываться в слова ученых!..

Это циничное признание учителя объяснило Садриддину все, в чем он сомневался и о чем думал в долгие зимние месяцы. Зубрежка, бездумная зубрежка делает учеников муллами и дает им право на жизнь и смерть дехкан; занятия же предметами наук делают ученика ученым, но не дают никаких прав и навлекают гнев власть имущих. Две дороги — по какой идти, что делать — каждый сам решает для себя.

В марте кончились припасы, и Садриддин уехал домой к дяде. Это была встреча с миром детства, грустная встреча: родителей уже не было в живых, в доме Царевны Туты, сказочницы, мудрой старой женщины, жил уже только огромный кот, поля заросли бурьяном, чертополох покрыл заброшенный сад — все пришло в запустение.

Мальчик с дядей Курбон-Ниёзом поехали проведать другого дядю, Ниёз-хона, и там мальчик встретился с героем своих будущих книг — восьмидесятилетним стариком Бобо-Гуломом. Его в детстве выкрали разбойники и продали в рабство Абдурахим-баю и назвали Некадамом. Вот его-то сын Эргаш и был молочным братом Мухиддина, брата писателя.

Через три десятка лет после этой встречи Садриддин Айни напишет очерк «Дедушка раб», а еще позже — роман «Рабы», вобравший в себя всю горечь жизни народной, ее обиды и страдания, ее бесправие и нищету…

Сыны его высочества эмира

После казни Мулло-Туроба и еще двух мулл, нищие, обитавшие в печке, грязные, заросшие, покрытые рубцами и паршой, унесли на носилках тела казненных. На улице они останавливали прохожих и требовали деньги якобы «на саван». Люди, боясь приблизиться к ним, издали бросали им монеты.

«С южной стороны Регистана с тремя носилками в руках показались нищие, покрытые паршой, в золе с головы до ног, — читаем мы у Айни. — На них не было ни штанов, ни рубах, лишь бедра охватывала веревка, державшая рваную тряпку вместо передника, да со спин свисали рваные грязные халаты, тоже опоясанные обрывками веревок.

Все шарахались в стороны при их приближении, а они бежали к яме, волоча носилки и дерзко поглядывая на людей, говоривших:

— Сыны его высочества! Сыны его высочества!»

Сам эмир Абдулахад назвал этих нищих своими сынами. Эмир писал стишки, думал прослыть «поэтом, ученым, муллой, дервишем и святым». Однако, погрязший в пьянстве и разврате, в ханжестве и лицемерии, эмир — притеснитель и тиран — был так же далек от этих званий, как от справедливости, совести и человечности.

Эмир, обращаясь к этим нищим, писал:

Если соперников встретить тебе довелось,
Надо его успокоить, но тело и голову врозь.
Тело врага на носилках, мой сын, подними,
Прочь отнеси и на свалку куда-нибудь брось.

Один из трех казненных в «благородной Бухаре» и был Мулло-Туроб, виновный только в том, что стремился к прогрессу, к знаниям, тянулся к свету, разуму, был добр к людям, любил стихи, изучал литературу и знал наизусть классиков — Навои, Фирдоуси, Рудаки, Джами, собирал «русские слова» в тетрадку… Туроб регулярно посещал мечеть, молился богу и был мусульманином. И вот за эти «преступления» он был зарезан на глазах у жителей Бухары днем на площади Регистан перед Арном, а эмир смотрел на его убийство из-за стеклянной двери и улыбался. После казни эмир ушел в канцелярию вершить государственные дела, а тело Мулло-Туроба схватили «сыны его высочества», бросили на носилки и пронесли по самым

оживленным улицам. Там с прохожих нищие брали деньги, грозились, что, если кто не раскошелится, они того заразят паршой. А собрав «на саван», шли в опиекурильню, но даже в пьяном бреду не забывали о носилках, помогающих им зарабатывать. Так продолжалось три дня. На четвертый день жара, мухи и смрадный запах заставили «сынов его высочества» отнести тело покойника к хаузу на окраине Бухары. Там они и бросили его на свалку.

Садриддин, не по-детски впечатлительный, осознал, что за порядок в «благородной Бухаре» — что здесь царит произвол и что надо как-то все изменить. Но как? Когда? Эти вопросы пока оставались без ответа…

Вечеринка в Мир-Арабе

В начале 1891–1892 учебного года в медресе Мир-Араб помощник учителя Мулло-Абдусалом пригласил к себе гостей. На вечеринке прислуживал гостям и был поваром Садриддин. Шариф-джоя-Махдум — чтец группы, Мулло-Назрулло Лутфи — веселый, увлеченный поэзией и стихами переплетчик и хороший каллиграф, Мулло-Рахмат — цирюльник, составлявший в медресе деловые бумаги для богатых купцов, чтоб заработать на пропитание, мулла Окил — веселый, необидчивый, беззаботный молодой человек, мулла Бурхан из Куляба — высокий, плотный, лет тридцати, с огромной черной окладистой бородой, с глазами, окаймленными густыми ресницами, хороший рассказчик занимательных историй, сочетавший грубость горца с остроумием бухарца. Он писал плохие стихи и подписывался «Муштоки» — «жаждущий», но Луфти переиначил его псевдоним и получилось: «Муши тоги», что значило — горная мышь. Тогда Бурхан отказался от этого псевдонима и выбрал себе другой — «Бисмил».

Шариф-джон-махдум узнал Садриддина, вспомнил, что он победил когда-то в деревне в игре байтбарак его «непобедимого всезнайку», и пригласил его к себе жить. Эта вечеринка была последним днем жизни Садриддина в келье под крышей. Весь вечер здесь читали стихи, пели газели, рассказывали нравоучительные истории и приключения.

Садриддин жадно слушал все, что говорилось на вечеринке, как ученик слушает учителя, наконец он нашел людей, близких к литературе и искусству, и потянулся душой и сердцем к ним. Он нашел то, что искал, неосознанно блуждая в потемках и порой заблуждаясь в своих выводах и суждениях: за весь вечер ни один из участников ни словом не обмолвился о вакфе и зякете, чордахе, подношениях и взятках, не позавидовал другому, не позлословил исподтишка. Один только Мулло-Бурхан, на два года отлучавшийся из Бухары, рассказал о своих злоключениях, похождениях, о своей глубокой скорби и чистой любви, и рассказ его — поэтичный, печальный, а иногда и забавный — запомнился мальчику настолько ярко, что через много лет Айни привел его в своих воспоминаниях.

Чтобы рассеять тяжелое впечатление от рассказа Мулло-Бурхана, Мулло-Рахмат, цирюльник, решил развеселить всех историей купца, влюбившегося в женщину из Маргелана, и о том, как, заметив это, приказчик обманул его, явившись к нему на свидание в женской накидке и с закрытым лицом.

Все весело смеялись над рассказом Мулло-Рахмата. Потом еще долго пели, читали стихи, рассказы…

Шариф-джон-махдум, прощаясь с Садриддином, опять пригласил его жить к себе…

Это был последний вечер пребывания Садриддина-гиждуванца в медресе Мир-Араб.

Начиналась жизнь в медресе Говкушон в квартале Гозиён и тесное знакомство с людьми, любящими искусство и литературу, — новая жизнь в доме Шариф-джон-махдума, новый период уже осознанной жизни Садриддина…

Эти беседы сыграли большую роль в становлении Айни, как человека и как писателя.

Впоследствии он вспоминает:

«Я был очень рад; уйдя от живых мертвецов, я вступил в круг людей с живыми сердцами…

Здесь читались стихи, рассказывались веселые истории. Обычно на этих вечерах я и Мирзо-Абдулвохид прислуживали гостям — разливали чай, разносили блюда… Я впитывал в себя все, что здесь говорилось…»

И в то же время в медресе Мир-Араб, где было свыше трехсот студентов и мулл, уже прошедших курс обучения, Айни «не встретил ни одного человека, который хоть бы раз завел разговор о стихах и литературе».

Иногда в медресе приходил и великий просветитель конца XIX века Ахмад Дониш. Его называли ученым и в то же время считали неверным — безбожником. Садриддин часто с интересом рассматривал издали этого высокого, с огромной, склоненной набок головой, проницательными глазами под нависшими бровями, ученого, еретика, безбожника, неверующего муллу. Ахмада Дониша по справедливости можно назвать одним из великих просветителей XIX века. В то время, когда случайно сказанное слово, одежда русского покроя, недостаточно низкий поклон могли повлечь суровое наказание, Ахмад Дониш открыто критиковал медресе и служителей культа, продажность и низкопоклонство чиновников, невежество дехкан, отсталость обычаев, бесправие женщин.

На Кавказе Фатали Ахундов, в Казахстане — Абай, в Татарии — Габулла Тунай, в Средней Азии — Ахмад Дониш — люди одного поколения, просветители конца XIX века, во весь голос, не страшась, открыто и смело бросили вызов суеверию и страху перед власть имущими, существующему режиму и его правителям — всему темному царству насилия и угнетения.

Показать власть имущим пороки существующего строя, открыть глаза правителям на зло, творимое с их ведома и их

руками; и тогда правители искоренят зло и справедливость восторжествует!

Как близки они идеалам социал-утопистов: Вольтера, Дидро, Жан-Жака Руссо…

Однако в бухарском эмирате, в стране, самой отсталой в экономическом и политическом отношении, в стране фанатиков и изуверов, в ханжеской «благородной Бухаре», требовались огромная вера в торжество добра, любовь к людям и личные отвага и мужество, чтобы написать книгу «Наводир-ул-вакое».

Почему же не последовала расправа с ученым, более того — почему Ахмад Дониш, слывя муллой-безбожником, мог свободно пройти в медресе, и при его появлении муллы-мударрисы почтительно вставали с мест, прислушивались к его словам и даже не пытались с ним спорить? Правда, за его спиной муллы злословили о нем и поносили его. Почему же фанатики-мусульмане не растерзали его? Кто были его друзья и заступники?

Такие вопросы, вероятно, задавал себе маленький Садриддин…

Через полстолетия (14 декабря 1948 года) в письме к Турсун-заде бывший ученик медресе Садриддин Айни даст ответ на эти вопросы.

Из этого письма мы узнаем, что все великие просветители тогдашней Бухары — ученые и философы — подвергались преследованиям, что соратник Дониша мулла Мультасим бежал, Исо бежал, а потом, вернувшись, стал домоседом, Сарир и Сарат, опасаясь гнева эмира, отошли от просветительской деятельности. Только счастливый случай сохранил для потомства не только труды Ахмада Дониша, но и его самого спас от преследований. Донишу выпало счастье однажды побывать в России, и трус эмир вообразил, что Дониш — «друг русского императора», побоялся его прогнать и вообще так или иначе расправиться с ним.

И опять-таки «счастливый случай» дал возможность скромному ученику медресе Садриддину Айни познакомиться с трудом великого ученого и проникнуться его идеями.

Юноше однажды поручили сличить переписанные с подлинником произведения Дониша «Редкие события». Волей-неволей Садриддину пришлось прочитать всю книгу мудреца от начала до конца.

В первой части книги Дониш излагал свои философские взгляды на строение вселенной, вторая часть была посвящена критике основ эмирской власти, отношениям чиновников к народу, критике деятельности медресе, учителей и учеников, критике методов преподавания всех дисциплин, изучаемых в

медресе, а также разбору семейных отношений, брака и развода…

Вторая половина XIX века — присоединение среднеазиатских владений к России, приобщение к ее культуре, к освободительному движению революционеров сыграли огромную историческую роль, стали важным этапам в развитии Средней Азии, но в то же время усложнили и без того запутанные отношения людей, и подточили основы правления бухарского эмирата, и ограничили личную власть эмира. Если в эмирате господствовал феодализм, то вместе с тем уживалось рядом рабовладельчество, как это могло быть только в Средней Азии: рабовладельческие отношения перерастали в буржуазные не революционным путем, а долго и мучительно. К концу XIX века в Средней Азии стал зарождаться капитализм.

Дехкане были полной собственностью бека, который мог их купить, продать, убить. Эмир властвовал над беками, как беки над дехканами. Это была власть светская. Но была еще другая, не менее могущественная: муллы и ишаны творили свое правосудие, и беки старались с ними ладить. Дело было не в одном только господствующем их положении в обществе; они пользовались огромным влиянием среди темного и невежественного народа. Каждое слово их считалось священным и непререкаемым. Стоило, например, какому-нибудь мулле из заброшенного кишлака объявить, что тот или иной чиновник эмира или бека безбожник, как он изгонялся за пределы эмирата или, привязанный к позорному столбу, умирал лютой смертью. А уж что говорить о дехканах, с ними расправлялись еще более простым и жестоким способом.

Ко всему в эмирате творил суд еще кози-колон — верховный судья. Над муллами тоже стоял особый правитель, а существовала еще должность миршаба — начальника ночной стражи. Тот мог, обвинив любого мусульманина, взять с него огромный выкуп или сгноить заживо в зиндане.

Правитель из России, военный генерал-губернатор и его чиновники вершили свой суд независимо от других инстанций. Но все эти «правители» согласовывали свои действия друг с другом и решали сообща один очень важный вопрос: нет ли у обвиняемого богатых родственников или влиятельных покровителей? Если есть — любая вина могла быть оправдана, если нет — независимо от степени вины несчастному грозила смертная казнь, а родственникам его — разорение, обнищание или рабство на чужбине.

Эмир Сайид Алим-хан не был столь грозным и самодержавным правителем, как Тимурл, просто это был

маленький бек огромных владений, хотя всюду и вершился суд его именем. Под крылышком эмира подвизались его родственники и агенты английской, германской и турецкой разведок: их целью было отторгнуть Азию от России, сделать своей колонией. В огромном гареме эмира были красивые наложницы многих наций и мальчики 14–16 лет. Этой его слабостью пользовались агенты и предприимчивые беки. Нетрудно было задобрить эмира — достаточно было подарить несколько наложниц для его гарема. Были специальные люди, рыскавшие по кишлакам в поисках молоденьких красивых девушек. Дважды в году эмир отдыхал у себя на даче в Ялте…

Таджикский народ сложил добротное здание — классическую литературу, но…

Но к концу XIX века поэты уже либо подражали классикам, либо на все лады воспевали вино и женщин и «величие» эмира.

Женщин покупали, продавали, убивали, и никто не смел их защитить. У женщины не было никаких прав; человеком считался только мужчина — богатый, знатный, имеющий влиятельных родителей или покровителей.

…Знакомство Садриддина Айни с рукописью Ахмада Дониша «Наводир-ул-вакое» стало целым событием для пытливого и ищущего ученика медресе, произвело переворот в его мировоззрении и миропонимании, было подлинной «революцией мысли», как выразился он сам впоследствии.

Писать просто и ясно, как Ахмад Дониш, писать об окружающей жизни — обычаях народа, бесправии дехкан и произволе чиновников и беков, ишанов и мулл, эмира и знатных людей, писать правду жизни, просвещать, народ, «укрепиться в вере «безбожника» Ахмада Дониша», потому что «нет веры крепче, чем его вера».

Логическим продолжением наивного просветительства было возникновение джадидизма, выродившегося впоследствии, но в свое время сыгравшего свою положительную роль в освободительном движении народа.

Айни, и это естественно, на некоторое время примыкал к движению джадидов: открывал новометодные школы, критиковал некоторые обычаи и учеников медресе, стал выписывать газеты. Но он вовремя порвал с джадидами и бесповоротно стал певцом революции, ее трибуном и глашатаем. Это уже потом, а тогда…

Начало XX века, возникновение и развитие капитализма в Средней Азии, фанатичность служителей культа и произвол правителей, беспощадные споры богословов-схоластов в медресе, пустые, напыщенные стихи с перепевами классических бойтов, восхваление эмира — и вдруг… рукопись «Наводир-ул-вакое»

Ахмада Дониша…

Эта книга показала юному Садриддину, что, кроме схоластических знаний, получаемых в медресе, есть другие знания — знания астрономии и математики, литературы и искусства, поэзии; что, кроме веры, насаждаемой в медресе, есть другая вера — вера в величие и достоинство человека. Юноша сожалел, что при жизни Ахмада Дониша (тот умер в 1896 году) он не смог подойти к нему, поговорить с ним. Правда, сам юноша еще не представлял себе, как, какие знания и кому он понесет. Пока что будущее было туманно и неопределенно, но выбор был сделан и найдена достойная цель жизни. Это был 1900 год. Конец XIX века и начало XX века.

Начинался новый век, новая жизнь, назревали бурные события. К этому времени уже Садриддин не прислуживал сынкам богатых родителей, чтобы заработать на хлеб, он теперь помогал воспитанникам медресе учиться читать и писать. Его уже называли мударрисом и к нему обращались воспитанники других медресе. Богатые люди, махдумы и муллы, заискивали перед ним, боялись его острого и меткого слова и его влияния на учеников медресе. В это же время он прослыл ученым и поэтом. Правда, стихи его в большей части были подражанием классическим бойтам, но он освоил форму и ритм и мог свободно вступить в спор с любым, в карман за словом не лез, а ко всему этому он еще и считался мастером плова — ведь он долгое время стряпал и варил состоятельным ученикам, чтобы самому не ложиться с пустым желудком! И теперь, когда собирались друзья, Садриддин-мулла сам варил плов…

Учащемуся медресе запрещалось читать светские книги, не говоря уже о газетах и журналах; писание стихов считалось великим грехом, подлежащим наказанию. Садриддин свои стихи подписывал различными псевдонимами: «Сифли» («униженный»), «Мухтоджи» («нуждающийся»), «Джунуни» («безумный»), а с 1896 года — «Айни». Слово «айни» имеет 48 значений, и самому Садриддину нравилась его благозвучность, к тому же поэт Хайрат одобрил и стихи и псевдоним, поэтому юноша решил оставить себе псевдоним «Айни». Очень скоро все ученики медресе и жители Бухары знали «большого муллу», ученого, поэта Садриддина Айни. Даше близкие друзья стали называть его просто Айни. Уже в 1905 году Афзал Махдум Пирмасти, составляя антологию — тазкира, включил в сборник стихи Садриддина Айни. «Знатоки» классического стихосложения, приверженцы канонического стиля истолковали любовные стихи Садриддина Айни в суфийском смысле. И надо оказать, что то время пока еще было временем поиска формы и содержания,

порой даже на ощупь, в потемках…

Поэт обращается к сатирическим стихам. Каждый десятый ученик медресе получал милостыню — «дахьяк». Очень часто ученик, не очень нуждающийся, получал «дахьяк», а остро нуждающиеся не получали. «Дахьяк» выплачивали из денег, награбленных чиновниками эмира, — народных денег. Айни в стихах высмеивает «дахьяк», и скоро все ученики и учителя медресе знали это стихотворение. Дошло оно и до эмира бухарского. Эмир справился, получает ли Айни «дахьяк», и, узнав, что получает, — удивился. Если бы Айни не получал, то все было бы просто; но откуда было знать эмиру и муллам, что поэта меньше всего занимали его личные интересы?

В 1902 году умирает двадцатичетырехлетний Хайрат. Способный, ищущий поэт, близкий друг Айни, Хайрат стремился к простоте и ясности языка, этому же учил и своего друга Айни. Поэт тяжело переживал смерть друга: ведь Хайрат первым признал талант Айни и посвящал его в тайны стихосложения, вместе они мечтали нести знания в народ…

Наконец Шариф-джон-махдум, покровитель Айни, признал талант Айни в стихах и прозе, это произошло в 1902 году, когда Шариф-джон-махдум уехал в Керки, куда был назначен казием. Он пригласил в гости Айни. Айни не посмел ответить отказом. Однажды писец казия Мирзо-Ахмед пришел в судейскую расстроенным. В руках у него было письмо.

— Чем вы так расстроены? — спросил Айни. Юноша ответил, что его собираются уволить.

— Откуда тебе известно?

— Казий сегодня получил письмо от старшего брата. У того умер сын и другой родился.

— Ну, а ты при чем?

— Я должен написать письмо-соболезнование и одновременно поздравление. А я даже простое письмо составлять не умею. Прогонят меня с работы.

Айни составил это письмо:

«Хотя то, что один из молодых побегов срезан, и вызывает печаль, однако нельзя забывать, что по законам природы это должно явиться причиной быстрейшего роста остающегося побега. Поэтому надлежит поздравить Вас с тем, что вместо умершего ребенка Вы обрели вновь родившегося, который, несомненно, достигнет зрелости и совершенства».

Прочитав это письмо, Шариф-джон-махдум признал талант Айни в прозе. Сам поэт признает, что если он стал считать себя поэтом только после признания его таланта Хайратом, то прозой он стал писать только после признания Шариф-джон-махдумом.

Первая русская революция 1905–1907 годов всколыхнула Среднюю Азию. Россия становилась центром мирового революционного движения. Гнет в Азии был двойной, даже тройной: феодальный, колониальный и капиталистический. Иной раз бывало и так, что население целых деревень состояло из рабов и крепостных. Чорьяккоры — относительно свободные земледельцы — также не имели никаких прав. Безраздельное господство хозяев — баев, служителей культа и эмирских чиновников — носило столь запутанные формы, что трудно было порой определить, кто хозяин дехканина.

Русская революция всколыхнула Среднюю Азию. Уже в 1905–1907 годах бастовали рабочие хлопкоочистительных заводов. Эмир и его прислужники решили запугать народ репрессиями, строжайшим, жестоким террором. Тюрьмы и зинданы были переполнены, ежедневно без суда и следствия казнили 200–300 человек, причем эмир лично наблюдал работу палачей.

Мелкая интеллигенция и местная буржуазия искали выхода из создавшегося положения; создавали полулегальные реформистские общества, ставившие своей целью ограничить власть эмира, упорядочить систему налогов, добиться разрешения получать газеты, издаваемые в России, и открыть светские, или, как их называли, «новометодные», школы, в которых ученики учились бы читать, писать, считать.

С другой стороны, Англия, Германия и Турция внимательно следили за событиями и положением в Средней Азии и на Кавказе — заманчиво было бы захватить такие богатые сырьем колонии! Однако выступить с оружием в рунах, объявив войну России, они пока не смели. Надо было идеологически подготовить почву для интервенции, использовать для этого религию и ее служителей, раздуть национальную рознь, настроить народ против русских и России. Используя недовольство народа и буржуазии, сложную и противоречивую форму правления, взяточничество, казнокрадство и назревающий протест народа, агенты империализма подняли флаг «единого независимого мусульманского государства Туран» под руководством и властью, «под защитой» Турции, возможно, с парламентом, а при случае и с эмиром, только уже ограниченным в правах. Фитрат и Бехбуди в Средней Азии, Исмаил Гаспринский в. Крыму — агенты Турции сколачивали мелкую буржуазию, националистов, интеллигенцию в тайное общество, получившее название «джадидских». Если джадиды, с одной стороны, добивались реформы и лавировали между эмиром и народом, то, с другой стороны, они боялись революции и любыми средствами стремились задушить революционное движение народа. Громкие

фразы джадидов, требование реформ, новометодных школ поначалу увлекли молодого Садриддина Айни, и он по их примеру организует общество «Просвещение».

Татарские купцы в Бухаре открыли новометодные школы, и Садриддин Айни работает в одной из них переводчиком, впоследствии сам открывает такие школы, пока их «высочайшим приказом эмира» не ликвидировали. С ликвидацией школ фактически прекращает свою деятельность и общество Садриддина Айни. С 1905 года все помыслы Айни направлены на просвещение народа: используя татарские издания, он составляет учебники для новометодных школ: «Религиозные предписания», «О правильном чтении корана», «Воспитание юношества». Все книги Айни начинались именем бога, и революционного в них было мало: там мы найдем восхваление природы, высказывания о пользе грамоты, об освобождении женщин, немного о литературе. Но в условиях бухарской действительности это были «дерзкие и крамольные» книги.

Гость из Соктари

Их было три брата. Самый старший — Мухиддин-ходжа — был настоятелем мечети в кишлаке Соктари и обучал детишек в медресе. Два других брата — Садриддин и Сироджиддин — жили в Бухаре.

Осенью 1914 года Сироджиддин женился и нашел себе жилье в Пои-остона — одном из районов Бухары. У молодого мударриса, помимо уроков в медресе, было много других дел, и он с утра до позднего вечера не появлялся дома.

Молодой жене его приходилось сидеть дома, и очень скоро она стала жаловаться мужу на одиночество.

После долгих раздумий молодой муж пришел к решению: сходить в свою деревню Соктари и привезти своего семилетнего племянника Муслихиддина. Да к тому же он более надежного товарища молодой жене и не мог бы подыскать!

В родном доме Муслихиддин слыл беспокойным шалуном. Но в городе он быстро привязался к жене своего брата и под ее влиянием стал послушным и покладистым. Жена Сироджиддина тоже полюбила мальчика и однажды упросила мужа взять с собой Муслихиддина в Бухару.

— Какой же вы дядя, если даже один раз не можете взять его в город?

В тот день дядя и племянник долго бродили по городу, осматривали медресе и мечети, высокие купола и резные ворота. Наконец они пришли к главному хаузу Бухары.

— Этот пруд называют хауз Девон-беги, — объяснил дядя. — На его берегу есть два медресе. Вот это, напротив которого мы стоим, — дядя указал рукой на юг, — называется медресе Девон-беги. Другое, северное, называют Кукельташ.

— Дядя мой, большой мулла, в какой из них? — спросил Муслихиддин.

— Твой дядя Айни — большой мулла в медресе Кукельташ, мы сейчас отправимся к нему, — ответил Сироджиддин.

«Большой мулла», дядя Муслихиддина, в то время уже прослыл в Бухаре поэтом и образованным, ученым человеком. Он занимал тесную келью в медресе… Дядя потянул кольцо двустворчатой двери кельи, и дверь со скрипом открылась в коридор. Их приветливо встретил худощавый светлолицый мужчина средних лет и пригласил войти. Муслихиддин сразу признал дядю — «большого муллу», потому что много раз видел у себя дома… Айни тоже сразу догадался, зачем приехал в Бухару племянник, и с легким смешком он осмотрел его с головы до ног.

Вероятно, в эту минуту Айни вспомнил свое детство и мысленно сравнил себя с племянником — наивным кишлачным мальчонкой. Таким же наивным был и он сам двадцать четыре года тому назад, когда после смерти отца и матери брат Мухиддин привел его в Бухару учиться.

Муслихиддин оглядел келью: в углублениях стены и по углам — всюду были книги и газеты. На маленьком низеньком столике — бумаги, гусиное перо и резная массивная чернильница.

— Надо его определить в школу, пусть Муслихиддин не теряет зря времени, — сказал Айни, повернувшись к Сироджиддину.

Муслихиддин обрадованно спросил:

— Я теперь в медресе буду учиться, да?

Айни вопросительно смотрел на брата, а тот, в свою очередь, ждал совета Айни.

— Ты приехал в Бухару в новые времена. Тебе вовсе не обязательно учиться в медресе, тебе нужна светская школа…

Сироджиддин по совету Айни на следующий же день привел Муслихиддина в «новую школу». В те годы таких школ в Бухаре было мало, и были они неуютные и неблагоустроенные. Эти школы открывало тайное общество «Прогресс», членами которого были Айни и Сироджиддин.

…Революция в России 1905 года оказала большое действие на духовную и культурную жизнь Бухары. Теперь в русской печати изредка появлялись вольнолюбивые статьи, призывы, стихи и рассказы. Попадали в Бухару и некоторые газеты России, выходившие на татарском языке. Под влиянием русской революции происходили некоторые изменения реформистского порядка. Но с революцией они ничего общего не имели. В условиях Средней Азии в эмирате Бухары однако ощущался некоторый сдвиг, вот потому-то и появилась возможность открывать светские школы.

Молодой Айни принимал участие в этом передовом движении. Он боролся за изменение системы образований. Совместно со своим другом Мирзо-Абдулвохидом он даже открыл школу, куда бесплатно принимались дети бедняков. Вдвоем они написали книгу «Тахзиб-ус-Сибьён» («Воспитание юношества»).

Это была первая книга, учившая детей читать и писать. В старой школе с грехом пополам учили только читать. Ребята проходили «Хафтияк» — тоненькую книжку с коротенькими рассказами на религиозные темы, а затем они изучали коран — основу мусульманской религии, — его главные положения. В старой школе все обучение было направлено против каких бы то ни было наук, и, заканчивая ее, молодые люди не умели ни как

следует читать, ни писать, они не получали знаний, которые могли бы им пригодиться в жизни.

«Тахзиб-ус-Сибьён» («Воспитание юношества») знакомила учащихся с природой, с моралью и этикой, правилами хорошего тона, учила ребят читать, писать, считать, прививала любовь к труду, к земле и уважение к труженику. Это была первая книга, направленная на воспитание детей и облегчавшая учебный процесс.

Влиятельные муллы протестовали против новшеств Айни и очернили его перед эмиром, обвинив в том, что якобы из его школы дети выходят «неверными — богоотступниками» («кафирами»). Под их нажимом школу пришлось закрыть, а основатели ее — Айни и Мирзо-Абдулвохид — попали в число неблагонадежных.

Разгневанная толпа фанатиков на улице чуть не убила Мирзо-Абдулвохкда, Он был вынужден бежать из Бухары в Карши. Айни тоже несколько дней скрывался, а потом пошел к аламу (предводитель всех мулл Бухары, он решал все спорные вопросы между муллами). Алам в свое время был учителем Айни. Айни доказывал аламу, что новая школа никакого вреда религии и шариату не принесет, только дети дехкан быстрее научатся читать и писать. Алам сначала смутился, растерялся и через некоторое время, после раздумий, ответил:

— Что тебе в том, будут ли другие грамотны или нет? Сам ты — грамотный, ученый, будь же судьей, чиновником и, если хочешь жить, не вмешивайся в дела, не касающиеся тебя.

Айни понял, что, если он уступит, алам устроит его получше, если нет — уничтожит его.

…Новая школа и жизнь в городе маленькому Муслихиддину пришлись по душе. Он быстро сошелся с одноклассниками, нашел новых хороших друзей и охотно, с удовольствием посещал школу. Учился с большим прилежанием. Быстро освоился с дорогой в школу и домой. Каждый день после уроков в школе приходил в медресе Кукельташ в келью дяди — «большого муллы». Айни всегда встречал хорошо, расспрашивал об уроках и успехах. Потом, подозвав Абдунасима, заказывал для племянника кябаб. Абдунасим приносил кябаб. Муслихиддин мыл руки, чинно усаживался на полу за достархан. После с разрешения дяди муллы выходил из кельи и бежал в Плистона — домой, к дяде Сироджиддину, где его с нетерпением ожидала добрая тетя. Она ждала со сладостями. Она очень ждала его…

Однажды Муслихиддин после уроков пришел в келью к «большому дяде мулле». Он увидел отца, озабоченно беседовавшего с дядей. Оба были расстроены.

Муслихиддин, соскучившийся по отцу, обнял его и взобрался к нему на колени. Отец сказал, что Муслихиддину нужно немедленно возвращаться в кишлак.

— А моя учеба, что с ней будет? — с тревогой спросил Муслихиддин. Он с ожиданием и надеждой смотрел на Айни, он ведь так полюбил учебу и был так терпелив и прилежен. Но «дядя мулла» ничего не смог ему ответить.

Айни сам был в подавленном, угнетенном состоянии.

Встреча с кушбеги [2]

Малолетний Муслихиддин не понимал еще очень многого. Он не понимал, почему внезапно оторвали его от школы, почему вдруг отец увез его в кишлак, почему дядя мулла не ответил на его вопрос и был расстроен?..

Но скоро вслед за Муслихиддином и отцом дядя мулла Айни приехал к ним в кишлак. Он невесело пошутил:

— Когда ты был моим гостем в Бухаре, я тебя угощал кебабом. Чем же теперь ты меня угостишь?..

Почему же дядя мулла шутит и смеется так невесело?..

Да, Муслихиддин был малышом и многих вещей не понимал…

В Бухаре, в условиях первой мировой войны, в результате поражения России, влияние людей, добивавшихся свободы слова, неизмеримо возросло: люди прислушивались к их словам…

Губернатор Ташкента, чтобы подавить свободомыслие, открыл в Бухаре отделение тайной полиции во главе с начальником отделения Вельманом. Это отделение находило подходящих людей из жителей Бухары и принимало на службу как агентов, осведомителей и доносчиков. Ежедневно в Бухаре проводились обыски и аресты, разумеется, с ведома и разрешения эмира.

Август 1915 года. Айни гостил в своем родном кишлаке — Соктари. К нему из города внезапно приехал его друг Мирзо-Абдулвохид.

— Два дня тому назад, — сообщил он, — нас около пятидесяти человек по одному призвали к кушбеги. «Вы занимаетесь политикой, — сказал он, — агитируете против русских солдат. Вас надо наказать». Потом с каждого из нас взял расписку, что мы не будем читать газет, и отпустил. Должно быть, и вас вызовут к нему, но не бойтесь.

Айни быстро собрался в Бухару: надо было встретиться и поговорить с членами общества «Тербияти фатол»…

Понятно, что собираться им всем вместе было рискованно: тайная полиция не дремала, на каждом перекрестке дежурили ее агенты…

Но не успел Айни приехать в Бухару, войти в медресе Кукельташ, как его встретил во дворе муэдзин медресе и заявил:

— Люди господина кушбеги разыскивали вас и меня обязали привести вас к нему.

— Напрасное беспокойство и тревога, я не убегу! — сердито ответил Айни и вошел в свою келью…

Наутро Айни отправился на прием к кушбеги.

Во дворе дожидались несколько мулл. «Наверно, умер какой-то мулла или мударрис и они добиваются его места», — отметил про себя Айни.

— Братья, — сказал один из мулл, признав Айни, — Айни никогда не обращался к представителям власти, очевидно, сегодня что-то случилось, если он добровольно, собственной персоной заявился сюда. Мы ежедневно бываем здесь: уступим же ему дорогу, пусть он раньше нас пройдет со своей просьбой — нам спешить некуда.

Муллы, стоявшие в ожидании приема кушбеги, уступили, и Айни, пройдя сквозь их строй, прошел к окошечку и приветствовал кушбеги:

— Ассалом алейкум!

— Ну, в чем дело? — вместо приветствия ответил кушбеги. Он в лицо не знал Айни.

— Я Айни!..

— Ха-ха-ха-ха! — обрадовался кушбеги и, достав список, приказал Айни сесть.

— Вы читаете газеты и агитируете против русских солдат!

— Правда, я читаю газеты, — ответил Айни, — но агитацию против русских солдат не провожу.

— Если это правда, то почему ваша фамилия стоит первой, значит ваша вина тоже должна быть больше всех?

Откуда было знать кушбеги, что русский алфавит начинается с буквы «А» и «Айни», естественно, должен был стоять в первом ряду. Список-то составляла тайная охранка русского губернатора в Ташкенте!

— Почему же ваше имя значится одним из первых? Огромна степень вины вашей! — опять повторил кушбеги с особым ударением, многозначительно поглядывая на Айни. — От степени вины зависит мера наказания.

— Это уж узнайте у тех, кто составлял список. Надо их спросить.

— Этот список составляла тайная организация, — кушбеги воздел к потолку руки, — это организация России, не проверив и не доказав, они ничего не напишут, все ясно.

— Кто бы ни составлял этот список, но он составлен неправильно, — ответил Айни, — к кому и куда мне обратиться, чтобы опровергнуть это? Пусть смогут доказать, если уж написали.

— А почему вы читаете газеты? — спросил кушбеги.

— Газета не секрет и читать ее не преступление. Я сам ее не пишу и не печатаю. Я не читаю запрещенные издания. Я читаю

газеты, изданные в России и разрешенные русской цензурой, ее приносят почта России и ее государственные чиновники. Ее читают сотни людей, и я один из них. Разве это преступление?

— Вы — мулла, поэт, уважаемый и авторитетный, если то, что вы читаете газеты, станет известно народу, правительству, пойдут разговоры. Читайте коран, а книги, газеты вам читать не следует.

— Я много читал коран и другие книги, я устал их читать, мне нужно что-то новое, чтобы отдохнуть, вот я и читаю газеты и журналы.

— Если же очень надо, то хоть не занимайтесь этим до конца войны!

Так как Айни стоял на своем, кушбеги обозлился.

— Очень хорошо! Скажите «не читаю и уходите! — распорядился он.

— Я не привык обманывать и не умею.

— Хорошо! — крикнул кушбеги. — Ступайте!

Когда Айни возвращался, мулла, уступивший очередь, заметил:

— Долго говорил с его преподобием кушбеги, наверное, добился определенных успехов, сумел его уговорить? Поздравляю!

— Пока что поздравлять меня рано, — ответил Айни, горько усмехнувшись, и направился к выходу.

Друзья посоветовали Айни на время скрыться в другом городе, уехать подальше… временно. При помощи их Айни добрался до станции Кизилтеппа и поступил на работу на хлопкозавод.

Хлопкоочистительный завод Кизилтеппа принадлежал баю. Часть хлопка шла хозяину завода, другая часть — спекулянту-перекупщику.

Положение рабочих, таджиков из Каратегина (горной области Таджикистана), было очень тяжелым. Их эксплуатировали не только хозяин, но и подрядчики, вышедшие из их же среды. Тяжелые условия труда рабочих завода Айни впоследствии ярко обрисовал в повести «Одина». Это первое реалистическое произведение таджиков, настолько емкое и яркое, что по праву можно считать началом таджикской прозы. Это произведение занимает большое место в истории советской таджикской литературы. Мы еще вернемся к нему.

Садриддин Айни с сентября 1915 года и до конца 1916 года работал продавцом семян хлопка (чигита). Поладить с хозяином он никак не мог, так как не умел быть покладистым, мягким в выражении, и не скрывал своего отношения ко всему

происходящему. Поэтому был вынужден бросить работу.

В Бухаре по-прежнему лютовала царская охранка, не радостью были аресты безвинных, обыски квартир и выслеживание подозрительных. Работники полиции, агенты, чиновники извлекали из всего этого большую выгоду для себя. Так, например, первый секретарь тайной полиции, агент Шулке, брал взятки с «подозрительных». Шулке обвинил в «неблагонадежности» даже родственников верховного судьи эмира — кози-колона и под этим предлогом арестовал их. Когда же кози-колон передал ему кругленькую сумму, Шулке выпустил обвиняемых из-под стражи и в письме к кози-колону даже передал им «большой привет». Оба эти документа — первоначальное обвинение и дружественное письмо — после взятки были переданы в совдеп города Когана после Февральской революции 1917 года. На основании этих писем совдеп Когана принял решение арестовать Шулке, но Шулке успел бежать от возмездия в Петроград.

Милость власть имущих

Весну 1916 года Садриддин Айни провел в путешествии. Он ездил по районам и кишлакам Бухары, знакомился с жизнью народа. Побывал в Фергане, Ходженте и Самарканде.

В конце октября, когда он, путешествуя, попал в Карши, ему пришло известие из Бухары:

«Срочно возвращайтесь в город. Вас назначили мударрисом в медресе Хиёбон».

Это известие Айни удивило. Его без всяких просьб и хлопот назначают мударрисом одного из самых больших медресе Бухары! Дело в том, что, чтобы попасть в это медресе, требовалось по меньшей мере лет десять трудиться в других медресе, поклониться власть имущим, кое-кого из чиновников угостить и, наконец, дать взятку. И вдруг!.. Что-то, видно, случилось! Его без просьбы и низкопоклонства назначают туда!..

Однако ничего удивительного в этом не было. Власти эмирата не хотели упускать из виду, выпустить из-под своего контроля, своего влияния такого видного поэта и ученого, уважаемого простолюдинами человека. Ведь, находясь в кругу мулл, принадлежа к этому обществу, Айни попадал под опеку и контроль тем скорее, чем выше был занимаемый им пост. Кроме этого, тайная полиция России была обеспокоена тем, что такой влиятельный среди народа человек уходил из-под надзора полиции и был в постоянном окружении рабочих завода, простых тружеников, среди которых было много неблагонадежных…

Агент предписывал эмиру ввести Айни в круг мулл и держать под неусыпным надзором…

Конечно, сам Айни в то время всего этого не знал. Он не был связан с революционным движением и особого контакта с рабочими не имел.

Айни вернулся из Карши в Бухару и в эмирской канцелярии в Арке взял ярлык-приказ, назначение мударрисом. Но он не хотел быть мударрисом в медресе Хиёбон. Айни на сто тенег устроил угощение для служек этого медресе:

— Хотя меня его высочество и назначил к вам мударрисом, но я имею замечания и предупреждения и поэтому работать у вас не смогу.

Служки обрадованно приняли отказ Айни: ведь пока придет новый мударрис, им будет вольготнее, да и средства, поступающие в кассу медресе, можно делить между собой…

С легкой душой Айни вновь вернулся к себе в келью в медресе Кукельташ…

Действия вольнодумцев и их последствия

Вести о Февральской революции 1917 года и свержении царскою самодержавия пришли в Бухару с большим запозданием. В марте агент тайной полиции в Когане объявил о «добровольном» отказе царя от престола.

Всего в нескольких километрах от Бухары — в Когане и даже возле ворот города, у вокзала — железнодорожники устраивали манифестации, митинги. Однако эмир и его свита приняли все меры, чтобы ветер революций не проник в Бухару, обошел ее стороной.

Люди кушбеги строго следили, чтобы бухарцы не смели соприкасаться с участниками манифестации. Конечно, Февральская революция так или иначе все же повлияла на внутреннюю жизнь Бухары, пошатнула устоявшиеся веками, освященные кровью жертв и стонами измученных порядки и обычаи многострадальной Бухары.

После Февральской революции в Бухаре начинается реформистское движение — джадидизм. Требования и просьбы джадидов в основном не были новинкой. Еще до мировой войны раздавались голоса, требовавшие реформ.

Джадиды многого не требовали. Они просили реформ правления эмирата и определенного порядка и режима. Просили небольших свобод для школ и медресе, небольшого земельного переустройства. В целом они были согласны с правлением эмира и не помышляли о его свержении.

Члены тайного кружка «Тербияти фатол» увлекались реформистским движением — джадидизмом, и было вполне закономерно, что кружок, не имевший даже программы борьбы, распался. Руководители утверждали, что, поскольку революция в России победила, необходимость в тайном обществе и в борьбе отпала. Все усилия Айни сохранить организацию оказались безуспешными. Его поддерживали брат Сироджиддин и еще двое членов, однако этого было мало…

Временное правительство не оставило «безответным» письмо джадидов. Временное правительство приказало провести реформы «сверху» при помощи и участии эмира. Эмир обещал реформы…

И вот 6 апреля 1917 года (по старому стилю) был объявлен указ эмира — фармон, — извещавший народ о частичных реформах. В фармоне говорилось, что эмир сам себя

ограничивает в правах, для государственных служащих назначается заработная плата, из «ученых и грамотных» людей Бухары образуется совет, наподобие русской Государственной думы, с совещательным голосом при дворце эмира. В фармоне не было ни одного положения, ограничивающего единовластие эмира, не было и реформ, облегчающих положение трудящихся. Как говорят, «расходы на похороны усопшие не несут».

Но руководители джадидов собирали народ на митинги и с трибуны благодарили эмира за «уступки и внимание к народу». Не довольствуясь митингами, они 8 апреля организовали, как оказалось позже, провокационную манифестацию со знаменами и плакатами с надписью: «Да здравствует свободолюбивый эмир — защитник свободы!»

Садриддин Айни был против таких выступлений и на демонстрацию не вышел. Он и других уговаривал не ходить. Когда 8 апреля началась демонстрация, муллы и эмирские чиновники решили подавить реформистское движение, задушить революционный дух и пресечь любую возможность свободомыслия и упрятать в тюрьму лучших людей Бухары, считавшихся подозрительными и опасными. Поводом могла послужить демонстрация «поддержки и благодарности»…

На улицах собирались муллы и фанатики-верующие.

В Арке составлялся список «вольнодумцев» и «джадидов». Как всегда, первым в списке значился Айни. К Айни прибежал его друг и убеждал его спрятаться, уйти в подполье.

— Пойдем ко мне, я найду место, — умолял он.

— Нет, если что и случится со мной, то пусть это случится в моей келье. Если же Айни найдут у тебя, то и твоя семья пострадает.

И очень хорошо, что Айни не покинул тогда своей кельи: во дворе мечети муллы-фанатики с возгласами «О шариат!» прославляли эмира и проклинали джадидов. Разумеется, попадись им на глаза вольнодумец Айни — толпа растерзала бы его.

Руководители джадидов, организовавшие выступление, сбежали, попрятались. Люди кушбеги явились в медресе Кукельташ, ворвались в келью Айни и увели его. Они по дороге оскорбляли Айни и били. Кушбеги без допроса приказал бросить Айни в зиндан «Обхона» — глубокий подвал, напоминающий колодец. Это мрачное подземелье служило последним приютом заключенных: обычно отсюда уводили только к месту казни.

Однако с Айни этого не случилось: его раздели и в одной рубашке повели к Арку. По обе стороны дороги стояли чиновники эмира и кушбеги, важные муллы и верующие фанатики. Сам

кушбеги Мирзо-Насрулло в орденах и регалиях стоял возле ворот.

— Этот и есть Айни? — спросил он.

Муллы и амалдоры утвердительно закивали головой и громко подтвердили, что это есть Айни. И тут из толпы, перекрывая шум и гам, раздался одинокий голос:

— Нет, это не Айни!

Айни узнал его. Это был прославленный дутарист Бухары. Недавно его пригласили в свиту эмира, и теперь он стоял среди чиновников и плакал…

Дан был приказ наказать вольнодумца Айни семьюдесятью пятью палочными ударами.

«…Меня посадили на плечи низенького коренастого человека, — рассказывает сам Айни, — он меня поднял и так и простоял до конца экзекуции. Меня заставили обхватить его шею руками, и другой человек держал мои руки. Третий держал мои ноги. Рубашку мою задрали… По знаку кушбеги два палача взяли по две кизиловые палки и ударили меня по спине. Я посмотрел на кушбеги. Наши взгляды встретились, он отвел глаза…

…Палачи, отсчитывая «раз, два, три», делали свое дело… Это, наверно, напоминало молотьбу, — пишет в своих воспоминаниях Айни, — не знаю, мне было не до этого: у меня сжалось сердце и потемнело в глазах… кожа и мясо клочьями отлетали в сторону. Боль была неимоверной, но я сдерживался, откуда только нашел в себе силы. В то же время муллы и амалдоры, стоявшие поблизости, били меня по голове…»

После наказания сторож тюрьмы поволок полуживого Айни и бросил в подземелье. Люди, сидевшие в подземелье, завернули его в циновку и под голову положили два кирпича вместо подушки. Это было все, чем они могли ему помочь…

Освобождение

Конечно, из подземелья «Обхона» никто не выходил живым. Айни тоже грозила эта участь. Революция России освободила его. 8 апреля, в день, когда контрреволюция перешла в наступление, совдеп Когана и революционная молодежь города Бухары сообщили о создавшемся положении совдепам Ташкента, Самарканда и Карши, попросили помощи. Срочно прибыли революционно настроенные солдаты. Агент Когана, русский, по указанию Временного правительства не разрешил солдатам войти в Бухару, и они остановились у ворот. Однако когда жители сообщили солдатам, что сейчас на площади происходит расправа с заключенными (всем заключенным присуждали по 75 палочных ударов), они решили с боем войти в город.

Агент Временного правительства посоветовался с эмиром, и тот обещал освободить заключенных. Однако солдаты потребовали, чтобы им разрешили «собственными руками» освободить несчастных. Делегация из пятидесяти вооруженных солдат, стала обходить тюрьмы и подземелья Бухары.

«…Во дворе тюрьмы послышались голоса и топот множества кованых сапог, — рассказывает Айни, — всюду с хлопаньем открывались двери. Открылась и наша, русский солдат с винтовкой сначала на русском языке, потом на ломаном узбекском языке крикнул:

— Выходите, вас освобождает революция России!»

После этого заключенные собрались у ворот Кавола Бухары — на станционной площадке. Состоялся митинг. Солдаты один за другим, клялись отомстить эмиру. Айни тоже был на митинге. Его поддерживали солдаты. Айни плакал навзрыд. Это были слезы радости, слезы счастья: над его головой развевалось красное знамя, знамя освобождения трудящихся от векового гнета.

Айни вместе с другими жертвами 8 апреля положили в больницу Когана, где он пролежал 52 дня. Ему сделали 25 операций: сшивали рубцы, лечили раны на спине.

В больнице до него дошло известие, что руководители джадидов хотят сговориться с эмиром.

— Нет, с эмиром сговориться нельзя, у нас нет ничего общего с ним! — заявил Айни.

Хотя руководителям и организаторам джадидов и не удалось сговориться с эмиром, но позже они переехали из Когана в Бухару, вступили в контакт с чиновниками эмира и фактически стали его единомышленниками.

Для Айни это было неприемлемо: он не мог возвращаться в Бухару. Выписавшись из больницы, он поехал в Самарканд. Его здоровье ухудшалось день ото дня. На третий день в Самарканде Айни в клубе потерял сознание. Учитель Рузихон Ходи-заде привел его к себе домой. Два месяца Айни пролежал в постели. Немного оправившись, он решил прогуляться по городу. Муллы Самарканда во главе с Кози Исахоном, увидев Айни, стали выслеживать, где он остановился, и вынесли такой приговор:

— Всякий, кого выселили или не приняли в Бухаре, — не имеет права жить в любом другом мусульманском городе. Значит, — решили они, — ив Самарканде Айни нет места.

Возмущение мулл росло с каждым днем. Для Айни стало небезопасным даже днем появляться в городе: фанатики-мусульмане и муллы могли с ним расправиться без суда и следствия. Айни попросил помощи и поддержки у совдепа Самарканда. Крупные муллы, вызванные в совдеп, дали расписку, что не тронут Айни, но от своей мысли — физического уничтожения Айни — они не отказались и только выжидали случая для покушения на него.

К счастью, в скором времени власть в Самарканде перешла в руки большевиков, и Айни мог вздохнуть свободно: теперь-то уж муллы не посмеют протянуть к нему руки!

Почему он был холостым?

Старший из братьев, Мухиддин-ходжа, жил в кишлаке Соктари, был женат и имел детей. Младший брат Сироджиддин — мударрис одного из медресе Бухары — был женат и имел детей. Средний — Садриддин Айни — был холост и даже частенько ругал брата Сироджиддина за то, что тот рано женился. И Садриддин и Сироджиддин — оба были членами нелегального общества, оба были «просвещенцами» и мечтали посвятить себя служению обществу, и оба не знали, как это сделать, к чему приложить свои силы, как служить народу?

Однажды, еще до ареста, в келью Айни постучались два старика из Соктари. В новых чапанах, чалмах и новых полосатых штанах, они важно поздоровались с Садриддином, торжественно, как сваты, расселись на подушках и прочитали молитву. Садриддин не мог сообразить, что бы это значило, и все время, пока варил плов, думал о стариках, но так ничего и не придумал.

За пиалой ароматного зеленого чая старики стали вздыхать.

«Наконец-то, — подумал Садриддин, — видно, что-то важное на уме у стариков. — Но вслух ничего не сказал и не поддержал ничего не значащую беседу. — Так будет вернее, — решил он, — заставлю их высказаться напрямик».

Наконец после долгих вздохов и сетований на старость один из стариков, низенький, горбоносый, приступил к делу.

— Плохо неженатому человеку в старости.

— Да, — поддержал другой, — настоящему мусульманину не следует отступать от закона божьего.

— Стыдно правоверному ходить холостым, — недовольно пробурчал первый.

Разговор не клеился; рушилось все, к чему гости так долго готовились, — дипломатическая беседа, разговор ни о чем и обо всем. На Востоке считается признаком скудного ума разговор напрямик, «в лоб». Восточная этика требует, чтобы иносказательные, имеющие двойственное значение слова ясно говорили собеседнику все.

— Вас подослал Мухиддин-ходжа?

— Ну, зачем же так грубо? — поморщился горбоносый старик. — Мы твои гости…

— Вы хотите видеть меня женатым?

— Приятно вести беседу с умным человеком, — дружно закивали головой старики.

— Нет, я не женюсь, сейчас еще не время мне жениться. Я хочу справить туй, я готовлюсь к тую, а потом и женюсь!

Старики недоуменно пожали плечами и всю дорогу пытались понять скрытый смысл слов Айни, но, так ничего и не поняв, пришли к выводу, что Садриддин спятил.

— Такое бывает, когда человек много читает, — утешали они Мухиддин-ходжу, — особенно если он пишет стихи…

Откуда им было знать, что Айни под словом «туй» («свадьба») подразумевал народную свободу?..

Колесовская история

Великая Октябрьская революция потрясла весь мир. Огромно ее историческое значение и для Бухары. Перепуганный эмир готов был задушить любое проявление свободомыслия. Он увеличил численность армии, связался с басмачами Ферганы и через Афганистан стал договариваться о поддержке его силами иностранных держав, в частности Англией.

Бухарский эмират становился центром контрреволюции Средней Азии. Советское правительство Туркестана, отрезанное от России, оказалось в затруднительном положении. Действия эмира бухарского создавали угрозу всему Туркестану.

В это же время руководители джадидов Бухары в Ташкенте обратились за помощью к Колесову — председателю Совета комиссаров Туркестана:

— Мы имеем в Бухаре тридцать тысяч вооруженных людей. Если вы окажете небольшую помощь — возьмем власть в свои руки.

Колесов, поверив заверениям руководителей реформистов-джадидов, с небольшими силами прибыл в Коган. Эмир, извещенный «слухачами», агентами, приказал разобрать железнодорожные пути с обеих сторон, отрезая Колесову путь к отступлению,

Революционные солдаты строили дорогу и по ней отступали в Самарканд.

Руководители джадидов думали припугнуть эмира и при помощи Колесова захватить власть: вооруженной поддержки народа у них и не было. Эти действия джадидов привели к тому, что эмир стал уничтожать передовую интеллигенцию, людей, сочувствующих революции и помогающих большевикам.

Брата Айни Сироджиддина привели из кишлака в Бухару, посадили в подземелье «Обхона», где когда-то томился сам Айни. Пятнадцать дней пытали Сироджиддина, потом по приказу эмира убили.

Айни горячо любил брата и тяжело переживал его смерть. Он написал стихотворение «Элегия на смерть брата». Поэт призывает уничтожить эмира, разрушить эмират и построить новое государство свободы.

После отступления Колесова эмир организовал террористическую группу из воров и отщепенцев Самарканда. Впоследствии вся группа стала басмаческой бандой. Эмир хотел убить Айни руками наемников. Эмир считал, что Айни — один из руководителей движения 8 апреля. Оставаться в Самарканде

Айни не мог — слишком велика была нависшая над ним опасность. Он был вынужден уехать в Ташкент. 22 апреля 1918 года он выехал. Почти полгода прожил Айни в Ташкенте. За это время раны его зажили, сам он окреп и по приглашению друзей снова вернулся в Самарканд. Самарканд ведь был ближе к Бухаре, а Айни не хотел уезжать далеко от Бухары: его беспокоили бухарские события и судьба друзей, оставшихся там, Айни мечтал о светлом дне освобождения Бухары от гнета эмира, о свержении эмира и крушении эмирата…

В «Элегии на смерть брата» поэт со скорбью обращается к своему брату:

…Мой милый друг, мой брат, надежда ока, —
Далеко ты, далеко ты, далеко…

Это обращение к погибшему брату дает особую окраску стиху, делает его лирически задушевным, и тем более убедительно звучат последние строчки, гневно заклеймившие и проклинающие эмира, деспотизм и призывающие светлое будущее:

…Но говорю, падут ночные тени,
И захлебнется мир в крови гонений,
Тогда эмиры, и муллы, и шейхи
Потонут в мутном море преступлений.
Я говорю: тогда падут короны,
Обрушатся дворцовые ступени!
Я говорю: мы выйдем из темницы,
Перед рабом хан рухнет на колени!

(Перевод Б. Лапина и З. Хацревина)

„Марш свободы"

Из Бухары приходили сообщения о казнях сотен людей и страшных пытках в зинданах — подземельях эмира бухарского. Айни тяжело переживал это, самым мучительным для него была полная невозможность хоть чем-нибудь облегчить участь друзей. Он ходил мрачный, расстроенный и даже временами переставал верить в грядущую революцию, в освобождение Бухары.

Большевики Самарканда и революционно настроенные рабочие взяли Айни под свою опеку, старались поддерживать, развеивать его сомнения, направлять его творчество на борьбу с эмиром и всем строем эмирата.

«…Я встретил Октябрь, — рассказывает сам Айни, — в сорок — сорок два года, я стал сорокалетним учеником Октября и был принят в его школу… Школа Октября, принявшая меня под старость учеником, возродила и омолодила меня…»

9 апреля 1917 года, в день, когда русские солдаты освободили его из эмирского подземелья — зиндана, Айни услышал удивительную песню. Солдаты пели ее, как молитву и как клятву, с большим воодушевлением и подъемом. Это была песня решительная и мужественная, песня людей, идущих на бой за свободу и счастье. Айни это понял сразу, хотя слова и были незнакомые… Впоследствии Айни много раз слышал ее в Самарканде, Когане, Ташкенте, но запомнилась она ему на всю жизнь именно тогда, когда его освобождали русские солдаты, и еще ему врезалось в память: солдат с винтовкой в руках, новая боевая песня, топот множества сапог и солнце, яркое, весеннее. Песня эта была «Марсельеза»…

В начале 1918 года Айни написал на мотив «Марсельезы» стихи «Марш свободы». Очень скоро эта песня получила высшую оценку истории — стала народной: ее пели все — мальчишки и дехкане, солдаты и простые труженики — гончары, водоносы. Однажды Айни наблюдал, как под мотив «Марша свободы» дехканин ногами месил глину и в такт подпрыгивал. Наверно, было бы смешно смотреть на него со стороны, если бы не серьезное выражение лица дехканина, не оставлявшее места шуткам. Эта песня не была похожа ни на одну из таджикских песен: она звала на борьбу с угнетателями, на борьбу за счастье народа. Это была первая революционная песня таджиков: она открывала новую эру в тысячелетней таджикской поэзии…

МАРШ СВОБОДЫ

(на мотив «Марсельезы)

1918 год

О рабы! Поднимайтесь из праха,
Красным знаменем мир озаря!
Сбросьте иго покорства и страха —
Засияла свободы заря.
Мы рассеем унынье и горе,
Мы неправду развеем, как дым.
Во всемирном безмерном просторе
Справедливость навек утвердим.
Отныне свобода свободна от пут,
Отмщенье царям и эмирам!
Отныне да властвует миром
Лишь труд! Свободный труд!

Венценосцам проклятым в угоду
Мы гремели цепями века,
Нашу кровь проливали, как воду,
Нашим потом кипела река.
Так пускай же погибнут тираны!
Пусть исчезнет насилье и гнет!
Пусть отныне изведают страны
Единения братского мед.
Отныне свобода свободна от пут,
Отмщенье царям и эмирам!
Отныне да властвует миром
Лишь труд! Великий труд!

Угнетатель в почете и славе
Наслаждение чашами пил.
Угнетенный во мраке бесправья
Только горе да горе копил.
Но взвивается песня восстанья
Над полночного тьмой бедняков.
Перестроим же вновь мирозданье,
Без цепей, кандалов и оков!
Отныне свобода свободна от пут,
Отмщенье царям и эмирам!
Отныне да властвует миром
Лишь труд! Свободный труд!

(Перевод И. Сельвинского)

Каждый конкретно-исторический период, каждое время требует своего искусства, своих песен.

«Боевая песня Рейнской армии» взвилась над парижскими баррикадами, стала знаменем Французской буржуазной революции и впоследствии стала знаменем международного революционного движения. «Марсельезу» пели участники штурма Зимнего дворца — последнего оплота контрреволюции, ее пели русские солдаты, освободившие смертников эмирата из «Обхоны». Ее слышал мударрис и поэт, «очень большой мулла», смертник «Обхоны» Садриддин Айни. Над ним развевалось красное знамя, его поддерживал русский солдат, вокруг пели «Марсельезу».

В сознании поэта все слилось в одно — знамя, «Марсельеза», русский солдат-освободитель, митинг и возбужденные, радостные лица окружающих.

И вот в народе уже распевают на мотив «Марсельезы» новую песню на таджикском языке — «Марш свободы». С этой песней уходят в бой, эта песня воодушевляет, ее поют ученики новой школы.

Однажды, это было в 1918 году, А.Г. Леменовский, работавший вместе с поэтом в первой советской школе для молодежи квартала Кош-Хауз в городе Самарканде, услышал, как ученики пели «Марсельезу» на уроке. Мотив знакомый, а слова… таджикские.

«Значит, — подумал он, — смогли перевести на таджикский язык. Это очень и очень важно и, главное, своевременно».

Однако, когда через несколько дней он попросил ученика пересказать содержание «Марсельезы», оказалось, что ученик не знает ее. Леменовский попросил спеть ту самую песню.

— Это не «Марсельеза», — серьезно ответил малыш, — это «Марш свободы», — оглянувшись, он добавил шепотом, — ее написал наш муаллим, только вы не говорите никому.

Леменовский попросил Садриддина Сайидмурадовича прочитать эти свои новые стихи. Айни смутился и поручил своему ученику исполнить просьбу Леменовского. Ученик пропел песню своим юношеским, неокрепшим голосом и похвалился:

— Даже моя бабушка ее любит, и я часто пою ей, а отец сам знает — он краснопалочник!

Айни под влиянием идеи большевиков, под влиянием партии большевиков и революционных солдат понял заблуждения и ошибки реформистского движения джадидов и навсегда порвал с ними. Он был первым поэтом, встретившим Октябрь стихами. Это были стихи «Во славу Октября».

«Во славу Октября» — гимн революции, ода, восславление свободы и революции.

ВО СЛАВУ ОКТЯБРЯ 1918 год

…О справедливости святое знамя,
Ты перед нами!
Ты в прах швырнуло царскую порфиру
На радость миру.
Ты, мудрое, горами и полями
Прошло, как пламя,
Сожгло богов, что в страхе нас держали
И их скрывали.
Мир старый тот, что создан был веками,
Разрушен нами —
И новый мир, как бы чудесным даром,
Возник над старым.
Так воцарись же навсегда над нами
Святое знамя,
Во имя попираемых так долго
Труда и долга!

(Перевод И. Сельвинского)

Теперь Садриддин Айни стал поэтом революции, певцом свободы и борьбы, певцом грядущего народного счастья, певцом Великого Октября. В скором времени поэт Садриддин Айни стал гражданином России.

…Айни вторично вернулся из Ташкента в Самарканд, как и в первый раз, остановился во дворе Исматулло Рахматулло-заде. Через некоторое время вместе с Абдурашидом Абдуджабаровым Айни был назначен учителем школы № 4 города Самарканда (в архивах города хранится документ).

Айни 5 марта 1919 года подал заявление в отдел внутренних дел Самаркандской области о приеме его в гражданство Советской России. Вслед за этим представители поселка Суфи Розык района Хайробод города Самарканда написали в отдел внутренних дел обращение, в котором говорилось, что Айни на протяжении трех лет живет в вышеуказанном поселке, что все жители его считают поэта своим другом, что никому ничего плохого он не сделал, а поэтому они просят принять его в ряды граждан России и разрешить ему быть постоянным жителем этого поселка.

Сам Айни просит дать ему гражданство России:

«Заведующему отдела внутренних дел области Самарканда.

От Садриддин ходжа Айни Саидмурадходжаевича, проживающего в махалле Суфи Розык города Самарканда, бывшего бухарского гражданина.

ПРОШЕНИЕ

Решением жителей махаллы Суфи Розык Хайрободской части города старого Самарканда за подписью всех жителей поселка я принят в ряды жителей этой махаллы.

Сообщаю, что в махалле Суфи Розык проживаю приблизительно три года, мне исполнилось 42 года. Моя профессия — мударрис медресе, особого хозяйства не имею, т. е. сада, двора, земли; против Советов не выступал, чужим трудом не кормился. Прошу не отказать в моей просьбе, прошу принять меня в гражданство России…

1919 год, 5 марта, г. Самарканд».

На основании решения отдела внутренних дел области от 17 марта 1919 года Садриддин Айни был принят в ряды граждан Российского Советского государства…

Революция в Бухаре

Самарканде Айни некоторое время работал учителем в новой школе для молодежи квартала Кош-Хауз. Низенькое, длинное помещение с толстыми, почти полуметровыми стенами, с пологой глиняной крышей. Классы большие, просторные. Два больших окна и стеклянная дверь, впрочем, тоже служившая окном, не хитрые, но видавшие виды, грубо сколоченные скамьи, кое-где из неотесанных досок, вызывали восхищение и радость — это была настоящая школа, там учили не только читать и писать, но, самое главное, правильно понимать события окружающей жизни. В стенах классов были ниши. Деревянный потолок светло-голубого цвета с огромными красно-желтыми рисунками национального орнамента, резные полочки, желтая классная доска, у окна — стол учителя.

Каждое утро невысокий, ладно сложенный, с коротко подстриженной черной бородкой и усами и серьезными задумчивыми глазами, в длиннополом полотняном камзоле, мягких черных сапогах на низких каблуках, в ослепительно белой чалме Садриддин Сайидмурадович с книгами и бумагами под мышкой направлялся в школу.

В классе он негромко здоровался с учениками, снимал чалму и надевал зеленую тюбетейку.

Ученики очень любили и уважали его. Он никогда не повышал голоса, никого не отчитывал понапрасну и был до крайности терпелив. Айни пользовался таким почетом и уважением, что коллеги вставали, как только он переступал порог школы. Случалось, что кто-нибудь из учителей отводил его в сторону и тихонько беседовал с ним. Люди верили, что поэт Айни посоветует, подскажет, поможет: время было непонятное, грозное, путаное… Не всегда можно было понять и осмыслить виденное или слышанное, и люди тянулись к своему земляку, поэту, большому ученому. Айни иногда читал свои произведения ученикам и коллегам. Скоро он оставил школу и перешел на работу в редакцию. Но школу он любил по-прежнему, и только необходимость заняться литературной работой заставила его расстаться с педагогической деятельностью.

В то время в Самарканде выходили журнал «Свет Революции» на таджикском и на узбекском языках, газета «Голос трудящихся». Айни писал стихи, и рассказы, и статьи на узбекском и таджикском языках и печатал в этих газетах и журналах.

Журнал «Свет Революции» объемом в 4 печатных листа выходил два раза в неделю. Это был орган партийного комитета

Самаркандской области.

В каждом номере журнала были стихи, очерки или публицистические статьи Садриддина Айни.

Первый крупный исторический очерк Садриддина Айни «История эмиров — правителей Бухары» был напечатан в журнале, а впоследствии, в 1923 году, в Ташкенте был издан отдельной книжкой. Это произведение — история 150-летнего господства бухарских эмиров, с их жестокостью и гнетом, и о крушении этого господства. Очерк получил признание и одобрение и сыграл важную политическую роль в становлении молодой Советской власти в Средней Азии.

Гнет и бесправие, жестокость правителей и палачей в Бухаре довели народ до крайней степени отчаяния. Каждый день солдаты эмира, труженики и крестьяне группами и в одиночку бежали в Ташкент и Самарканд. В Ташкенте и Самарканде образовалась коммунистическая партия Бухары и наряду с этим так называемые «революционеры Бухары» — руководство реформистского движения — главари джадидов.

Айни завязал дружбу с руководством большевистской партии и помогал подготовке революционного выступления в Бухаре. Назревали события исторической важности: революция в Бухаре, освобождение от тирании эмира Сайида Алим-хана.

В июне 1920 года Коммунистическая партия Бухары пригласила поэта в Ташкент. Айни целый месяц писал лозунги, плакаты, воззвания, стихи, призывы — все, чем он мог помочь революции.

В сентябре 1920 года под руководством большевистской партии, при поддержке Красной Армии в Бухаре победила революция. Власть эмира была ниспровергнута, сам эмир бежал на восток, в горы, теряя на пути своих жен, свиту и власть…

Айни женился и избрал местом жительства Самарканд.

Еще одна история

Весной 1922 года дождливым утром в одну из маленьких парикмахерских города Бухары вошел парень 16–17 лет. Он промок до ниточки, озяб и, войдя, несмело оглянулся. Судя по одежде, это был парень из кишлака. Два парикмахера-еврея несказанно обрадовались посетителю — в то утро это был первый клиент. Каждый из парикмахеров старался усадить его в свое кресло. Парень подошел к окошку и сел так, чтобы видна была улица. Мастер обрадованно засуетился.

— Братишка, видно, давно не брились, заросли.

— Да, давно не брился, — нехотя ответил парень. Он был явно чем-то расстроен и не имел желания продолжать разговор.

— Вы откуда будете? — не унимался другой парикмахер.

— Из Гиджувана.

— Из какой местности?

— Кишлак Соктари.

— А… а… а… из Соктари, из кишлака Айни? — радостно изумился парикмахер.

— Вы знаете Айни? — пришла очередь удивляться парню. Парень этот был нашим старым знакомым, Муслихиддином, племянником Айни.

— Как же не знать Айни, если я двенадцать лет обслуживал его, — ответил парикмахер.

— Скажите пожалуйста… — протянул задумчиво Муслихиддин и не добавил больше ни слова. Мастер только удивленно развел руками; он считал делом чести и своим долгом «разговорить клиента», но уж слишком немногословным был этот парнишка.

Муслихиддин намеренно скрыл свое родство с Айни. Сам он был намерен тайком добраться поездом до Самарканда. Это было нелегко, это было очень опасно и трудно…

Муслихиддин, погруженный в раздумья, сидел и слушал разговор двух парикмахеров:

— Я удивляюсь, почему Айни после революции не приедет в Бухару и не станет «комиссаром»? — спросил один из них. — Ведь он пользуется большим авторитетом среди населения, гораздо большим, чем все руководители джадидов!

— Ты, оказывается, ничего не понимаешь! — ответил другой парикмахер. — Руководители джадидов против Айни, и они не позволят ему переехать в Бухару и работать в органах новой власти. Айни имеет большой авторитет, и его боится руководство джадидов.

— Нет, это ты ничего не понимаешь, — возразил первый мастер. — Айни не стремится занимать руководящие должности. Даже когда эмир назначил его мударрисом в Хиёбон, он отказался.

— Айни сам не хочет стать «комиссаром»…

Муслихиддин рассчитался с мастером и вышел, а парикмахеры продолжали спорить…

В действительности среди населения Бухары ходили кривотолки: почему Айни не в Бухаре и почему он не работает «комиссаром»…

…В числе руководителей Бухары в то время были очень сомнительные люди. Они не дали бы возможности работать поэту. Айни это хорошо понимал…

Это стало особенно ясно после того, как Муслихиддин рассказал дяде страшную историю. Дело в том, что один из главарей басмаческой шайки, мулла Каххор-курбаши из соседнего с Соктари кишлака, пригласил на свадьбу всех жителей близлежащих кишлаков. Брат Айни, Мухиддин-ходжа, уважаемый жителями мулла и человек образованный для своего времени, не разрешил соктаринцам идти на свадьбу.

— Мулла Каххор вор и бандит, он угощает награбленным. Идти — на туй, свадьбу, к мулле Каххору — грех, — заключил Мухиддин-ходжа.

Однако на свадьбе присутствовали гости из Бухары — руководители джадидов и несколько руководящих товарищей. Это удивило жителей окрестных кишлаков. После свадьбы весной 1922 года мулла Каххор открыто выступил против Советской власти. Мулла Каххор направил шайку из басмачей во главе со своим братом в дом «богоотступника Айни и его ближних». В то время Мухиддин-ходжа был в мечети — он был мударрисом, учил детей и советом помогал дехканам.

Басмачи вывели Мухиддин-ходжу из мечети, привязали к дереву и расстреляли. Потом стали делить его имущество. Его сына Муслихиддина тоже хотели расстрелять, и только вмешательство стариков кишлака, просивших пожалеть мальчика, спасло ему жизнь. Муслихиддина увезли с собой в «логово» — в горы Нурата.

Семидесятилетний старик, троюродный брат Айни, поехал по следам басмачей и после долгих жалоб и просьб сумел освободить Муслихиддина…

Айни, услыхав эту весть, выехал в Бухару. Он обратился в Чека и попросил быстрее расследовать дело и объяснил, как и где можно найти басмачей. Хорошо, что Айни обратился в Чека, а не в другие органы власти…

В скором времени Чека, расследовав, арестовала пять басмачей — участников убийства. Айни вернулся в Самарканд. Верховный суд сообщил Айни:

— Верховный суд Бухарской народной власти, расследовав дело об убийстве вашего брата, приговорил басмачей к высшей мере наказания — расстрелу.

Однако по ходатайству председателя Исполнительного комитета Аминова расстрел заменили десятью годами заключения.

Через два месяца Муслихиддин, учившийся в Бухаре, приехал в Самарканд и рассказал Айни, что он в чайхане встретил убийц своего отца. Один из них, Мулло-Тош, ходит по пятам за ним, угрожая расправой. Мулло-Тош иногда заходит к видному представителю власти Бухары.

Муслихиддин добился приема у председателя Исполнительного комитета Бухары Аминова и поделился своими сомнениями и тревогой.

— Обманываешь, клевещешь на Советскую власть! — крикнул Аминов и выгнал Муслихиддина из своего кабинета…

Конечно, в такой обстановке и в такое время Айни не мог вернуться в Бухару. Однако Айни хорошо представлял, что его отказ от работы в органах Советской власти воспринялся бы населением, как отказ от Советской власти, оппозиция бухарской революции.

Поэтому он жил в Самарканде и работал консультантом в консульстве Бухарской народной власти…

После победы революции в Бухаре Айни стал работать над крупными произведениями. Первой значительной его повестью была «Бухарские палачи», написанная в 1920 году…

Бухарские палачи

Мысль, как виноград, зреет долго, а созрев и перебродив, становится кристально чистой и крепкой, как вино.

Идет переоценка ценностей — важный и ответственный момент духовного роста человека.

Рушились многовековые устои жизни, рухнул эмират, идет борьба двух миров. Айни сердцем чувствовал правду и разумом осознавал ее. Но как зло выразить образно? В лозунгах? Прокламациях? В стихах? Нет и еще раз нет. Нужно что-то другое. Материал? Богатейший! Рухнули вековые рабские устои эмирата. В истории есть примеры: Римская империя рухнула от своей тяжести, уступив место феодализму. А сейчас? Идет жестокая классовая борьба, и рабство уступает не капитализму, а новой в истории человечества формации — социализму. Жестокость Римской империи беспримерна. Беспримерна ли? Айни перебирает в памяти события последних лет… В Бухарском эмирате не было гладиаторов, это правда, но… только и всего.

…Манифестация джадидов, избиение на площади, казни в Арке. В те дни не хватало палачей. Приглашали воров и других отщепенцев, чтобы наказать участников манифестации.

Многие из новоиспеченных палачей, не выдержав тяжести «труда», бежали. Вот об этом и надо рассказать. И Айни расскажет об этом. Это важно и необходимо. Детали придут во время работы. Литсотрудник газеты «Голос таджика» добивается командировки в Бухару — надо еще раз пройтись по ее кривым и узким улицам и переулкам, еще раз увидеть зиндан «Обхона», места казней, поговорить с людьми.

Несколько раз патруль останавливал худощавого, среднего роста, задумчиво и внимательно осматривавшего улочки и площади человека с небольшой бородкой… Слишком уж подозрительно он выглядел, а время было тревожное: надо было ожидать всего, всегда быть начеку — борьба за новую жизнь только начиналась…

…Не случайные, а исконные палачи, их образ мысли, их состояние, их «работа» должны стать центром повести. Надо осветить события изнутри. Как?

Отложив работу в сторону, Садриддин Айни еще и еще раз вчитывался в горьковские строки. Реалистичность, а возможно, даже документальность — основа основ. Это ключ. Казнь джадидов — действие, время — март 1918 года. Уже вырисовываются контуры здания. Работа двигается с большим трудом: отрывают ежедневные заботы, газеты, организационные

хлопоты, командировки. Работа мысли ни на минуту не прекращается: надо широкому кругу читателей показать те ужасные события, помочь ему осмыслить их. Айни допоздна засиживался у подоконника, по-восточному подогнув ноги.

Неярко чадит коптилка. Нервные и гневные буквы ложатся неровно. Иногда на серой газетной бумаге как призрак появляется силуэт Арка, зиндана. Когда усталость дает себя знать, он дотрагивается до рубцов, оставшихся от палочных ударов.

Если в августе, работая над повестью, он думал показать невежество и фанатичность разъяренной толпы, кинувшейся на расправу, то уже в сентябре знал, что не это главное, не в них дело. Показать самого главного палача, осудить его устами палачей-исполнителей. Писать сдержанно, скупо…

«…В полночь тела вывозились за город и сваливались в озеро, близ ворот Оглан. Так освобождались помещения темниц для новой партии жертв…»

Что это? Эпизод? Нет, это норма жизни бухарского эмирата. Здесь и бесконтрольный произвол, и беззаконие, и жестокость рабовладельческого государства. И убивали не за какие-нибудь провинности, а просто по таким признакам:

Всякий, у кого на рубашке есть пуговицы, — джадид.

Всякий, кто носит короткий пиджак, — джадид.

Всякий, у кого пиджак сшит из черной материи, безусловно, джадид.

Всякий, кто обучает своего сына в новометодной школе или послал его в школу в Россию или в Константинополь, кто читает газеты или дружит с читающими газеты, безусловно, джадид.

Всякий, кто защищает этих людей, тоже джадид.

Вот по этим признакам ученики многочисленных медресе и стражники хватали неповинных людей, разбивали им головы, выкалывали глаза, переламывали ноги и руки, приволакивали полуживых в Арк и сдавали эмирским чиновникам.

И расправа эта творилась с ведома блюстителей порядка и руководителей исламской религии.

Перед Арком восседали муллы и заносили в списки арестованных. Вслед за тем узники попадали внутрь Арка, где эмир одним только движением усов передавал их палачам.

Айни стремился несколькими штрихами дать и обстановку, и эпоху, и дыхание жизни.

В таджикской литературе это было ново и необходимо. С беспощадной реальностью и с документальной точностью обрисовал он обстановку последних дней эмирата. Садизм эмира переходит все границы возможного: он озабочен одним — казнить

и наслаждаться казнью, видеть мучения жертв и упиваться этими мучениями. Даже видавшие виды палачи протестуют, отказываются.

«Палачи поняли, что среди казнимых имеется много невинных, и запротестовали; указывая на некоторых, они говорили:

— Этот кажется нам невинным, мы не можем пролить его кровь: невинная кровь принесет несчастье!»

Во все времена духовный сан считался у мусульман неприкосновенным. А бухарские ханжи под покровом религии напали на татарина муллу Низам Сабитова. Сам мулла, его жена, свояченица, сын Сафи и грудная дочь были растерзаны. Это было делом рук учащихся медресе — будущих служителей культа. А палачи отказались вешать детей.

На трех листах развернута жизнь Бухары, ее обиды и страдания, обычаи народа в переломный момент истории. Следуя традиции классической литературы, Айни продолжает повесть традиционно: палачи — Хамра Гаубаз, Курбан Дивана, Хайдарча и Кодыр Боз — рассказывают свои похождения и истории.

Хамра Гаубаз признается:

— Служба… Чин… Лучше было бы нам по-прежнему воровать, чем верой и правдой служить этому эмиру!

Я заслужил название вора-бандита, — чистосердечно признается он. — Несколько лет скрывался я от народа, не показывался на базарах, грабил дома многих людей, но никогда зря не проливал чужой крови. Случалось, правда, так, что если бы я не убил, то они убили бы меня или предали бы эмиру. В таких случаях, спасая себя, я убивал…

Хамра Гаубаз вынужден был закончить свою исповедь — приехали арбы за телами несчастных казненных. Палачи грузят и снова сидят под навесом и пьют чай. Дело происходит глубокой ночью.

«Тишину, которая была тяжелее, чем тишина кладбища, нарушил Хайдарча…»

Вор Хайдарча не скрывает своей принадлежности к преступному миру, и, когда Курбан Дивана спрашивает у него, кто же теперь, когда они стали палачами, является старшим у них, он отвечает:

«В воровском деле нами руководили миршабы, но, когда мы стали палачами, нашей главой стал сам эмир…» Хайдарча рассказывает, как он украл лошадь у дехканина, а миршаб, зная, кто истинный виновник, обвинил шестерых ни в чем не повинных дехкан и с каждого взял большой выкуп, а часть выкупа — «дорожные расходы» — даже отдал вору.

Сын одного из влиятельных мулл разъясняет сущность манифеста эмира.

«Таксир, свобода пришла, что теперь будет дальше?» — обратился к нему с вопросом один из присутствующих. Гость ответил: «Никакой свободы не будет. Она повредит эмиру и муллам, и они не допустят ее».

Такой ответ не удовлетворил никого. Последовал снова вопрос:

«Эмир издал манифест и дал свободу. Если это дело может повредить эмиру, то почему же он издал манифест?»

«Кучка джадидов, евреи и безбожники надоели ему. Эмир посоветовался с доверенным лицом свергнутого царя Николая, русским консулом, и вот издал манифест, чтобы обмануть сторонников свободы. Завтра увидишь: устроив какой-нибудь скандал, он отнимет манифест. Сторонников свободы схватят и накажут.

— Разве нельзя их наказывать, не давая свободы?»

И снова последовало разъяснение:

«Если его величество вздумал бы забрать сторонников свободы до манифеста, ни один из них не попался бы. Все бы сбежали. Теперь же они все обрадуются и завтра выйдут со знаменем — вот в эту минуту его величество их переловит».

Так в повести «Бухарские палачи» Айни разоблачает лицемерие приближенных эмира. Очередь за муллами. На площади сборище народа. Мулла, возглашая: «О шариат! О вера! О ислам!», призывает верующих к кровавой бойне.

«Будьте готовы к священной войне! Изменники джадиды, объединившись с другими гяурами, хотят свободы. А знаете ли, что означает свобода? Если она будет, откроют лица ваши жены, заберут ваших дочерей, детей ваших начнут обучать в тех новых школах, откуда они выйдут неверными. Не выпускайте из рук вашей веры! О шариат! О вера!»

Вслед за оратором из толпы кричит какой-то юродивый в одежде дервиша: «Я сам видел, как «свободчики» срывали с женщин покрывала и кричали: «Теперь свобода и никаких покрывал не нужно!»

— Вот, вот, мусульмане, — подхватил мулла, — вы сами слышали слова этого праведника? Это еще начало. Завтра, когда свобода укрепится, неверные придут в ваши дома, выволокут за волосы на улицу раскрытыми ваших жен и дочерей. О шариат! О вера!…

И этим рьяным защитником веры, правоверным и благочестивым противником свободы был Кадыр Ибод, два года назад посаженный в тюрьму за воровство и разврат.

А вот признание еще одного палача:

«Нет, Хайдарчи, на белом свете я ничего не боялся и не боюсь, но Бухары я испугался. Я знаю очень хорошо этих правителей. Если они обвинят в чем-либо кого-нибудь, они обвиняемого слушать не станут. Так и добивают, не дав ему рта раскрыть. Когда отошел от меня слуга эмира, я стоял оторопев. Успокоившись, я понял, что если немедленно не скроюсь, и меня причислят к джадидам — я пропал. Тогда лучше всего будет снять с себя кушак, набросить его на шею и кричать: «О шариат!» Но проделать это для меня тоже не легко. Тебе известно, как меня знают в Бухаре. Когда мне случилось встречаться с бродягами, я их, не стесняясь, отделывал под орех, но несчастных слабых людей я никогда не трогал. Лет тридцать своей жизни я так и прожил: любил плясунов, играл в карты, пьянствовал на гулянках, колол противников ножом, укрывал в своей келье по нескольку месяцев всех, кому надо было скрываться… Словом, я совершал дела, которые совершаются во многих медресе Бухары. И ни разу не попадался. А сегодня из-за того, что два или три раза крикнул на улице: «Да здравствует свобода, да здравствует справедливость!» — попаду эмиру в руки и растерзают меня ни за что, как волки ягненка!»

Государственный аппарат палачи называют машиной для ограбления крестьян, и они же предсказывают крушение бухарского эмирата:

«Кровь, пролитая за последние дни, предсмертные судороги наших жертв, вылезшие глаза повешенных рассеяли мой сон», — говорит один из них и заключает:

«…если ничего не изменится, эмиру не удастся сохранить машину, и она сама сломается…»

Повесть «Бухарские палачи» — острая социальная сатира: подонки общества, воры и палачи разоблачают эмира и предрекают гибель эмирата.

Доверяя Айни, как летописцу своей страны, все же мы должны сказать, что эта «перекличка палачей» несколько условна и схематична, но вместе с тем такой прием позволил писателю с непреложной достоверностью показать и беззащитность народа, его бесправие, и беззаконие, и произвол, царившие в стране…

В первые годы революции в издательстве и госаппарате встречались случайные люди и даже враги революции, в результате чего эта повесть увидела свет почти через десять лет. Сам Айни говорит об этом так:

— В 1920 году, в августе, накануне бухарской революции, я начал повесть «Бухарские палачи», я закончил ее в ноябре, отвез в Бухару и сдал в Госиздат Бухарской народной советской

республики. Однако она не была напечатана. Когда я потребовал свою рукопись обратно, мне ответили: «Она утеряна».

В журнале «Инкилоб» в сокращенном виде она была напечатана в 1922 году на узбекском языке, и только в 1936 году полностью вышла на таджикском языке.

Первой таджикской повестью социалистического реализма все же следует считать повесть «Одина».

26 августа 1924 года, в год рождения Таджикской автономной республики, стала выходить газета «Голос таджика», в которой с первых дней сотрудничает Айни. В этой газете с продолжениями печатается повесть «Приключения одного бедняка таджика». Читатели с нетерпением ждали следующего номера газеты, чтобы узнать дальнейшую судьбу Одины — главного героя повести. Люди, не умевшие читать и писать, покупали газету и просили других почитать им продолжение повести Садриддина Айни. Ничего необыкновенного, захватывающего в ней не было, только до боли знакомая и повседневная жизнь бедняка, горькая судьба сироты…

В двенадцать лет Одина лишился отца. В наследство ему досталась одна корова, но и ту продали, а деньги ушли в руки муллы, стряпчего и на поминки. А Одина даже остался должником арбоба Кямола. Бабка Одины выдала расписку, что десять тенег Одина отработает. Через четыре года Одина начал отрабатывать долг арбобу. Отработать эти десять тенег ему не удалось, а потеряв овцу бая, Одина задолжал еще больше. В великом гневе арбоб Кямол избил сироту и взял с него расписку, что стоимость овцы — десять тенег — Одина отработает, если выживет. Так в беспросветной нужде проходила жизнь Одины, бедняка таджика.

Бабка Биби-Ойша, воспитавшая Одину, взяла на воспитание и внучку Гюль-Биби. Мать Гюль-Биби завещала, когда та станет взрослой, отдать ее в жены Одине. И бабка, помня последнее желание дочери, воспитывала двух сирот и лелеяла одну-единственную мечту: вырастить и соединить два сиротских сердца. Биби-Ойша настаивала, чтобы внук рассчитался с хозяином и начал самостоятельную жизнь. Когда Одина заикнулся, о расчете, хозяин, мулла и старики объяснили ему, что до конца жизни он будет должником арбоба Кямола.

Небольшая повесть с художественной убедительностью вскрывает социальные корни зла, рисует беззащитность и бесправие дехкан, нравы, обычаи и закон «благородной Бухары». Положение Одины мало чем отличается от жизни раба в древнем Риме. Разве что там было меньше взяток и произвола. Жестокая правда повести, ясный и простой язык, незамысловатый сюжет

поднимают повесть до уровня классической мировой литературы. Если вспомнить дни, когда печаталась повесть, станет понятными и ее злободневность и ее актуальность. Ведь еще недавно, только в 1916 году, русский генерал-губернатор в Ташкенте освободил восемнадцать тысяч рабов. Основная масса трудящихся Бухарской народной республики — это такие же, как Одина, бедняки — таджики и узбеки. Их сознание пробуждалось точно так же, как и сознание Одины: после долгих мытарств и беззакония они увидели свет революции, но еще продолжали слушаться мулл и арбобов, притаившихся до поры до времени. Если бы в то время правительство республики направило свой удар против мулл и арбобов, то темные массы, духовные братья Одины, встали бы на защиту своих классовых врагов. Большую роль в пробуждении сознательности трудящихся масс сыграла повесть «Одина, или Приключения бедняка таджика».

Вот ярко написанная картина жизни Бухарской области в 1918 году:

«…Хлеб убывал. Приближалась весна. Она была усеяна телами мертвецов, тощих, как сухие ветки. Вспыхнул сыпной тиф — страшный спутник голода и нищеты зашагал по весям и городам.

Почуяв добычу, подняли голову жестокие и жадные проходимцы. Волк басмачества Иргеш и много других ему подобных рыскали по стране. Трупным ядом дышала Кокандская автономия. И Фергана — этот «оазис мира» — стала похожа на разрушенный дом. Ко всему этому прибавлялись страшные притеснения. Бухарский эмир неистовствовал…»

Умирает Биби-Ойша, так и не дождавшись счастья своего внука. Жертвой арбоба Кямола стала сиротка Гюль-Биби. Не выдержав испытаний, выпавших на его долю, умирает Одина.

«…Вскоре вырос небольшой холмик. Вместо могильной плиты положили кусок дерна.

Какой-то человек спросил:

— Что за человек был Одина? И кто-то ответил.

— Одина был бедняком таджиком. Он был нашим товарищем.

Люди медленно разошлись».

"Дохунда"

Трагический образ Одины не был искажением правды: темные, забитые, неграмотные дехкане Средней Азии в большинстве своем были такими, как герой повести Садриддина Айни. Но в повести не было героя, изменяющего мир, восставшего против эмира и баев, мулл и арбобов. А ведь в действительности нашлись люди решительные и смелые, сумевшие подняться во весь рост и свергнуть темные силы бухарского эмирата. Айни видел их в жизни, это они освободили его самого, спасли от лютой смерти в темнице эмирата — зиндане. План большого полотна в Душе художника еще не созрел, но он не мог поступиться правдой жизни и пишет короткие новеллы. В 1928–1929 годах появляются два рассказа: «Ахмади девбанд» и «Мохруй» («Ахмад — покоритель дивов» и «Луноликая»), и в газете «Маориф ва укутувчи» («Просвещение и учитель») выходит рассказ на узбекском языке «Кульбобо» («Дедушка раб»), эти рассказы наметили будущие крупные произведения о нравах и обычаях, людях дореволюционной Бухары («Школа, «Бухара»). Рассказ «Кульбобо» («Дедушка раб») лег в основу первого романа в таджикской литературе. «Рабы» — третья книга трилогии. Эти же два года писатель работает над романом «Дохунда», изданным в Казани в 1930 году. Главный герой романа Едгор — презрительная кличка «дохунда» — таджик-горец, как и Одина, ребенком остался сиротой, как и Одина, попал в руки бая и пас его стада. Те же лишения и унижения, та же нищенская жизнь и беспросветная нужда. Даже судьба невесты Едгора — Гульнор почти одинакова с судьбой невесты Одины — Гюль-Биби: ее тоже увозит бай после бегства Едгора.

Одина, не выдержав лишений, умирает «медленно и тихо». Он слышит дыхание новой жизни, понимает, что скоро все будет по-другому, однако подняться уже не может. Последний удар судьбы — смерть Биби-Ойши и невесты Гюль-Биби — сломили Одину. Одина умирает в чайхане, а на улице такие же бедняки таджики уходят на бой с басмачами. Кто они, эти солдаты революции, какими путями пришли к сознанию необходимости революционных преобразований, каков их духовный мир, их отношение к окружающим, к бурным событиям?

Повесть «Одина» не дает ответа на эти вопросы. Автор «Одины» не мог не написать романа «Дохунда». Примечательно, что 1917 год Одина встречает на свободе, а Едгор — в тюрьме. Если Одина присматривается к окружающему, сочувствует революции, то Едгор только в бухарской тюрьме начинает

понимать жизнь. Умирая в тюрьме, таджикский большевик Абдулло-ходжа преподает Едгору урок стойкости, мужества и веры в победу революции. Едгор из зиндана выходит духовно окрепшим, сознательным борцом за новую жизнь. Одина тоже встречает человека, убежденного в правоте своего дела, русского солдата Ивана, он сочувствует и радуется словам, впервые услышанным им от Ивана:

«Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем — тот станет всем!».

Но Одина встать рядом с Иваном, взять в руки винтовку уже не может: он сломлен, обречен — слишком поздно он встретил друзей и веру в человека, надежду в грядущее счастье.

На долю Едгора выпали более тяжкие испытания: его бьют, заставляют маршировать и учат стрелять, пытаясь превратить его в убийцу, душителя революции, бросают в зиндан, и все же Едгор нашел в себе силы выпрямиться, почувствовать в себе ЧЕЛОВЕКА и пойти в бой со злом не бунтарем-одиночкой, а в строю, борцом с ясно осознанной целью.

По мере развития событий меняется и характер Едгора и его мировоззрение. В конце романа Едгор уже не тихий, забитый кишлачник, а проводник Красной Армии, стойкий боец, надежный товарищ и агитатор новой жизни. Уже встреча с Едгором помогает другим дехканам воспрянуть к новой жизни, уже сам Едгор — убежденный и стойкий, как коммунист Абдулло-ходжа.

Можно проследить и параллель между Гюль-Биби и Гульнор. Обе девушки — таджички из горных селений. Гюль-Биби сопротивляется молча и трагически гибнет от руки арбоба Кямола, она не способна на активную борьбу за свое личное счастье. Гульнор попадает в то же положение, что и Гюль-Биби, однако она поднимается на борьбу за свое достоинство, она мстит за себя. Ее притеснитель гибнет от ее рук. Сама она пробивает себе дорогу и первая среди женщин-таджичек снимает паранджу.

Личный пример бойца действеннее самых зажигательных речей. Люди, видевшие встречу Едгоры и Гульнор, исполняются решимостью так же бороться за свое счастье.

Характер Гульнор обрисован более выпукло, емко, чем статичный характер пассивной, хотя и упорной, Гюль-Биби.

Сравнивая героев повести «Одина» и романа «Дохунда», можно видеть, как зреет мастерство художника. По одну сторону стоят темные силы, ярые враги Советской власти: главарь басмачей Ибрагим Бек, муллы, арбобы, по другую — обманутые дехкане и их вожди.

Победить глупого и слабого противника — невелика заслуга, ума и отваги для этого требуется немного. Победить же коварного, сильного врага, разрушить старый мир до основания и на его развалинах построить новый мир, новое общество, новую жизнь — задача грандиозная и по плечам только людям смелым и мужественным. Айни показывает врагов народа Ибрагима Бека и других главарей энергичными и жестокими.

Только факты способны переубедить неграмотных дехкан, только переосмысление своей судьбы, только жизнь способна научить их распознавать друзей и врагов. Едгор боялся революции, большевиков и русских, потому что он не знал их, не видел, не сталкивался с ними. В зиндане, в темноте подземелья, Едгор, закованный в цепи, сидит с такими же измученными, изможденными, но не сломленными людьми, и он набирается сил у этого умирающего большевика Абдулло-ходжи. И Едгор уже считает себя в душе большевиком, так как большевики ищут и борются за правду и счастье народа. Едгор тоже ищет правду и готов бороться за народное счастье.

Еще не раз историки, критики, ученые, литературоведы будут обращаться к произведениям Айни как к правдивой летописи исторических событий времен революции и гражданской войны.

«Дохунда» — огромное историческое полотно времен крушения эмирата и гражданской войны в Таджикистане, история становления личности. Таджикистан за несколько лет сменяет одну социальную формацию (феодализм и рабовладельческий строй) на другую социальную формацию (социализм). Отобразить процесс этого перехода из одной формации в другую — огромная, благородная задача, и Айни с честью с ней справился.

1929 год. Образование Таджикской Советской Социалистической Республики — важное историко-политическое событие, в корне менявшее жизнь народа, завершающее победу Октябрьской революции, — мечта всей жизни Садриддина Айни.

Еще шла гражданская война, еще Ибрагим Бек и Фузайл Максум готовились к нападению на Гарм и Душамбе, еще баи и муллы «обрабатывали» темные, неграмотные слои населения — дехкан, готовили их к выступлению против «кофиров», главари басмаческих шаек угрозой и насилием вербовали в свои ряды фанатиков мусульман и бесправных Одина. Первые три таджички — учительницы, снявшие паранджу и собравшие детей в новую, советскую школу, поплатились жизнью, но бедняк Одина увидел свет новой жизни. Едгор бесповоротно встал на сторону Советской власти. Для охраны своего имущества от разбоя и грабежа образуются отряды краснопалочников и добротряды, действуют ревкомы, активно работают проводники Советской

Армии — опытные охотники, смелые и решительные люди из самых глухих горных кишлаков, аксакалы, и даже порою муллы агитируют пока еще не за Советы, но за сосуществование, против басмаческого грабежа и разбоя, еще против школ, но за магазины, за мирный труд, за мир и спокойствие в своем округе.

Вот в эти-то дни на страницах газеты «Овози точик» («Голос таджика») и стали появляться выступления «востоковедов» и «ученых», ставившие под сомнение самостоятельность таджикской нации и самобытность таджикского языка. Они писали, что таджики — это отнюдь не нация, это иранско-персидская группа национальности, «таджикский язык — это иранско-персидские диалекты», что очень многие таджикские слова — это видоизмененные арабско-персидско-иранские слова, остальная часть языкового состава — простое заимствование персидско-иранских слов.

Из этих выступлений напрашивался вывод: нет самостоятельной нации, нет самобытного языка, значит, и самостоятельной союзной республики не может быть!

Горе-теоретики отрицали даже существование классической таджикской литературы. Это было ударом в спину, предательством. Айни выпускает антологию таджикской литературы — все лучшее, что сохранил народ в своем тысячелетнем развитии. Разгорелся спор. Даже были требования — изъять эту «вредную, ненаучную» книгу. Востоковеды Москвы и Ленинграда выступили в защиту антологии.

Москва защищает таджикскую литературу и искусство от «таджикских ученых». Парадокс! Но… «таджикские ученые» — джадиды и пантюркисты, мечтавшие о возрождении Великого Турана и «исламского государства», о возрождении феодализма и развитии капитализма, не оставили своих надежд и помыслов. После выхода в свет антологии таджикской литературы им пришлось невольно согласиться с существованием древней классической литературы, но теперь они направили свой гнев против современной таджикской нации и языка.

Надо было дать решительный бой: доказать очевидное и опровергнуть измышления «ученых»… В газете «Овози точик» группа «ученых» выступила с серией статей, доказывая, что таджики не имеют литературного языка, что язык, которым они пользуются, — видоизмененный фарсидский. Они требовали, чтобы писатели и поэты, издательства и редакции пользовались современным иранско-фарсидским языком и отбросили тот, которым пользовались и пользуются доныне, как якобы нелитературным языком. При этом они прикрывались интернационализмом, обвиняя всех, кто защищал самобытность

таджикского языка и литературы, в узком национализме.

Иранский литературный язык, по выражению иранских писателей, был «удивительным сочетанием фаранги, арабских и турецких выражений и словосочетаний» (из журнала «Кова», Берлин). И этот язык «ученые» «дарили» таджикской литературе.

Айни выступил в защиту самобытности и чистоты таджикского языка:

«Если «некоторые ученые» считают фарсидский язык простым и удобным, то таджикский — сложившийся тысячелетиями, выработанный целыми поколениями, на деле более прост, певуч, музыкален и богат оттенками красок. Да, иной раз мы пользуемся словами иранско-турецкими. Это знак того, что мы мало бываем в горных кишлаках, и не утруждаем себя изучением подлинно народного таджикского языка, и часто в редакциях и издательствах прибегаем к выражениям, заимствованным у соседей. Но сейчас дело за писателями и языковедами. Их усилиями в будущем таджикский язык должен стать прекрасным, звонким, напевным. Мы должны бороться за чистоту своего языка и самобытность своей литературы. Если же обратимся к соседнему, иранскому языку, убедимся, что те же задачи стоят и перед иранскими писателями: приближение к первозданному народному языку, очищение от иностранных слов, работа над языковыми выражениями и словосочетаниями необходима. Это и будет простой фарсидский язык — близкий по духу таджикскому языку» (журнал «Рохбари Дониш», 1928 г., № 4–5).

Отвечая «интернационалистам», устод Айни в журнале «Рохбари Дониш» (1928 г., № 11–12) пишет, что «если мы, увлекаясь фарсидским языком, забудем свой, то мы оставим неграмотным население Таджикистана и Узбекистана (таджиков), ведь ни для кого не секрет, что население, невзирая на то, как будем писать мы, по-прежнему будет говорить и писать на своем родном языке, и наши усилия окажутся не только напрасными, но и вредными для нашей литературы. Искусственное вмешательство в процесс развития языка не может дать положительных результатов, наоборот, только изучение и следование законам развития языка приблизит нашу литературу к народу и сделает ее достоянием народа, ее сокровищницей. Если бы мы искусственно насаждали непонятные народу слова арабского, турецкого происхождения, мы уподобились бы человеку, морящему семью голодом и дающему подаяние на улице…»

Пожалуй, можно сказать, что все, что сделал Пушкин Александр Сергеевич для языка русского, сделал и Айни для языка таджикского, стал основоположником народного

таджикского языка, родоначальником и основателем социалистического реализма таджикской советской социалистической литературы.

Писатель и время

Таджикская классическая литература оставила нам в наследство высокие образцы поэзии. В основном — это устное народное творчество. Неграмотное, забитое население из уст в уста передавало сказание народного эпоса.

Бурные события революции 1905–1907 годов, первой мировой войны, рост буржуазии требовали новых форм выражения поэтической мысли. В начале XX века в таджикской литературе преобладали два течения: «кадимисты» — приверженцы старого стиля и строя, консерваторы, представлявшие феодализм и его интересы, и джадиды — национал-пантюркисты («младобухарцы») — идеологи зарождавшейся с начала века буржуазии. Джадиды просили развития торговли и небольших изменений в методах правления эмира бухарского и мечтали о присоединении Средней Азии к Турции. Больше чем тирании и произвола эмира Бухары они боялись народа и революции.

Реформы, предлагаемые джадидами, предусматривали интересы буржуазии. Джадиды приспосабливались к эмиру, к царскому самодержавию, ориентировались вначале на Турцию и Германию и впоследствии, во времена гражданской войны, на Британию. Свои требования они облекали в громкие революционные фразы и на словах требовали абстрактной свободы. В литературе они выступали идейными защитниками старых форм и канонизированных рамок упаднических стихов. Требовали «искусства для искусства», отступления от правды жизни, стояли за отвлеченные, абстрактные идеи, оторванность от народной жизни. Идеологи джадидов и их духовные наставники Фитрат и Бехбуди писали упаднические стихи. Возвеличивание Чингисхана и Тимура, воспевание их кровавых набегов и жестокостей, слезы о былом величии «Турана» и призыв возродить новый «Туран» под эгидой Турции. После революции джадиды создали литературную организацию «Чагатай гурунги» («Чагатайские беседы»), активно выступали против вновь зарождающейся таджикской и узбекской литературы. Узбекскому языку они противопоставляли архаический, давно отживший «чагатайский язык», боролись за «арабизм» — многие узбекские и таджикские слова заменяли арабскими, открыто выступали против Октябрьской революции, определяя ее как «явление чисто русское», несвойственное Средней Азии и даже враждебное и неприемлемое в Азии. Они звали Азию на другой путь — создание «единого, независимого Турана», живущего по законам

Турции, сеяли семена национальной розни. После распада «Чагатай гурунги» многие буржуазные идеологи вошли в объединение «Кизил калям» («Красное перо») в Самарканде, печатались в газетах и журналах, отрицали право таджиков на литературу и всячески противодействовали развитию узбекской и таджикской литературы, выступали против писателей-реалистов, зачинателей и основоположников социалистического реализма. Крайности сходятся: джадиды сочувствовали басмаческому движению и даже поддерживали его. Выступали против идей социалистической революции до тридцатых годов, когда они полностью были разгромлены.

С другой стороны, все возраставшее влияние русской литературы помогало становлению молодых узбекской и таджикской литератур. Огромный интерес к русскому языку и литературе, стремление к сближению с Россией, ее культурой и искусством проявляли лучшие умы еще в XIX веке. Просветитель таджик Ахмад Дониш, азербайджанец Мирза Фатали Ахундов, Джалил Мамедкули-заде, татарский поэт Габдулла Тукай призывали к приобщению к русской культуре, языку и литературе. В 1887 году на узбекском языке появился рассказ Льва Толстого «Чем люди живы». К 1899 году были переведены «Сказка о рыбаке и рыбке», «Бахчисарайский фонтан», «Поэт» А. С. Пушкина.

Великий просветитель XIX века Ахмад Дониш писал:

«Хотя русские и другой религии, чем мы, но в дружбе, искренности и человечности они превыше всего». Однако до самого последнего времени не только русская литература и культура, но даже и сам русский язык находились под строжайшим запретом. Мы уже знаем, как ужасно был наказан Мулло-Туроб за интерес к русским словам.

По существу, молодой Садриддин Айни следовал по пути Ахмада Дониша, по пути просветительства. И все же даже его сатирические стихи, даже требование реформы были далеки от революционных идей. Однако участие Айни в газете, издававшейся в то время, сыграло известную роль в пробуждении народа. Уже одно то, что уважаемый мулла и известный поэт пишет сатирические стихи и книги для новометодных школ, печатается в газетах и сам читает газеты, имело большое значение, давало пищу для раздумий и вызывало сомнения в порядках «благородной Бухары».

В 1912 году в Когане вышла газета на таджикском языке «Бухорои Шариф» («Благородная Бухара») и на узбекском языке «Турон» («Туран»). Эти газеты были казенными, официальными пантюркскими. С 1914 года стал выходить журнал на узбекском и

таджикском языках «Ойна» («Зеркало»). Айни участвовал во всех этих изданиях. Скоро газеты прекратили свое существование: 2 января 1913 года агентство известило: «С сегодняшнего дня по волеизъявлению его Высочества Бухарского эмира газеты «Бухорои Шариф» и «Турон» приостанавливаются». Даже казенные газеты, официальные издания, оказались под запретом.

Зачинатели узбекской прозы: Хамза Хаким-заде, Гафур Гулям, Хамид Олимджан, и основатель таджикской реалистической прозы Садриддин Айни делали первые шаги в литературе, шли на ощупь, искали. В 1916 году Хамза Хаким-заде закончил «Новое счастье. Национальный роман», и Айни в 1909 году — «Воспитание юношества». Это его произведение выгодно отличалась от прописных истин джадидовского идеолога Бехбуди, написанных суконным языком и вышедших примерно в том же году. В «Воспитании юношества» Айни, первый среди таджиков, рассказывает о семье, о детях и делает это е глубоким знанием психологии и понимания жизни.

Это были первые слабые ростки. Потребуется три-четыре года для того, чтобы сам Айни разобрался в событиях тех лет, прежде чем создаст свою первую крупную вещь «Одина». Писателю нужно было увидеть жизнь рабочих хлопкоочистительного завода, понять, насколько «куцыми» были свободы, предоставляемые манифестом эмира, и какова была расплата за него, распознать провокационную сущность джадидов, прикрывавшихся звонкими лозунгами, наконец попасть в зиндан и на собственной спине отведать палочные удары по приказу эмира, помощь безвестных русских солдат, пережить свое спасение и смерть брата Сироджиддина, прежде чем в нем умрет «известный мулла и большой поэт» и родится писатель Садриддин Айни, автор первой таджикской реалистической повести «Одина».

Эта повесть знаменует собой размежевание с джадидским движением, отказ от абстракции «просветительства Ахмада Дониша», рождение первого советского таджикского писателя. Правда, повесть сентиментальна, многие образы статичны, например Сангин, Биби-Ойша, Гюль-Биби, и еле намечены образы муллы, арбоба Кямоля и его сына Ивана или слишком фрагментарны. И все-таки эта повесть Айни — огромное явление в истории литературы: рождение таджикской прозы и ее основоположника. Писатель Сотым Улуг-заде в автобиографическом романе «Утро нашей жизни» пишет:

«Мы все с увлечением бросились на эту повесть и с нетерпением дожидались очередного номера газеты, где печаталось ее продолжение. Как сейчас помню, сидят на своих койках студенты в своих цветных ватных халатах, а некоторые

даже в чалмах и, пригнувшись друг к другу, читают «Одину». Позже повесть была выпущена отдельным изданием. Когда я стал ее читать, она сразу же увлекла меня, язык повести меня просто очаровал. Я никогда еще не слыхал и не читал таких чудесных слов. Как все там хорошо, красиво, плавно, будто слышишь приятную музыку! Мне казалось, что нет ничего красивее и приятнее таджикского языка».

Простота и правдивость повести, несомненно, заставляют воспринимать ее как первую заявку таджикской реалистической прозы. На «Одине» воспитывалось целое поколение первых таджикских писателей: Сотым Улуг-заде, Абдулло Вохид Мунзим, Мирхайдар Сарвар, М. Амин-заде, Бахриддин Азизи, Ахмед Хамди, Джалол Икрами, Сухайли…

Сложным и трудным путем пришел Садриддин Айни к простоте языка, художественной правде и социалистическому реализму; трех эмиров пережил он на своем веку и, как уже говорилось выше, на собственном опыте познал все «прелести» старого строя.

На подступах к мастерству писателя есть два произведения, без которых трудно понять творчество Садриддина Айни, — это его очерк «История эмиров Мангитской династии» и антология «Образцы таджикской литературы».

Знакомясь с «Историей эмиров Мангитской династии», читатель может проследить, как одного жестокого и бесчеловечного эмира сменяет другой — еще более жестокий и бесчеловечный. Перед ним предстанет вся трагическая история бухарского эмирата.

На основании собственного опыта, а также имея на руках богатые материалы, писатель, обладавший богатым даром слова, чувствовал себя не вправе остановиться только на этом очерке, ему виделось уже широкое историческое полотно, и, конечно, совершенно естественно было, что Айни тут же приступил к работе над романом «Дохунда».

Однако и очерк и «Дохунда» были предтечей третьего капитального труда Айни — романа «Рабы» — о жизни трех поколений, трех исторических эпох.

Попутно Айни работает над составлением антологии «Образцы таджикской литературы», она включает в себя лучшие образцы поэзии, начиная от Рудаки и до начала XX века. Джадиды-пантюркисты отрицали историю таджикского народа и отказывали таджикам в праве считаться нацией. Вот Садриддин Айни этой антологией и доказал существование таджикской нации, ее истории и ее права иметь свою республику. Сам писатель говорит, что «произведение на основе исторических

факсов сорвало завесу с происков и домогательств пантюркистов и наложило на них печать молчания…»

Однако пантюркисты, засевшие в редакции газет и журналов, в издательстве, в печатных органах, подняли шумиху вокруг одного из стихотворений Рудаки, якобы восхвалявшего эмира, и потребовали изъять из обращения антологию. Москва, русские литературоведы, русские писатели поддержали Садриддина Айни. Ведь право на самоопределение нации уже восторжествовало, и в 1929 году образовалась Таджикская ССР со своей национальной интеллигенцией и своими национальными писателями: Садриддином Айни, Абдулькасимом Лахути, Абдулло Вохидом Мунзимом, Пайравом Сулаймони, Мухамеджоном Рахими, Мухиддином Амин-заде и другими.

В 1934 году намечалось провести Первый съезд писателей СССР и к этому съезду был объявлен конкурс на лучшее произведение социалистического реализма. К тому времени Айни был уже автором повестей «Бухарские палачи» и «Одина» и романа «Дохунда».

Повесть «Бухарские палачи» знакомит читателя с миром угнетателей, палачей народа. Жестокая правда дореволюционной действительности проступает на каждой из ее страниц.

«Одина» — повесть о загубленной, сломленной, раздавленной судьбе бедняка таджика. «Дохунда» — роман о людях непокоренных, несломленных, расправивших согбенные спины, вставших во весь рост и с оружием в руках завоевавших свое счастье и свободу.

В 1930 году «Дохунда» выходит отдельным изданием в Казани. Айни готовится к Первому съезду писателей: пишет роман «Рабы».

23 апреля 1932 года вышло Постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», В 1933 году был создан организационный комитет Союза писателей Таджикистана с его собственным литературным органом — журналом «Барои Адабиети Социалисти» («За социалистическую литературу»). В Москве всесоюзный организационный комитет Союза писателей СССР на мартовском пленуме в 1933 году заслушал отчет оргкомитета Таджикского союза писателей, а на Первом съезде советских писателей в августе 1934 года — доклад о таджикской литературе. После съезда Алексей Максимович Горький устроил прием таджикской делегации.

Горький внимательно следил за ростом и развитием литератур народов СССР. Еще в 1930 году из Сорренто он прислал письмо в редакцию газеты «Коммунист Таджикистана»:

«Сталинабад. Дом наркоматов.

Товарищеский сердечный привет отважным работникам на передовых постах культурной революции Таджикистана!

Я получил два номера газеты «Коммунист Таджикистана». Разумеется, это слишком мало для того, чтобы иметь право судить о ней, но все-таки должен отметить, что газета — живая и что в ней приятно отсутствует излишнее пристрастие к премудрым словам и тяжелым фразам, — пристрастие, которым страдают некоторые русские провинциальные газеты. Большая радость, товарищи, получить умный, социалистический орган из далекого неведомого края, где несколько лет тому назад — русский был физическим завоевателем, чужим человеком. Теперь он в Таджикистане, Якутии, Карелии и всюду, на всем пространстве Союза Советов является возбудителем и проводником социалистической культуры. И за пределами Союза, на всех материках, островах земли все сильнее, увереннее звучит его голос, создавая ответное эхо. Я говорю «русский» — только по привычке грамматической, но уже давно знаю и чувствую, что говорю о советском человеке, кто бы он ни был — узбек, таджик, осетин, якут, карел. Поразительны гигантские шаги, которыми Союз Советов идет по пути промышленного развития, и в железном шуме этих шагов мы не слышим, как великолепно звучит другая наша работа — работа создания новой культуры, воспитания нового человека, работа объединения в одной целой трудящихся всей земли.

Поздравляю Вас, товарищи, с кануном четырнадцатого года революции, которая развивается в мировую!

Мой привет литературному кружку. Буду благодарен т. т. членам кружка, если они пришлют мне в редакцию журнала «Литературная учеба» свои опыты в стихах и в прозе.

13 сентября 1930 года

г. Сорренто

Максим Горький».

Поэт, первый председатель Союза писателей Таджикистана, Абдулькасим Лахути с большим уважением сказал однажды Айни: «Вы среди писателей Союза ССР единственный, кто имеет два билета Союза писателей СССР за подписью Максима Горького».

Дело в том, что Садриддин Айни писал свои произведения на двух языках: узбекском и таджикском. Два народа: узбеки и таджики — считали его своим писателем. У него большие заслуги и перед узбекским и перед таджикским народами. Недаром в 1934 году при образовании Союза писателей СССР две республики — Таджикистан и Узбекистан — просили принять его в члены Союза писателей. В том же году Айни и получил два

билета Союза писателей СССР за подписью Горького. Он очень дорожил своими билетами, особенно подписью Горького.

Не раз он с горечью признавал, что не знает русского языка и поэтому произведения Максима Горького вынужден читать на таджикском и узбекском языках. Садриддин Сайидмурадович очень хотел бы читать их в оригиналах, но… Он придавал большое значение высказываниям великого пролетарского писателя, записывая их в записную книжку, и в своем творчестве следовал им. В статье «Вечно живой» он пишет:

«…Если вы полистаете мою записную книжку, вы найдете немало высказываний и афоризмов М. Горького. Каждое из них для меня — целое творческое руководство. В 1929 или в 1930 году в Таджикгизе я редактировал книгу Горького на таджикском языке. Я встретился с одним из крылатых выражений: «Неважно, что сказал, важнее — как сказал…»

Это выражение врезалось в мою память, как надпись на камне, и до сих пор я, когда пишу что-либо, вспоминаю его. Теперь я придаю большое значение тому, как сказано то или другое слово».

Садриддин Айни до Октябрьской революции жил в забитой, бесправной Бухаре и даже не слышал имени Максима Горького. Однако после победы Советской власти, прочитав одно из произведений пролетарского писателя, он захотел увидеться и встретиться с Горьким. После знакомства с каждым из его произведений это желание крепло.

Это желание С. Айни сбылось в 1934 году на Первом съезде Союза писателей СССР в Москве.

В августе 1934 года в Самарканд, где в то время проживал Садриддин Сайидмурадович, пришло известие, что он избран делегатом Первого съезда писателей СССР от Таджикистана…

…С. Айни ехал в общем вагоне: свободных мест не было — он стоял, прислонившись к железным стойкам купе. Но писатель не очень-то огорчался: хорошо еще, что удалось приобрести билет, ведь он ехал на съезд в Москву, к Горькому!.. Он стоял задумавшись — мысли, воспоминания, мечты, — он был слишком переполнен радостью и слишком счастлив, чтобы особенно расстраиваться из-за каких-то неудобств…

Вокруг, где только можно было, сидели военные: шум, спор, смех и беззаботное веселье. Они не обращали внимания на аккуратного, подтянутого, чуть сухощавого мужчину лет шестидесяти, задумчиво смотревшего в окно.

Один из военных, судя по его петлицам, командир, спросил:

— Куда едете, отец?

— В Москву

— В Москву? Зачем же? Не в гости ли?

Молодые ребята в запыленных и выцветших гимнастерках заулыбались: они знали веселый нрав командира, они ждали шутки, веселого завершения разговора со стариком.

— Нет, — задумчиво ответил Айни, — не в гости. На Первый съезд писателей СССР.

— Разрешите узнать, — командир встал с места, — кто вы?

— Айни. Может, слыхали?

— Садриддин Сайидмурадович? А как же… Автор книг «Бухарские палачи», «Одина», «Дохунда», «Рабы»?

Писатель улыбнулся тепло и мягко. Он был растроган до слез — это было несомненное признание… Шумно и быстро солдаты, молодые, загорелые, крепкие ребята, вставали, жали ему руку, неловко извинялись, усадили у окна. Завязалась беседа, задушевная и простая. На остановках они выскакивали, где-то раздобыли чайник с расплющенным носиком, где-то достали пиалу и угощали Айни консервами, всем, чем могли угостить в дороге самого близкого и родного своего человека.

Они охотно рассказывали ему случаи из своей жизни, советовались, расспрашивали и просили почитать свои рассказы, стихи, рассказать о себе…

Растроганный Айни рассказывал о себе, о Соктари, о жизни дехкан, о старой Бухаре, о манифестации джадидов, и наказании 75 палочными ударами в зиндане «Обхона», и об освобождении русскими солдатами смертников «Обхоны», о русских словах Мулло-Туроба.

…Внимание, с каким слушали молодые бойцы, заставило писателя задуматься. Возможно, во время этой знаменательной поездки и зародилась у него идея написать «Воспоминания». Но пройдет еще много лет, пока идея эта окрепнет и обретет плоть и кровь,

А пока что впереди была встреча с Москвой, с Горьким. Первый организационный съезд писателей СССР. Вокруг молодые притихшие ребята, с интересом слушающие его, задающие вопросы и порой сами на них отвечающие, а за окном — пески, пески и пески. Днем беспощадное знойное солнце, ночью пронизывающий до костей ветер, вечером — мошкара, а утром — освежающая прохлада.

Стучат колеса вагонов на стыках рельсов.

«Еду, еду, еду», — отдается стук сердца. На прощанье солдаты сердечно пожимают руки, желают очень много здоровья и просят написать книгу «без выдумки и хитросплетений, как в романах», а правду о жизни, написать книгу-беседу о Мулло-Туробе, о детстве… Писатель обещает подумать.

Солдаты сошли на каком-то разъезде и долго еще, стоя на насыпи, махали вслед уходящему составу. Айни, растрогавшись, украдкой вытирал глаза, но уже весь вагон знал, что это писатель и что едет он на съезд…

17 августа 1934 года в Доме союзов открылся Первый съезд Союза писателей СССР. Айни в числе других делегатов избрали в президиум. Он сел неподалеку от Горького, но поговорить с великим писателем не удалось. Слишком большое было окружение москвичей, слишком много было людей, мечтавших, как и Айни, увидеть Горького, поговорить с ним, а протолкаться и познакомиться мешала робость.

Однако в один из перерывов, когда Горький направлялся в комнату отдыха, он сам подошел к Айни и дружески протянул Руку:

— Максим Горький.

— Садриддин Айни.

— Знаю, читал. Я хотел с вами познакомиться, поговорить. Вашу повесть «Дохунда» я прочитал.

В эту короткую встречу они обменялись несколькими словами, и Горький выразил желание еще раз встретиться и поговорить по душам.

Это произошло 24 августа, когда Горький пригласил президиум съезда к себе на обед.

— Вы сможете быть у меня? — спросил он Садриддина Сайидмурадовича.

— Не знаю… — нерешительно и растерянно ответил Айни. Горький, взяв его под руку, прошелся по лестнице и коридору и вернулся обратно. Беседовали они тихо, вполголоса. Горький интересовался условиями работы, периодическими изданиями и их сотрудниками, погодой и людьми Средней Азии. Потом он занял свое место в президиуме и довольно потирал руки. Делегаты видели, что у великого писателя настроение отличное. Айни был спокоен и задумчив. Он сидел, облокотившись и словно не слушая выступления делегатов, а решая какую-то сложную задачу. Но это было не так…

…После обеда специальная машина повезла всех на дачу к пролетарскому писателю. Можно понять волнение гостей. У ворот встречал сам Алексей Максимович, приглашая быть как дома.

…Корреспонденты не дремали. Алексей Максимович был не против фотосъемок. Под конец фотокорреспондент попросил Алексея Максимовича сфотографироваться отдельно — «на память делегатами».

— Вы уж лучше сфотографируйте нас, двух стариков, — улыбнулся Алексей Максимович и, взяв под руку Садриддина

Сайидмурадовича, повел по аллее.

…Два основателя социалистического реализма, два писателя, повидавшие старый мир и строившие новый, два воспитателя целой плеяды писателей — в Москве, на даче Алексея Максимовича. Завершен огромный труд объединения всех писателей СССР в многоязыковой, в многонациональной России с ее огромными просторами, с разнообразными проблемами, но с одной целью — строительства социализма, строительства нового, бесклассового общества, в единственной в то время стране на всей планете…

Садриддин Сайидмурадович всегда тепло и радостно вспоминал первый съезд, объединивший писателей всей страны. Он с любовью и уважением вспоминал Горького, показывал памятную фотографию и всегда советовал писателям учиться у Горького — великого пролетарского писателя. Он говорил, что жизнь и произведения Алексея Максимовича, особенно для молодых, — большая, хорошая школа…

История эмиров Мангитской династии

История человечества знает несколько общественно-экономических формаций.

Восстания рабов, нашествие гуннов, падение Римской империи — все это привело к замене рабовладельческого общества феодальным. Молодой капитализм зародился в недрах феодализма, окреп, а потом и разрушил его.

В европейских странах такой процесс можно было наблюдать, так сказать, в чистом виде. В Азии же все было сложнее и запутаннее; в одно и то же время там «сосуществовали» рабство и феодализм, а наравне с этим в недрах этого же общества намечались первые зачатки капитализма. Не зная истории, невозможно объяснить и государственный строй и общественно-экономическую формацию Бухары.

Работа Садриддина Айни «История эмиров Мангитской династии» давала ключ к пониманию истории бухарского эмирата. Очень живой, последовательный и подкрепленный ссылками на источники рассказ об объединении Ирана, Афганистана, Мувараннахра (нынешней Средней Азии) и части Индии в одно могущественное государство в правление Назир-шаха, несомненно, заинтересует читателя. Даже малоискушенный в истории человек с помощью Айни разберется также в деятельности князей из племени мангитов — предков последних бухарских эмиров, однако нам для настоящего труда важнее рассказ о правлении именно последних бухарских ханов и эмиров — Сайид Амира Хайдара, который пытался бороться с крупной феодальной аристократией, но не в силах был сломить ее сопротивление. В его правление междоусобные войны, набеги окончательно разорили бухарское ханство, люди бежали в горы, замерла торговля, разорено было сельское хозяйство, страна пришла в упадок. К этому же периоду относится крупнейшее восстание китай-кипчаков.

Амир Насрулло правил с 1826 по 1860 год. Бухарское ханство постоянно вело войны с Хивинским, Кокандским и Шахрисябзским ханствами.

Музаффар правил с 1860 года по 1885 год.

В 1885 году его сменил эмир Абдулахад, а с 1910 года по 1920 год эмирский престол занимал последний отпрыск эмиров Бухары Сайид Алим-хан.

В Средней Азии столкнулись интересы капитала двух великих

держав: владычицы морей Англии и России.

Англия засылала в Среднюю Азию своих агентов, но добиться каких-либо успехов не могла.

Так, в 1838 году прибыл в Бухару Стоддарт. Эмир принял его любезно. Однако на следующий день английский эмиссар, пренебрегая веками сложившимся обычаем спешиваться на площади Регистан перед дворцом эмира, проехался по Регистану на лошади. Эмир приказал его арестовать. Англия обратилась к царскому правительству с просьбой воздействовать на эмира Бухары и добиться освобождения Стоддарта. Представителям России Бутеневу и Ханыкову было вменено в обязанность наряду с налаживанием торговых и дружеских связей между Россией и эмиратом походатайствовать об освобождении Стоддарта. Однако в этой части их миссия оказалась безуспешной.

Судьба Стоддарта постигла и другого посланца Англии — Кополли, который через год прибыл в Бухару. Его тоже бросили в темницу, а еще четыре года спустя оба англичанина были казнены.

Англия не могла завладеть Средней Азией. Ей преграждали путь воинственные афганские племена, не допускавшие чужеземцев не только в Семиречье, но даже в свои владения.

В 1864 году отряд полковника Черняева, с одной стороны, и полковника Веревкина, с другой, двинулись в глубь Средней Азии и соединились в Чимкенте. С этого момента и начинается завоевание Средней Азии Россией. А уже в 1867 году было организовано Туркестанское губернаторство во главе с генерал-губернатором Кауфманом.

Освобождение рабов Средней Азии русскими и относительные права, предоставляемые Россией, ускорили процесс присоединения других среднеазиатских владений к России.

Правда, процесс этот был довольно длительным, и в этой связи не лишенным интереса кажется «Донесение пограничной комиссии Оренбургскому военному губернатору о действиях англичан в Бухаре», которое мы здесь частично приведем:

«25 января 1826 года бухарец Мурзахай Габитов пограничной комиссии показал, что он в 1824 году ездил в Бухару для получения наследства отца (мать татарка) и узнал следующее: в ноябре 1824 года в Бухару прибыл караван из 150 верблюдов и 75 человек, из них 7 англичан, 68 индийцев и персиян, нанятые первыми в работники. Габитов с одним из англичан лично говорил, оказывается, он знает русский язык, был в России, и все англичане говорят по-персидски. По слухам, во время следования в Бухару на караван англичан напали 12 000 человек дикого

народа. Англичане сняли с верблюда какой-то ящик и пустили из него огонь, чего нападающие испугались и убежали.

Хан принял их весьма хорошо, и они были у него до апреля 1825 года четыре раза, а у кушбеги бывают почти ежедневно. Англичане на большую сумму сделали подарки хану и щедро дарят чиновникам бухарским. Им отведен особый караван-сарай, в который они сложили все вещи свои и где они живут. Они ходят и ездят свободно по городу…

…Все уверены, что они снимают планы, ибо они сами всегда пишут и, кроме некоторых чиновников и одного армянина, никого к себе не пускают.

Когда до Бухары дошел слух о шедшем вооруженном караване России, англичане показывали великое беспокойство и явно обнаруживали, что обстоятельство сие им противно…»

А вот еще выдержки из донесения начальника каравана, вернувшегося из Бухары, Оренбургской пограничной комиссии в 1833 году. Речь в нем идет о завозе английских товаров.

«В Бухаре появились в значительном количестве английские товары, привезенные афганцами из индийского города Бенопес, и продаются по весьма низким ценам по сравнению с русскими товарами, например: кусок кисеи в России стоит 50 рублей, в Бухаре 8 рублей серебром; штука коленкора в 16 аршин в России — 27 рублей, в Бухаре 3 рубля… Купец дополняет, что он и прочие бухарские купцы, сбыв с убытком привезенные из России бумажные изделия, не намерены уже покупать их ныне…»

В 60-х годах XIX века Среднюю Азию под видом мусульманского дервиша посетил венгерский востоковед А. Вамбери. В книге «Очерки Средней Азии» он оставил точную характеристику Бухарского ханства:

«…Трудно сказать, сколько добывается ежегодно невольников, ибо это зависит от положения дел в Иране; точно так же трудно определить, хотя бы приблизительно, количество всех невольников, живущих в настоящее время в Туркестане…

…Маклеры бывают двух родов: во-первых, туркмены, служащие, так сказать, посредниками между жителями степей и жителями ханства; они ждут, пока наберется 30–50 невольников, и тогда отправляются караваном в Бухару или Хиву, а до отправления, чтоб уменьшить расходы на содержание невольников, отдают их в поденную работу, но за поручительством на случай порчи своего товара. Во-вторых, маклерствуют еще сунниты, живущие на границах Персии, играющие весьма двусмысленную роль: с одной стороны, они служат персиянам посредниками, разыскивают похищенных в пустыне или в Туркестане, а с другой стороны, они служат

отличными шпионами для разбойников, извещая их о состоянии деревень, о выступлении и составе караванов. Многие, особенно из живущих на восточных границах Ирана, имеют целые депо невольников в Герате, Маймене, Бухаре. Раз в год они отправляются с грузом несчастных на продажу, а на обратном пути захватывают с собой толпы освободившихся невольников или выкупленных при их посредстве. С семейства выкупаемого они берут втрое больше уплаченной ими суммы, толкуют ему о том, как трудно было отыскать пленника и каких это стоило хлопот, между тем они отлично знали, где находился несчастный, которого они, быть может, даже сами туда и спровадили, а с помощью своих агентов давно уже уговорились о цене выкупа. Поистине интересно видеть, как эти мошенники искусно умеют притворяться: отправляясь в Бухару в качестве торговцев невольниками, они выдают себя за самых правоверных бухарцев, ругают еретиков-шиитов и радуются жалкой участи, постигающей персиян. На обратном же пути в Иран они, разыгрывая роль освободителей, порицают жестокость и дикость бухарцев, проливают горькие слезы о несчастной участи персиян — одним словом, превращаются в мягкосердечных на вид людей…»

23 июня 1868 года был подписан договор между Россией и Бухарой, а через пять лет он был изменен в результате присоединения некоторых областей к России.

Очерк Садриддина Айни давал богатый материал к пониманию психологии людей Средней Азии, показывал, как через трупы своих сородичей шагали к власти эмиры и ханы, как торговали людьми и бесчинствовали беки и ханы, как страдал от их эксплуатации народ. Очерк Айни давал развернутую картину народного бедствия и подводил к мысли о неизбежности революции.

Вслед за очерком «История эмиров Мангитской династии» устод берется за художественное воплощение накопленного им исторического материала, за подлинную летопись таджикского народа.

«Стояла жаркая осень 1825 года. Тяжелые песчаные холмы тянулись в необузданных просторах пустыни…..Такова была Туркмения тогда».

Точная дата и место действия в начале романа обязывают автора ко многому, самая главная его задача — быть верным исторической правде!

1825 год! В этом году в России декабристы вышли на Сенатскую площадь с оружием в руках, выступили против самодержавия и крепостного права, за земельную реформу и

конституцию. Знаменательная дата! А в знойной Туркмении среди раскаленного песчаного моря стоит разбойничий рабат. Глава семьи — семидесятилетний старик. Он молится богу. Ему есть о чем молиться: два его сына со своими головорезами охотятся за людьми, мирными жителями Ирана, чтоб продать их в рабство. Брат богомольного старика с другой шайкой охотится в районах Герата, а глава рода, в прошлом также атаман разбойничьих шаек и работорговец, вымаливает у аллаха, чтобы побольше рабов и награбленного скота привезли его брат и его сыновья!

Писатель с первых страниц показал нам «время и людей», обрисовал историческую обстановку и быт страны.

«Мысли его, видимо, улетев с тесного молитвенного коврика, бродили вдалеке от бога, по суетной, но просторной земле, по просторам времени, давно умершего. И грустью сменялась радость, сладостные воспоминания уступали горьким думам, а в жилах билась и клокотала, не смиряясь, гневная кровь…»

Старик, вся жизнь которого прошла в набегах и походах, в торговле людьми, человек, одно имя которого наводит ужас на жителей мирных городов и селений — людей одного с ним вероисповедания, молится богу. После молитвы пьет чай с братом и его людьми, курит кальян и, захмелев от табака, жары, чая, по-деловому, обстоятельно обсуждает план набега, разбоя, решает участь мирных садоводов, обрекает их на рабство.

Захмелев, «с помолодевшим лицом, с загоревшимися глазами, он приподнялся, глядя куда-то далеко, словно там сквозь кошму юрты вились разбойничьи тропы между песков и за песками темнели сады, а за садами — открытые города, набитые золотом, нарядами, беззащитными, покорными сотнями людей, стадами скота, верблюдами, караванами, шатающимися под грузом сокровищ…»

Я слышал, говорит он, «в Афганистане произошли какие-то беспорядки. Там из-за царства ссорятся двое братьев: Шах-Заман и Шах-Махмуд. А границы там сейчас без хозяина. Без охраны остались и земли Герата. Пытай счастье! Ступай туда!»

Айни потребовалось всего 13 страниц, чтобы нарисовать широкую картину жизни общества, показать нравы, обычаи и гнет, под которым жили рядовые труженики страны, то есть осветить всю эпоху целиком. Все, о чем пишет Айни, совершалось с высочайшего соизволения эмира Бухарского — покровителя работорговцев и рабовладельцев. «Бухара веками соблюдала издревле установленные порядки и обычаи». Рабами торговали открыто, в определенном, специально отведенном для этого месте. Работорговля была узаконенной формой купли-продажи.

«Базаром работорговцев в Бухаре издревле был квартал Пои Остона с его большими и приспособленными для такой торговли караван-сараями…» Но прежде чем начинать торговлю, надо было дать взятку эмиру — красивого мальчика и девочку для гарема, чтобы получить разрешение торговать людьми.

Рабов покупают и продают. Покупают и продают девочек, девушек и женщин. У Клыча-халифы, богомольного старика, несколько жен. Их всех он купил для того, чтобы они работали на него. Жены боятся, что, когда они состарятся, старик их прогонит и они умрут с голоду.

Искусные ковровщицы, проработав по двадцать и больше лет, теперь боятся умереть с голоду. В тридцать пять лет силы их уже иссякают, они ничего не нажили, у них нет дома, нет семьи, нет пристанища. Для этих обездоленных женщин просто иметь кусок хлеба и крышу над головой кажется высшим счастьем. А сколько разведенных жен бродят по дорогам и вымаливают кусок хлеба! Работа им уже не под силу, и поэтому никому они не нужны!

Итак, в первой части романа перед нами предстает рабовладельческий строй.

Но вот мало-помалу изменяются экономические условия в эмирате, развивается торговля, открываются фабрики, налаживаются средства связи, в результате сближения с Россией изменяется облик бухарского эмирата. Но освобожденные рабы только номинально становятся свободными: чтобы не умереть с голоду, они, как их отцы и деды, вынуждены работать на бая. Они так же беззащитны, как рабы, как и у рабов, у них нет никаких прав.

Но все же их психология уже не та. Они уже не безропотны, как их отцы и деды.

Сыновья вчерашних рабов возделывают собственные клочки земли, приобретают свой уголок, свою семью. До них долетают отголоски революционных событий в России. До них доходит печатное слово передовой русской интеллигенции. Многих посылают в Россию на принудительные работы. Конечно, они вернутся из России уже другими. Развитие капитализма коснулось эмирской Бухары. С одной стороны, репрессии, жестокие наказания, страх смерти, а с другой — возникновение рабочего класса в эмирате, строительство хлопкозаводов — все, вместе взятое, революционизирует эмират, его трудящийся класс. Потомки рабов объединяются и сообща выступают с оружием в руках на защиту своих прав. Но пока власть принадлежит эмиру и борьба носит чисто стихийный характер.

Писатель не смог показать возникновение революционной организации в Бухаре, он показал только в отраженном свете

отголоски событий, и в этом слабость романа.

Если мы вспомним биографию писателя, то поймем, что и сам автор поначалу блуждал в потемках; он понимал, что эмират надо разрушить, что построить новое общество тоже нужно, но он не знал, как это сделать. Вот это и нашло отражение в первых двух его произведениях.

Но уже Эргаш при жизни взял в руки оружие, чтобы завоевать новую жизнь, и еще при жизни он увидел власть Советов. Его сын Хасан живет при Советской власти и строит колхоз. Последняя, пятая, часть романа посвящена строительству колхоза. В романе мы видим сцену наказания палками, сцены пребывания в зиндане, освобождение из зиндана и даже первые годы жизни в «свободном» Самарканде. Глубокое знание истории и личные переживания Айни помогли ему создать эту эпопею из жизни таджикского народа.

Роман «Рабы» написан простым и ясным языком зрелого художника и большого мастера слова. В романе пленяют нас простота изложения, стройная композиция, верность художественной правде, точность деталей быта, знание жизни народа. Характеры героев даны в движении. Каждый эпизод чем-то обогащает, рисует с новой стороны их характеры.

Роман «Рабы» завершает трилогию — «Одина», «Дохунда» и «Рабы». Эта трилогия особого рода: в ней действуют разные герои, показано разное время, но во всех трех произведениях явственно проступает стремление народа к освобождению от векового гнета. Повесть «Бухарские палачи» направлена, против господствующих классов бухарского эмирата, повесть «Одина» рисует нам жизнь забитого бедняка таджика. Одина не смог выпрямиться, отстоять свое счастье в борьбе. Жизнь сломила его. Роман «Дохунда» — жизнь бедняка таджика, его борьба с оружием в руках за свое счастье, за счастье народа, его победа. Едгора не сломили, как Одину, он окреп, выпрямился и в борьбе за счастье народа нашел свое счастье. Роман «Рабы» как бы вбирает в себя исторические и жизненные материалы и повести «Бухарские палачи», и повести «Одина», и романа «Дохунда», и очерка «История эмиров Мангитской династии». Роман «Рабы» завершает весь цикл работы над прошлым, настоящим и будущим таджикского народа. Сам писатель говорит:

«Я писал этот роман о судьбах моего народа, о жизни прежних поколений, но, признаться, взгляд мой меньше всего был обращен в прошлое. Моя мысль устремлялась в будущее. Эта книга о прошлом написана как завет для будущего, потому что история только тогда имеет смысл, когда в руках людей она становится оружием борьбы за будущее».

Завершен цикл очерков, повестей, романов. Возросло мастерство художника, обогатился опыт. К этому времени был образован Союз писателей СССР и его филиал в Таджикистане с группой писателей. Айни по-прежнему работает неутомимо. В периодике печатаются его стихи, рассказы, очерки: повесть «Ахмад, заклинатель дивов» (1930 г.), очерк «Колхоз «Коммунизм» (1933 г.), рассказ «Старая школа» (1935 г.), сборник стихов «На память» (1935 г.), повесть «Смерть ростовщика» (1939 г.), очерки «Краса мира» (1939 г.), «Исторический праздник» (1939 г.), поэма «Борьба человека с водой» (1940 г.) и повесть «Сирота» (1940 г.).

В сокровищнице мировой литературы есть галерея скупцов, скряг, рабов золота, потерявших человеческий облик. Для них нет ничего святого, кроме «золотого тельца». Они все готовы предать и продать ради наживы. Гоголевский Плюшкин, бальзаковский Гобсек, пушкинский Скупой рыцарь и другие… Эта галерея пополнилась еще одним отвратительным скупцом — Кори-Ишкамбой. Уже его прозвище (кори — желудок) как бы предваряет его характер. Кори — чтец корана. Святость и жадность — вот отличительные его черты.

Плюшкин стережет добро — прошлогодние сухари, клочок бумаги, а в это время гниют скирды хлеба, собранного трудом его крепостных, а сами труженики «мрут, как мухи», с голоду. Гобсек — царь золота и денег. Стряпчий рассказывает: «Я вернулся к себе в комнату совершенно ошеломленным. Этот высохший старикашка вдруг вырос в моих глазах, стал фантастической фигурой, олицетворением власти золота. Жизнь и люди внушали мне в эту минуту ужас».

Герой повести Айни «Смерть ростовщика» Кори-Ишкамба не царь, а раб золота. Его фигура внушает не ужас, а презрение. Иногда даже становится шаль этого ненасытного, вечно недовольного, вечно голодного попрошайку.

Повесть «Смерть ростовщика» удивительно стройное, художественно выразительное произведение, рисующее последнюю агонию эмирата. В этой талантливой и впечатляющей повести, к сожалению, только мимоходом на двух страницах рассказано о детстве ростовщика. Автор, а вместе с ним и мы не можем проследить путь, каким он пришел к ростовщичеству, и это, пожалуй, единственная наша претензия к Айни.

А познакомившись уже с процветающим Кори-Ишкамбой, мы никак не спутаем его ни с одним из его «коллег» из галереи скупцов: это не бальзаковский всемогущий Гобсек, не Иудушка Головлев и не Плюшкин. Пусть в нем и проступают черты, роднящие его с этими персонажами, но Кори-Ишкамба наделен

чертами, характерными только для него одного, с — если можно так выразиться — специфическими таджикскими чертами скупца: на свадьбе он выпрашивает куски мяса и хлеба, он может мужественно и невозмутимо перенести обиды и насмешки, лишь бы это принесло ему выгоду. Подозрительность его не имеет границ.

Чернышевский писал: «Очень легко доказать, что сюжетами романов, повестей, литературных произведений обыкновенно служат поэту действительно случившиеся события или анекдоты, разного рода рассказы…»

Флобер «списал» портрет мадам Бовари с некой госпожи Кутюрье. Однако Е. Добин в книге «Жизненный материал и художественный сюжет» говорит: «Но какое отношение к литературе имеют все эти сведения? Не к обстоятельствам, а к самому художественному произведению?»

Станет ли глубже наше понимание «Мадам Бовари», если мы установим самым точным образом, что прототипом Эммы Бовари была такая-то особа, а прототипом Шарля Бовари такой-то, и будем располагать документированными сведениями об их жизни?

…Положение изменится, однако, самым решительным образом, если к указанному житейскому материалу, на котором остановил свой взор художник, мы подойдем как к «зерну художественного замысла…».

Как-то, после опубликования повести «Смерть ростовщика», некоторые товарищи разыскали людей, действительно знавших в Бухаре ростовщика по имени Кори-Исмат, схожего с литературным героем, тоже плешивого и тоже чтеца корана. (Надо сказать, однако, что тот был не настолько гадок и низок: любил повеселиться, у него были друзья-сотрапезники, он любил пофрантить.) Но устод Айни нисколько не изменил художественной правде, наделив своего героя такими чертами характера, что Кори-Ишкамба врезается в память и уже его ни с кем из галереи скупцов не перепутаешь.

Герой повести «Смерть ростовщика» не одинок, рядом с ним живут, грабят и притесняют народ, соучаствуют в «делах» ростовщика, помогают ему такие же хищные и жадные, хотя и не в той степени, что Кори-Ишкамба, чиновники, арбобы, найбы и другие представители власти. Кори-Ишкамба — детище своего времени, порождение и результат темного царства эмирата, и поэтому окружающих он нисколько не удивляет и находит общий язык со своей средой.

Революция не обошла стороной ростовщика Кори-Ишкамбу: свержение царя в России, гражданская война приводят его в

трепет, бросают в жар и холод. Он уже боится оставлять деньги дома. Он берет их из одного банка и вкладывает в другой, пока, наконец, частные банки от него не отказываются. Тогда он вкладывает деньги в Государственный банк, прислушивается к газетам, интересуется событиями, расспрашивает людей.

Умирает он тоже необычно, не как все люди. Он молится богу, а попутно думает о своих деньгах:

«Кори-Ишкамба, уже прикоснувшись пальцами к мочкам ушей, слегка склонился к этому обратившемуся к нему человеку и прислушался.

— Вы слышали? — продолжал голос. — Большевики в Когане подняли голову и захватили Государственный банк со всеми его деньгами — бумажными, серебряными, золотыми и со всеми ценными бумагами…

Услышав это, Кори-Ишкамба сказал только:

— Ох, большевики! — склонился набок, шатнулся в сторону и упал на землю…

…Он был мертв».

«Смерть ростовщика» — небольшая по объему повесть, но каждая сцена ее показывает с новой стороны быт, характер, душевный склад героя, его внешность и поступки. Через характер ростовщика явственно проступает время, почва, взрастившая его, среда, в которой он процветает. К концу повести мы уже чувствуем, что революция должна уничтожить его, народ не оставит его в живых.

Однако гибель ему грозит совсем с неожиданной стороны: достаточно было произвести конфискацию банка — и наступила смерть ростовщика. В галерею скупых ханжей вошел еще один Кори-Ишкамба — чтец корана — «желудок», он последний в этой галерее. В Союзе Советов для таких людей уже никогда не будет места!

Язык — первооснова литературы

Нет языка — нет литературы — аксиома всем известная, но часто забываемая аксиома. Иногда писатели обращались к устоду по спорным вопросам языка, Айни оживлялся, и любо было смотреть, с каким задором, пылом молодости он объяснял, рассказывал, приводил примеры, доказательства. Устод радовался удачному выражению, точно найденному слову, чувству меры. Он часто любил повторять слова Горького: «Неважно, что сказал, важно, как сказал».

Собеседнику устода достаточно было исказить смысл слова, неправильно его произнести или употребить, попытаться протолкнуть в печать рукопись серенькую, без поэтических находок и новооткрытий, и устод, забывая, кто перед ним, не беспокоясь, как воспринимает собеседник его слова, прямо и сердито высказывал в лицо свое мнение, нисколько не заботясь о том, авторитетен ли собеседник и сколь высоко его служебное положение. Это иногда оборачивалось для Айни неприятностью…

Однажды сын устода Намол Айни рассказал, что в Москве гости Лахути — иранские литературоведы — поспорили с хозяином дома — Абдулькасимом Лахути, что слова «джангара» таджикского происхождения. Поэт доказывал, что это слово общее для всех языков фарсидско-иранского происхождения.

— Кто же оказался прав? — спросил устод у сына. Услыхав, что каждый остался при своем мнении, устод, довольный, стал смеяться, шутить и тут же сел писать Абдулькасиму Лахути. Устод в письме довольно подробно, на конкретных примерах доказал, что Лахути прав.

«Уважаемый товарищ Лахути!

По словам Камола, между Вами и некоторыми иранцами возник спор относительно таджикского происхождения слова «джангара». Я очень удивился, узнав об этом. Хотя в «Шах-Наме» Фирдоуси и у других поэтов я и не встречал этого слова, но могу доказать, что это слово фарсидско-таджикское. Корень слова «джанг» — война; со дня возникновения фарсидского джадида и по настоящее время и в Иране и в Туране оно имеет хождение. От корня «джанг» производятся слова:

джанговар — боец, солдат, воин;

джанггох — поле битвы;

джангджуй — поджигатель, искатель войны, желающий войну.

Я очень сожалею, что до сих пор Вы не видели моей

книжонки «О Фирдоуси и о его «Шах-Наме». В конце ее я дал небольшой словарь из «Шах-Наме». Неплохо было бы Вам с ним ознакомиться. Посылаю Вам один ее экземпляр и еще книги «Муканна» и «Темуриалик», напечатанные во время Великой Отечественной войны. Надеюсь, что Вы примете…

С приветом и уважением С. Айни.

Самарканд, ул. Лаби Гор, дом № 103-а

21 мая 1946 г.».

Горьковской любовью и заботой о литературе звучат письма устода Айни к собратьям по перу…

В то время устод сдал рукопись в Союз писателей для обсуждения. Писатели собирались серьезно поговорить о новом произведении, указать на недостатки и просчеты, высказать откровенно и честно свое мнение, но… После долгой беседы с писателем Дехоти устод отвечает на телеграмму Мирзо Турсун-заде:

«14 декабря 1948 г.

Самарканд.

Товарищ Мирзо Турсун-заде!

Вторично благодарю за поздравительную телеграмму. На днях ко мне приходил товарищ Дехоти. Он высказал некоторые свои замечания по моей рукописи «Воспоминания». Из разговора я понял, что коллективного обсуждения не было, больше того, кроме Джалола Икрами, никто не прочитал повести до конца.

В основном замечания товарищей относились к поведению Кози Абдулвохида Садри-Сарира во время отвода нового русла Шофуркома и еще бесчинству чиновников и амлакдаров. Ведь я вначале показал во всей наготе бесчинства и грабен; предыдущих «строителей», и случай с Абдулвохидом остался единственным, нетипичным для того времени.

Кози Абдулвохид Садри-Сарир был единомышленником Ахмад Калла, и я это отметил в главе «Бедил». Различие было только в том, что Ахмад Дониш был передовым человеком, а Сарир — человеком пассивным. Ведь не вменяется Сариру в вину то, что он был козием. Ахмад Калла тоже сначала в Хузоре, потом в Нахрпае (Зиеуддине), а затем — в Вобкенте был козием (см. сборник Садри Зие).

…В главе «Русло Шофуркома» я дал полную картину последствия деятельности кози Абдулвохида и жизни района после строительства канала. По плану действие этой главы должно было разворачиваться во второй книге, в главе «Мое путешествие по Чули Кизил».

Теперь о мелочах: кое-кто счел ненужными детали, где я, в сущности, в «Воспоминаниях» говорил кое-что о себе. Но, прежде чем высказываться категорически, надо было внимательно прочесть мое предисловие — в нем я объяснил, что пишу «Воспоминания» также для начинающих и молодых писателей, рассказываю, что я видел, какой у меня был материал, благодаря которому я смог написать свои произведения.

Именно те мелочи, которые считают ненужными, и помогли мне и органически вошли в «Одину», «Дохунду», «Рабов» и другие

мои произведения.

В «Воспоминаниях» я в скобках указал, где и в каком произведении использованы мной эти «мелочи».

Вывод: в «Воспоминаниях» «мелочи» в основном написаны для молодых литераторов, и они принесут им большую пользу, покажут им, какую роль играют детали и как надо присматриваться к «мелочам» в жизни, чтоб написать художественное произведение и создать типичный образ, как обобщать виденное, отбрасывать случайное, сообщать произведению достоверность.

Очень много товарищей и из русских и из местных, пробующих перо, часто спрашивают меня: «Откуда, из каких источников вы взяли материалы?»

Сравнив мои произведения с моими воспоминаниями, они получат ответ и меня избавят от излишних вопросов. Критики и рецензенты… исследователи, литературоведы и все, кто будет писать о моих произведениях и обо мне, смогут воспользоваться моими «Воспоминаниями».

Я не боюсь критики, потому что, если критика будет несправедливой, душа моя будет спокойна, если же критика будет справедливой — я учту замечания и исправлю свои погрешности (как я и сделал в «Воспоминаниях»).

Однако о критике «мелочей» сожалею. Сожалею не потому, что меня покритиковали, а потому, что молодые не извлекли пользы из этих «мелочей».

Я, когда садился писать Вам, преследовал две цели: первая — Вы молоды и у Вас есть талант, но пока еще не все Ваши способности проявились. Вот и останется Вам от меня, старика (неизвестно, долго ли я еще буду жить), вот эта память. Вторая — прочтите это письмо молодым, пусть они по возможности воспользуются моими «Воспоминаниями», и пусть им легче будет воспринимать мои другие произведения.

С товарищеским приветом Айни С.

14/XII-48 г.

Самарканд».

Письмо М. Турсун-заде:

«27 декабря 1948 г. Самарканд.

…Погода в Самарканде до такой степени ухудшилась, что я не могу выйти на улицу. При хорошей погоде я ежедневно выходил и дышал свежим воздухом каждый раз 5 — 10 минут: 19 декабря начал лить дождь со снегом, в тот день температура понизилась до 15˚, 20-го — до 20˚ и 21-го числа — до 23˚, такое положение продолжалось до 24 декабря.

В такую погоду я не только не выходил на улицу, но и в комнате состояние мое ухудшилось, и мне стало тяжело дышать. Вызвал врача. Он, как и раньше, дал мне сердечные лекарства и сказал, чтобы я держал ноги в тепле, чтобы установить нормальное движение крови. По мнению врача, кровь в ноги и руки поступала меньше, это ослабляет человека, особенно старого, и может вызвать паралич. К несчастью, 2–3 года тому назад супруга моя вынесла из комнаты «сандали», чтобы обставить комнату «культурно». А как раз в моем состоянии надо было бы греть ноги в «сандали», и я сразу бы выздоровел. Сколько ни топишь печку, для согревания ног и рук достаточной теплоты не получишь! Я был вынужден пододвинуть диван к печке и грел руки и ноги, и немного стало лучше. Но все же из-за непогоды было еще трудно дышать, хотя давление держалось не очень высокое. Хорошо, что я в таком состоянии не выехал в Сталинабад, живым бы не доехал. Дело в том, что у меня оставалось несколько очень важных дел…, а для этого мне нужно беречь здоровье.

Одна из предстоящих мне важных задач — дописать «Воспоминания». «Воспоминания» должны дополнить недостатки истории нашей литературы…

Имеются только произведения Ахмада Махмуда, которые, во-первых, подвергнуты критике, во-вторых, до сих пор еще не напечатаны по причине неточности перевода; в наше время их печатать нельзя. Поэтому я давно мечтал описать жизнь времени эмира, чтобы наша молодежь знала, что из себя представляла та жизнь. Хотя в «Одине», «Дохунде» и «Рабах» я частично все это описал, но этого мало.

«Воспоминания» призваны устранить этот недостаток в истории нашей литературы и пополнить ее.

Вторая работа, которую считаю необходимым выполнить, — работа над размером, ритмом таджикского стиха. Известно, что размер основного таджикского стиха — это «аруз». Однако что такое размер таджикского стиха «аруз» — сами авторы плохо представляют.

С дружеским приветом Айни С».

«Товарищ Джалол Икрами!

Ваше письмо от 10 июля я получил 16 июля. Все понял. Напишите, пожалуйста, в следующем письме о ходе работы повести Улуг-заде (повесть «Диёри Навобод») и передайте ему привет от меня. Товарищ Бородин мне писал, чтоб я изменил название «Воспоминаний», но я не согласился с ним; я согласен изменить вторую часть «В городе» на «В городе Бухаре». О

причинах моего несогласия я написал товарищу Бородину более подробно. Я Вас прошу, узнайте поподробнее, согласен ли он со мной. Заслуги товарища Бородина большие, я очень ему благодарен и хочу, чтоб он остался мной доволен, но в некоторых технических вопросах я не мог с ним согласиться, но это не существенно.

Передайте ему от меня большой привет…

Передайте привет товарищам Турсун-заде, Улуг-заде, Миршакару, Рахими, Нурматову и другим. Желаю здоровья всем членам Вашей семьи.

С товарищеским приветом Айни.

18/7 1949 г. Самарканд».

«Товарищ Джалол Икрами!

Ваше письмо из Ленинграда от 4 мая с письмом Зингера от Ленинградского отделения Таджикгосиздата от 12 мая получил. Товарищ Зингер в письме сообщает, что я должен написать предисловие к сборнику Лахути «Таджикистанские стихи». Чтобы написать предисловие, надо, чтоб кто-нибудь прочитал ее и написал рецензию…

…Если это произведение великого мастера слова Лахути, то будет, должно быть, очень хорошее. Рецензент должен написать хотя бы сотую часть того положительного, что есть в этой книге, тем самым он поможет читателю. Не прочитав рукопись, я не смогу написать рецензии. Я бы посоветовал Таджикгосиздату попросить профессора Бортельса — он лучше меня смог бы написать. Если же желаете, чтоб написал я, то пришлите, пожалуйста, рукопись.

Прошу Вас, объясните мой ответ товарищу Зингеру, сам я не могу ему написать, так как не имею переводчика.

…Вы пишете, что по моему указанию Вы переработали «Шоди». Поздравляю Вас. Но если книга выйдет под моей редакцией, мне надо будет еще раз просмотреть рукопись.

Прошу Вас передать привет Зингеру, Абдулгани Мирзоеву, Мухаммадамину Гафур-заде.

С дружеским приветом Айни.

Мой адрес для письма:

Самарканд, квартал Курганча, дом № 10 — Айни.

Для телеграмм: Самарканд, Курганча, Айни».

«Товарищ Джалол Икрами!

После Вашего отъезда я еще три дня побыл дома, два дня — в УЗГУ и три дня путешествовал по Пенджикенту и Ери. После этого путешествия я очень устал. Сейчас я читаю четвертый номер

журнала и исправляю ошибки «Воспоминаний»…

Передайте привет товарищу Нурматову и передайте ему, что я, в ответ на его телеграммы, послал ему журналы и вторую часть романа «Рабы». Но до сих пор нет от Нурмагова письма. 29 июля я дал ему телеграмму, но опять нет ответа; это задерживает всю работу, Необходим ответ от Нурматова. Прошу Вас — сообщите, как обстоит дело с переводами «Воспоминаний» и их судьбе, а также о работе товарища Бородина. Сообщите. Передайте от меня и привет товарищу Бородину. Передайте привет товарищам Турсун-заде, Улуг-заде, Миршакару, Рахими и другим.

Передайте привет Вашей семье и детям.

1/7-49 г. Самарканд.

Из перевода «Рабов» в журнале напечатали сокращенно шесть печатных листов. За работой слежу я сам. Только ответ, вернее отсутствие ответа Нурматова, задерясивает мою работу».

Несколько встреч

Товарищи, вы храните в себе тепло встреч и горечь разлук, радость наших побед и неудач, маленьких, ежедневных, из которых складывается наша жизнь. Человек вечно живет памятью друзей и близких, памятью благородной и теплой. Вы сами — наши радости и горести, наша жизнь. Без вас я не могу представить себя. В ваших глазах я вижу свой облик…

…Абдусалом Дехоти — старейший писатель Таджикистана, ныне покойный, как-то говорил:

— Пройдет какое-то время, и про устода Садриддина Айни будут писать воспоминания, романы, повести, песни — нужные, хорошие произведения, так же как и о Навои, Абае, Хамза Хаким-заде, и это естественно, потому что Айни органически стал частью народной жизни и без него нельзя представить Таджикистан, его жизнь и его историю. Для этих художественных произведений потребуются невыдуманные рассказы очевидцев, живших и работавших с ним рядом.

Я хочу оказать небольшую помощь авторам и написать небольшие рассказы о своих встречах с устодом и надеюсь, авторы книги об устоде примут и мою помощь, не обойдут молчанием…

«Впервые я встретился с устодом в школе, — пишет Абдусалом Дехоти, — это была его книга «Тахзиб-ус-сибьен». Я учился в то время во втором классе. В первом мы изучали алфавит. Книга Айни была самой важной нашей книгой: в основном мы изучали религиозные книги, и единственной светской книгой была книга Айни, книга о дружбе и товариществе, о труде, об отношении человека к человеку, о садоводстве, о праве человека на землю, о животных, земледелии и скотоводстве, даже о том, как стряпать пищу…

…Скоро в газете «Овози Таджик» стали печатать отрывки из повести «Одина». Я читал ее дехканам, отцу, матери. Правда, читал я по складам, но слушатели были нетерпеливыми, а повесть — захватывающей, жизненной правдой.

Мы, читатели того времени, все делили на притчи и на жизненные истории и ничего не знали о художественной правде. В нашей школе организовали литературный кружок. Там мы узнавали азбуку искусства.

В газете «Овози Таджик» было сказано, что автор повести «Одина» — человек средних лет, в чапане и чалме, человек, вынесший 75 палочных ударов, присужденных ему эмиром, что он наш земляк. В двух километрах от нас жил человек —

Сайфиддин. Мы с братом решили, что это и есть Айни, и долго ходили за ним по пятам.

И только через год, в честь 4-летия образования Таджикской автономии, был митинг. В президиуме сидел Айни, но это был не Садриддин.

Вечером я брату похвалился: видел самого настоящего Айни.

1929 год. В журнале «Рохбари Дониш» вышел мой первый рассказ. Меня пригласили в редакцию. С удивлением я узнал, что за рассказ мне причитаются деньги.

В кабинете за столом сидел Айни. Я открыл дверь и заглянул: в очках, в руках карандаш, перед ним «Гиес-уллугат» — словарь. Он что-то читал нагнувшись или правил, я уже не помню. За этим же столом сидела русская женщина. Она писала.

Айни поднял голову.

— Товарищ, заходите! Вы к кому?

— Оказывается, здесь мне должны заплатить за труд…»

Узнав, что он говорит с Пирмухаммат-заде, Айни осведомился:

«… — А рассказ «Хамида» ваш?

— Да, мой рассказ.

— Читал. Нельзя сказать, что это плохо. Для молодого неплохо, но для писателя — не очень хорошо. Сюжет и язык — хорошие. Запомните, в реалистическом искусстве повторы и подробные длинноты не допустимы. Рассказ начинаете издалека и рассказываете нудно и скучно. Начинайте с самого важного или интересного, заинтересуйте читателей, чтоб они с первых же строчек не отложили разочарованно рассказ, а постарались узнать, а что же дальше будет.

Это был для меня первый урок устода. Потом их было много: устод терпеливо объяснял мои ошибки, но тот первый урок запомнился мне на всю жизнь…»

Осень 1932 года. В Самарканд из Москвы приехали трое гостей: известный русский поэт, ныне покойный, Виктор Гусев, критик Ермилов и еще один литератор. Союз писателей Узбекистана дал обед. Приглашенные пешком отправились из нового города в старый. По дороге, уже не помню, кто из гостей, то ли Ермилов, то ли Гусев, спросил:

— Пусть товарищ Айни скажет: кто-нибудь из молодых писателей тоже может написать «Дохунду»?

Конечно, вопрос был задан не совсем правильно: надо бы сказать «такое же произведение, как «Дохунда».

Кто-то из товарищей перевел вопрос на таджикский язык. Айни ответил:

— Для этого надо испытать гнев эмира и семидесятипятипалочное наказание.

А потом уже по-русски повторил:

— Товарищ, для этого сначала надо семьдесят пять палка кушать…

«В 1934–1935 годах я был секретарем Союза писателей Узбекистана в Самарканде. Председателем был узбекский писатель покойный Шокир Сулаймонов. Он жил в новом городе. Однажды, это было зимой, Шокир-ака мне сказал:

— Я всегда с домулло Айни встречаюсь только на совещаниях. Нехорошо. Нам надо сходить к нему домой, поговорить. Живем-то в одном городе…

Мы направились в старый город. Устод сидел в большой гостиной, протянув ноги к сандали, и работал. Мы тоже присели и протянули ноги к огню.

Помолчав некоторое время, Шокир-ака сказал:

— Домулло, говорят, что сандали делает человека ленивым.

Домулло тяжко вздохнул и ответил:

— Товарищ Шокир, я за этим сандали написал «Одину», «Дохунду», «Рабов». Вы двадцать лет живете в благоустроенных домах с печкой и отоплением, что же написали вы?

Шокир-ака покраснел и долго извинялся.

…В один из весенних дней 1932 года в нашем саду в кишлаке Боги Майдон, что лежит на восточной окраине Самарканда, собрались гости — группа учителей и работников газеты «Хакикати Узбекистан». Одного товарища послали пригласить в гости устода Айни. Мы ему наказали узнать, сможет ли устод приехать на лошади, если нет — то надо будет заказать фаэтон. Оказывается, когда наш посыльный заикнулся о фаэтоне, устод засмеялся и сказал:

— Вы меня принимаете, очевидно, за одного из старинных, чванливых мулл, не умеющих садиться на лошадь. Те если и сядут, то потом не смогут сами сойти. Мы вдвоем поедем на твоей лошади: я ведь такой же, как и ты, крестьянский сын и, слава богу, умел когда-то ездить и на лошади и на осле.

Так они вдвоем и въехали к нам во двор и на одной лошади. Мой отец я дядя, правда неграмотные, знали, как принять дорогого гостя: они выбежали ему навстречу…

Гости прошли в наш сад: там под яблонями их ждали угощения. Я прислуживал гостям и поэтому долго не смог сидеть за одним столом с устодом.

Я был на кухне, возился с чайником, слышу:

— Товарищ Дехоти!

Айни ко всем обращался «товарищ» и не признавал никаких

других обращений.

Я пришел. Устод попросил моего отца повторить свои слова. Мой отец изумился: ничего особо примечательного не было в его словах, но было одно очень меткое выражение.

Устод, довольный, посмеивался и говорил всем окружающим:

— Я всегда говорил, что надо учиться языку у народа. Какое сочное слово! Какое меткое выражение!

И еще. В этот вечер я дважды слышал отзывы про устода: соседка наблюдала через забор, как въехал и как пошел в сад устод Айни, и, подозвав меня, спросила:

— Ваш домулло с таким громким именем — и вдруг без чалмы и без напыщенной важности, как же так?

— Представьте, наш домулло когда-то носил большую чалму, но снял ее раньше, чем вы, тетушка, паранджу, — ответил я ей со смехом, но потом серьезно добавил: — Айни — домулло нашего времени, ученый сегодняшнего дня…

…Мой дядя подошел ко мне и тоже с удивлением мне признался:

— Диву даюсь, ваш домулло нисколько не чванится и не важничает, очень уж непривычно видеть великого ученого, запросто беседующего со всеми, не признающего рангов и условностей,

Я хорошо понимал дядю — ведь он на своем долгом веку видел очень многих знатных, брезговавших соседством людей простого звания…

Устод Айни все свои произведения просил обсуждать в Союзе писателей. Он просил говорить правду и обижался на тех, у кого не было критических замечаний. «Значит, не читали или читали невнимательно», — решал он. Так, в 1937 году «Смерть ростовщика» обсуждали в Союзе писателей, и только после новой переработки повести устод сдал ее в издательство.

Зимой 1950 года Госиздат Таджикистана поручил мне редактировать третью книгу устода Айни «Воспоминания». Я со своими замечаниями поехал в Самарканд к устоду, так как вызвать его в Душанбе постеснялся. Мы три дня разбирали мои замечания, спорили, думали и под конец приходили к единому решению. Впрочем, эпизод с муллой Вафо мне показался слишком длинным и утомительным:

…В старой Бухаре мулла Вафо-поэт женится. По обычаю тех лет он не видел свою суженую, и в брачную ночь он испугался — перед ним стояла низенькая, курносая, рябая девушка…

Мулла Вафо решил развестись, но сразу не решился. Через год у них родился ребенок, еще через год — второй. В год холеры оба они умерли. Мулла Вафо почел это за счастье и развелся. С

тех пор он остался холостым и получил прозвище Бирюк.

С точки зрения гуманизма и человечности этот эпизод не очень подходил к «Воспоминаниям», к тому же в устном народном творчестве есть подобный эпизод с поэтом Мушфики. Я напомнил Айни анекдот, где Мушфики советует своей уродливой жене открыть лицо всем и закрываться только от мужа, и посоветовал устоду сократить эпизод: мулла Вафо должен дать развод в день свадьбы — это более гуманистично. Устод согласился со мной и собственноручно сократил рукопись на пять страниц готового текста…

Закончив работу на третий день, я собрался уезжать, но устод попросил меня остаться ужинать.

В 1951–1952 годах я работал в редакции «Шарки Сурх». Как-то мне пришлось сократить восемнадцать строк начинающего поэта. При встрече автор мне сказал:

— Да, вы мне принесли убытка на сто восемьдесят рублей.

И я вспомнил, как мне со смехом говорил устод Айни:

— Тех, кто считает гонорар до того, как написать, я не считаю людьми искусства!

Я, автор этих строк, считал своим долгом вспомнить некоторые эпизоды из жизни устода. Они нужны тем, кому не довелось лично встретиться с Садриддином Айни.

г. Душанбе, 13 декабря 1961 г.».

Один из талантливых молодых писателей Таджикистана, П. Толис, погибший трагически, оставил своеобразные воспоминания об Айни. Нет, он не работал вместе с устодом, не разговаривал запросто за чашкой чая, для Толиса Садриддин Айни явился уже в ореоле величия и славы, «один из великих» нашего времени, основоположник и корифей, гигант, который виден издалека, и Толис благоговейно склоняет перед его талантом голову.

Первая встреча Толиса с устодом — встреча с его талантом: с книгами «Старая школа», «Одина», «Дохунда», «Бухарские палачи», «Смерть ростовщика», «Ятим».

Впервые Толис увидел устода в театре драмы в Душанбе. Толис работал актером в театре: он исполнял детские роли или из-за кулис воспроизводил звуки — дробь пулемета, стук опыт, шум ветра. Он уже собирался уходить домой. Мимо него прошли народный артист СССР Мухаммаджон Косымов и невысокий стройный мужчина. Они не спеша прошли в кабинет директора. Мужчина ступал грузно. В темноте фойе Толис не узнал его. На следующий день он спросил у Косымова, кто это был.

— Садриддин Айни, — удивленно ответил артист: ему

показалось странным, что кто-то еще не видел или не знает устода.

…В конце 1947 года Толис приехал делегатом на съезд писателей Таджикистана; он в то время, оставив работу в театре, перешел наборщиком в редакцию; тогда же напечатали несколько его рассказов…

Переполненный зал, в президиуме — Садриддин Айни. Он в тюбетейке, черный костюм военного покроя, борода и усы белые-белые, глаза внимательные и умные…

Иногда кто-либо из членов президиума у него что-то спрашивал, ему подавали записки, из-за кулис к нему подходили и шептали на ухо. Айни отвечал на вопросы, но не сводил глаз с выступающего, иногда даже прервав его, задавал вопрос или удовлетворенно поддерживал восклицаниями.

— Слово устоду Айни!

Айни, грузно ступая, подходит к трибуне и начинает говорить спокойно и тихо. Но скоро глаза его разгораются, он на виду у всех молодеет, юношеской энергией и задором, порой грустью, а порой и гневом звучит его речь. Говорят, что Айни никогда не мог говорить спокойно и тихо. Говорят, что устод был очень человечным и добрым, но в нем не было только одного человеческого чувства — безразличия, то есть отсутствия чувств, невнимания.

Да, конечно, человек, восстановивший в своих правах язык своего народа, пивший из этого светлого источника, знавший его как свои пять пальцев и любивший его больше жизни, не мог говорить иначе!..

Но Толису однажды посчастливилось поговорить с устодом, это было в 1948 году. Кинооператоры пригласили молодых писателей к устоду на съемки и посоветовали взять с собой книги устода.

Айни не любил фотографироваться, тем более позировать кинооператорам. Он неохотно вышел, сделал дарственную надпись на книгах. Режиссер попросил Толиса поговорить с устодом. Толис спросил:

— Характеристику героя лучше давать сразу или постепенно?

Айни оживился и стал рассказывать о героях главных и второстепенных, о художественном образе и характеристике:

— Недавно читал ваш рассказ. Вы дважды повторяете: «Он смеялся, обнажая зубы». Нельзя же так!

В июне 1954 года в Душанбе гостили писатели Кореи. В саду устода писатели Таджикистана встретились с гостями.

Во время беседы Толис посмотрел на балкон столовой: устод стоял, освещенный солнечными лучами, и внимательно, чуть

грустно смотрел на собравшихся…

Через месяц устода не стало. Так и остался в памяти писателей устод Садриддин Айни, освещенный солнечными лучами, лучами добра и счастья.

Произведения устода в переводах

Произведения Айни — достояние не только таджикского читателя, но и общечеловеческое; переводчики произведений устода донесли до русского, индийского, чешского, польского, французского, украинского читателя простоту и лаконичность языка, ясность мысли и оригинальность — все своеобразие творчества Садриддина Айни, конечно, не считая некоторых погрешностей и переводов. Основная заслуга, разумеется, переводчиков с таджикского на русский — ведь на все остальные языки переводились с русского.

«Смерть ростовщика» — перевод О. Сухаревой, «Бухарские палачи» — перевод Ибрагимова, «Одина» — З. Хацревина, «Коротко о моей жизни» — И. Занд, «Ятим» — перевод Т. Гольц, и больше всех сделал для популяризации произведений С. Айни Сергей Бородин, тонкий знаток жизни и языка Востока, образа мыслей и восточной литературы. Он перевел повести «Бухара», «Школа», «Воспоминания», роман «Рабы».

Широко известный индийский писатель Рахул Санхритьян перевел роман устода «Дохунда» на язык урду. «Коротко из моей жизни» перевел Мустафа Камолиддин Хасан.

Особенно знаменателен для произведений устода 1958 год — год юбилейный. В этот год выходят издания его произведений на польском, чешском, индийском, украинском, французском языках. В предисловии французского издания Луи Арагон ставит Айни в один ряд с Джеком Лондоном, Киплингом, Горьким и Кнутом Гамсуном. Характеризуя Среднюю Азию, Луи Арагон добавляет, что рассказать о Таджикистане лучше, чем это сделал Садриддин Айни в «Воспоминаниях», невозможно.

Не малая заслуга переводчиков в том, что произведения устода не залежались на полках. Читатели были в восторге от встречи с Востоком в лице устода Садриддина Сайидмурадовича Айни.

Ятим

О романе «Рабы» сам писатель говорил:

«Я писал этот роман о судьбах моего народа, о жизни прежних поколений, но, признаться, взгляд мой меньше всего был обращен в прошлое. Моя мысль устремлялась в будущее. Эта книга о прошлом написана как завет для будущего, потому что история только тогда имеет смысл, когда в руках людей она становится оружием борьбы за будущее».

Эти слова писателя можно было бы взять эпиграфом при изучении творчества основателя социалистического реализма в таджикской литературе писателя Садриддина Айни.

Устод беседовал с участниками революционных событий: читал им стихи, рассказывал о Бухаре, о своем детстве.

Беседа была задушевной, проходила она в очень необычной обстановке — в чайхане.

— Думаю написать рассказ или повесть о мальчике, — сказал устод. — Революция и ребенок, надо мне много подумать и понять.

Бывший командир добротряда заволновался:

— Хотите, устод, небольшой эпизод из жизни моего отряда?

Устод умел слушать.

— Я вернулся в отряд из госпиталя, — рассказывал командир, — в тот момент, когда мои бойцы допрашивали мальчика лет двенадцати: он тайно перешел границу и разыскивал одного человека, сам дрожал от страха, недоговаривал многого. Когда он узнал наше решение помочь ему в розысках, то стал плача просить нас отпустить его. Все выяснилось, когда мы разыскали того человека, старика, бойца одного из соседних добротрядов. Оказывается, мальчика насильно увели басмачи в Афганистан пасти овец. Мальчик был сиротой: отца и мать убили басмачи, он решил бежать к дедушке, но очень боялся русских и Красной Армии, особенно испугался, что мы арестуем его дедушку…

Устод задумался. На прощанье он сказал:

— Спасибо за сюжет! Хороший, может, я его возьму за основу, не знаю, надо подумать…

Писатель не раз слушал рассказы о людях, возвращающихся из-за границы, беседовал с басмачами, добровольно сдававшимися в плен, с людьми, вернувшимися на родину.

В это время он писал повесть «Ятим»….

Ятим — сирота, оказавшийся один на распутье. Мальчик много видит, много слышит, но многого еще не понимает. Однако

любовь к Родине заставила его, оставив мать на чужбине, возвратиться домой. Правда, в конце концов матери тоже удается вернуться из-за границы, но, главное, Ятим детским сердцем смог осознать время, понять самое главное в жизни и правильно выбрать свой путь в жизни.

Повесть «Ятим» является как бы продолжением истории бедняка таджика Одина. Одина — сирота из горного кишлака, гибнет, не добившись личного счастья. Шоди, герой повести «Ятим», тоже мальчик-сирота, но живет он уже в другие времена: Шоди видел, как, спасаясь от народного гнева, бежали эмир и его чиновники. Вместе с собой они насильно забирают и Шоди — Ятима. Но невзгоды, лишения не сломили Шоди, он сумел переправиться через границу и даже помочь пограничникам.

В таджикской литературе появился новый герой — активный, сознательный борец за свое и народное счастье. И этот молодой герой не гибнет и находит свое счастье. У него и психология уже другая и условия уже другие. Шоди из повести «Ятим» явился родоначальником галереи новых героев детской литературы.

«Уважаемый товарищ Лахути!

Я перед Вами крепко виноват, что не отвечал на Ваши письма. Причина тому — непредвиденные обстоятельства и неожиданные затруднения…

В этом месяце я получил телеграмму от Союза писателей Таджикистана. Меня вызывали для просмотра части классического наследия для альманаха, посвященного десятилетию Таджикистана. Вызов был из ЦК, и я не посмел отказать…

Одновременно Зингер (в те годы — директор Таджикгосиздата) и Икрами поручили мне написать предисловие к сборнику «Таджикистан». Я ответил, что мне надо просмотреть сборник. После беседы с Зингером я взял Ваш сборник, но письма от Вас не было. Я, надеясь на Ваше согласие, написал предисловие. Один экземпляр отправил Зингеру, другой присылаю Вам с копией сборника.

Конечно, из-за занятости хорошего предисловия у меня не получилось, но все же присылаю Вам.

Я думаю (если удастся достать проездной билет) 17 июня возвратиться в Самарканд.

С товарищеским приветом Айни.

Желаю передать привет уважаемой Бану и целую детишек.

14/6-39 г.

Сборник и предисловие я сдал сотрудникам Таджикгиза, чтобы они Вам переслали.

Айни».

«Уважаемый товарищ Лахути!

Давно не получал от Вас писем, я и сам частично виноват — не смог ответить Вам вовремя. Недавно Абдушукур передал Ваш привет и сообщил, что Вы перешли на новую хорошую квартиру. Недавно напечатали «Смерть ростовщика», «Ятим» и «Фирдавси». Присылаю по экземпляру; «Фирдавси» шлю два экземпляра, одну книгу для Далера, он, наверное, уже учится, пусть знает, что у нас тоже есть классика.

Дети в садике. Ваша сестренка и все дети шлют Вам привет. Днем работаю дома, по вечерам хожу в сад. Большую часть лета посвятил работе над классиками: «Абуали-сино» — переработал, составил сборник стихов Рудаки, составил сборник стихов Саади «Бустон» в четыре тысячи строк. Для этого же сборника написал рецензию-предисловие.

Я слышал, что некоторые востоковеды не соглашаются называть Саади фарсидско-таджикским поэтом. Но в своих стихах он сам себя называет таджиком. Сейчас работаю над таджикскими стихами Навои.

Уважаемой Бану от меня и от сестренки привет. Целую ребят.

С дружеским приветом Айни.

4/8-40 г. Самарканд.

Хотя дом тот же, но изменилось название улицы и № дома.

Мой адрес: Самарканд, улица Лаби Гор, № 103-а (Айни) (Курганча)»,

Великая Отечественная…

Если завтра война,
Если завтра в поход,
Если черная сила нагрянет. —
Как один человек,
Весь советский народ
На защиту земли своей станет…

Предвоенная всем известная песня. Ее пели везде и всюду. А на западе сгущались тучи, тянуло дымом и порохом. Уже не возгласы в мюнхенской пивнушке, а зловещие звуки разбойничьего марша и топот сапог фашистствующих молодчиков, хвастливые заверения Геббельса, события в Испании, усилия советских дипломатов сохранить мир во всем мире…

Айни с тревогой следил за событиями в Европе, каждый день он от корки до корки читал центральные газеты.

В мире было неспокойно.

Халхин-Гол и озеро Хасан. Энтузиазм советских людей, уверенность, что «врага закидаем шапками»… «Мы врага разобьем малой кровью и мощным ударом…».

Была и другая песня: «На границе тучи ходят хмуро…»

К нашим западным границам Гитлер подтягивал отмобилизованные дивизии.

Айни ежедневно слушал последние известия, читал периодику и однажды пришел в гарнизон г. Самарканда. Писатель просто беседовал с воинами, выступал с лекциями и докладами, читал свои стихи и рассказы. В то же время он принимал активное участие в выпуске воинской газеты. Он каждый раз свое выступление заканчивал одним призывом: в совершенстве знать технику и изучать военное дело.

Старейший писатель, не обращая внимания на усталость и недомогание, приходил в военкомат и беседовал с допризывниками, на вокзале провожал только что призванных.

22 июня 1941 года. Левитан объявил о вероломном нападении фашистской Германии. На большой центральной площади Самарканда состоялся митинг трудящихся. Садриддин Сайидмурадович призвал народ к священной войне, защите Отечества. Все для фронта! Все для победы! Поэт призвал всех сплотиться, оружием в бою и трудом в тылу ковать победу над врагом.

7 августа 1941 года Садриддин Сайидмурадович в статье

«Поздравляю фонд победы», напечатанной в газете «Таджикистани сурх», горячо поддержал почин москвичей и ленинградцев организовать фонд защиты Отечества, сам внес в этот фонд 2000 рублей деньгами и на 2000 рублей облигациями займа.

С первых дней Великой Отечественной войны поэт верил в победу над фашизмом, питал горячую ненависть к вероломным врагам и отдавал все силы борьбе за победу. Его памфлеты, статьи, рассказы и стихи учили людей спокойствию, вселяли уверенность в победу и призывали к мести за разрушенные села и города, за невинно расстрелянных и задушенных людей.

10 августа 1941 года в газете «Таджикистани сурх» напечатали публицистическую статью Садриддина Айни «Чингис XX века».

«Всякий раз, когда мы слышим и видим черные дела и разбойничью политику Гитлера и фашистов, перед нашими глазами встает образ кровожадного и лютого в ненависти к человечеству и культуре — Чингис-кровопийца».

В этой статье Айни сравнивает «дела» Гитлера и Чингисхана. Он доказывает, что нет никакого различия между ними, и, возможно, в одном они только и отличаются — Чингис уничтожал мечом и стрелами, Гитлер средствами массового истребления — пушками, бомбами, газом и газовыми камерами.

Гитлер должен понести наказание за свои черные дела, за преступления против человечества. Наше дело правое, народ «должен победить, фашизм будет уничтожен».

«Да, враг силен, — заключает поэт, — но мы, имея Красную Армию, двухсотмиллионный народ, при поддержке всего человечества победим».

В другой статье, «Семиголовый див», 24 августа 1941 года, в газете «Таджикистани сурх», Айни сравнивает фашизм с семиголовым дивом.

В старинной народной сказке о семиголовом диве говорится, что одна голова дива была головой кабана, другая — хищной гиены, третья — волка, четвертая — крокодила, пятая — ящерицы, шестая — слона, седьмая — грифа.

Писатель, вспоминая эту сказку, говорит: «Фашизм схож с этим дивом — у него тоже семь голов, вот они: Гитлер, Геринг, Гимлер, Фрик, Розенберг, Лей, Геббельс».

Семиголовый див захотел уничтожить весь мир, все человечество. С библейской горы Каф див начал истреблять человечество и дошел до чащи Мозандарон. Это был цветущий, благодатный край, где жили красивые и счастливые люди.

«Если я уничтожу этих людей и захвачу этот цветущий край,

во всем мире не найдется силы, способной выступить против меня», — решил див и ночью по-воровски напал на Мозандарон и принялся жечь, палить, уничтожать и топтать.

Был у этих людей сказочный герой — Рустам Достон. Он узнал о вероломном нападении дива и вышел в бой. Рустам отрезал все семь голов, разрубил на части туловище и сжег.

Так бесславно закончил свою жизнь семиголовый див.

Садриддин Сайидмурадович вспоминает эту старинную сказку и сравнивает фашизм с семиголовым дивом, а СССР — с Рустамом. СССР должен стереть с лица земли фашизм, как Рустам дива.

В начале ноября 1941 года поэт пишет «Марш мести»:

…Вероломно пришли к нам в страну палачи,
Ворвались в наш Союз, словно воры в ночи,
Но Отчизну свою наш народ сбережет,
Враг земли пожелал — враг могилу найдет!
Человечество, встань! Защити свою честь!
Нет пощады врагам! Месть предателям, месть!

(Перевод А. Давидовича)

Айни зло и беспощадно разоблачал фашизм не только Германии, но и фашизм стран, присоединившихся к Германии, ее разбойничьей политике, в частности — Италии.

Статья «Бесхвостый осел» была напечатана после капитуляции Италии 28 мая 1943 года, после поражения ближайшего соратника Гитлера — Муссолини, после ликвидации в Италии фашизма.

Айни обращается к народной мудрости, вспоминает сказку «Бесхвостый осел», дела которого схожи с делами фашизма в Италии и ее главаря — Муссолини.

«Было ль, не было ль, жил на свете бесхвостый осел, — начинается народная сказка. — Осел очень страдал от сознания, что у него нет хвоста. Однажды встретился ему волк. Волк искал себе товарища и очень обрадовался встрече. Волк, выслушав горе осла, обещал ему найти хвост, хвост — на зависть удивительный. Договорились искать вместе, волк сел на осла и стал погонять его.

Они решили поохотиться: вошли в чащу леса и вдруг встретились с тигром и львом. Волк, сидевший на осле, соскочил и бросился бежать. Осел тоже хотел бежать, но тигр оторвал ему одно ухо, другое — лев. Бедный осел бежал вслед за обезумевшим, не разбиравшим дороги волком. Волк, потеряв

голову, не разбирал дороги и, не заметив огромной бездонной пропасти, полетел туда. За ним туда же полетел осел, искавший хвост и сломавший шею».

Положение фашистской Италии было точно таким же, как у бесхвостого осла.

Для публицистики Айни военных лет характерно, что писатель умело использует народные сказки и народную мудрость. Это сообщает ей особую доступность и наглядность, популярность и политическую заостренность. В те же годы Айни пишет большую историческую повесть «Таджикский народный герой — Тимур-Малик». Историческая повесть рисует героическую защиту родины от врагов в XIII веке. Если в начале войны он писал публицистическую статью «Чингис XX века», то теперь повесть о защите от Чингиса XIII века прямо говорит, что защита родины — прямой и священный долг, и что были герои в XIII веке, должны быть герои и теперь.

…Город Ходжент (ныне Ленинабад), такой же город, каких немало было в то время в Хоросане и Мовароунахре, остался без защиты. Султан Мухаммад не прислал войск для его защиты, и он, как и другие города, был брошен на произвол судьбы. «Совет» султана во время бегства: «Спасайтесь, кто может, если не можете спастись — сдавайтесь. Сопротивление бесполезно» — совет труса и предателя.

Герой таджикского народа Тимур-Малик не послушался «предательского совета», не бежал и не сдался в плен, а стал готовиться к защите города. Он понимал, что оторванный от других городов, не имея регулярной армии, защитить брошенный на произвол судьбы город, а тем более разбить сильного, умелого и хитрого врага Ходжент не сможет, но долг патриота, совесть не позволяли ему сдаться на милость победителя или бежать, бросив и предав родной город. Тимур-Малик не хотел жить рабом, он решил умереть свободным человеком.

В бою все погибли смертью храбрых, Тимур-Малик попал в плен, но прежде он уничтожил очень много врагов. Даже неволя не сломила его дух. Когда Тимура-Малика убили, на поясе его обнаружили мешочек с землей и записку:

«Эй, кто бы ты ни был подобравший мой труп, если ты патриот, похорони со мной и эту горсть земли — последнюю память моей дорогой родины».

В годы Великой Отечественной войны пламенные речи старейшего писателя на митингах, напутственное слово прощания мобилизованным, речи на вокзале перед отправлявшимися на фронт воинами, выступления на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах, перед людьми, ковавшими в тылу

победу над врагом, острые публицистические выступления в периодике, историко-патриотические повести и рассказы сыграли важную роль.

Садриддин Айни пишет историческую повесть о борьбе таджикского народа против арабских завоевателей VIII века «Восстание Муканны» и о восстании в начале XX века крестьян Каратага во главе с кузнецом Табарзином.

День Победы Садриддин Айни встречает торжественной одой «Сказание о войне и победе».

Все эти произведения написаны с патриотическим подъемом и страстью писателя — борца за справедливость.

«Все для победы над врагом» — под таким лозунгом жил, работал весь советский народ в годы Великой Отечественной войны, и писатель-публицист, выразитель дум и чаяния народа, великий труженик Садриддин Айни работает не покладая рук. Еще и еще он возвращается к «своей теме» — истории таджикского народа, и уже читатель сам от истории освободительного движения таджикского народа мысленно переходил к событиям Великой Отечественной войны, к мысли:

Враг земли пожелал — враг могилу найдет!
Нет пощады врагам! Месть предателям, месть!

Туркестанский военный округ за заслуги в деле воспитания патриотов, за работу, направленную на укрепление обороноспособности Родины, наградил писателя Садриддина Сайидмурадовича Айни Почетной грамотой военного округа. Писатель очень ценил эту награду и в воинской газете «Фрунзовец» писал:

«Айни до самой смерти — всю жизнь благодарен Советской Армии за награды. Первая награда — освобождение из подземелья «Обхона». Оттуда никто не выходил живым, мое освобождение равносильно новому рождению, возвращению к жизни, Кроме благодарности Красной Советской Армии, я всегда готов ей служить всем, что будет в моих силах, и всегда ей буду признателен.

С дружеским приветом С. Айни».

Айни до конца своих дней, пока болезнь и старость не приковали его к постели, был внештатным агитатором военного Самаркандского гарнизона, выступал с лекциями и стихами перед воинскими частями, держал тесную связь с военкоматом, часто беседовал с молодыми, только что призванными ребятами и переписывался с ними, сотрудничал и поддерживал тесную связь с воинской газетой «Фрунзовец»…

Крик души — лебединая песня

Садриддин Айни о своем творчестве пишет: «В течение своей жизни я написал немало книг, и все они были посвящены одной теме, сложены из одного и того же жизненного материала».

Тема, о которой пишет сам писатель, — тема возрождения, освобождения таджикского народа, исповедь, правда в историческом смысле, значение революции в судьбе таджикского народа, гимн будущему таджикского народа. В этом отношении Садриддин Айни глубоко национальный и своеобразный писатель-реалист, основоположник литературы таджикского народа после революции. Садриддин Айни написал очень много произведений, и все они написаны с позиции социалистического реализма, без прикрас, правдиво, почти документально, сжато, емко, свежим, сочным языком. И среди всех его произведений есть одно неувядаемое произведение — вершина писательского мастерства, крик души, лебединая песня. Это замечательное произведение «Воспоминания». Пишет человек, умудренный опытом и годами; читая произведение, чувствуешь, что писал человек по свежим следам событий, человек, только что переживший и видевший все это. О «Воспоминаниях» можно было бы сказать словами Рудаки: «Как поглядишь — жизнь-то вся, она от начала и до конца один поучительный урок».

В 1935 году Айни написал рассказ «Старая школа». В апреле 1940 года закончил автобиографическую повесть «Коротко о моей жизни». Эти два произведения и дали толчок — мысль написать «Воспоминания».

Писатель сам в доступной форме простым и ясным языком рассказывает «о времени и о себе». Лаконично, ясно и конкретно в повести «Коротко о моей жизни» Айни с затаенной любовью рассказывает о своем отце — мудром и сдержанном мастере по обтесыванию жерновов, прививавшем ему любовь к искусству, к наукам и литературе, мужественном и скромном труженике земли, о матери — нежной и спокойной, любящей, память о которой писатель пронес через всю жизнь. Усталая и больная, умирая, прощается она с сыном без слез и жалоб, с особым предчувствием к будущей славной судьбе сына: «Жить тебе до тысячи лет!»

Перед нами проходит жизнь человека, осмысленная, поучительная и интересная в мельчайших подробностях, дающих представление о людях, с которыми пришлось встретиться автору, о времени, о постоянном движении и обновлении, изменении духовного облика автора, его мироощущения,

миропонимания, запросах. Все-таки «Коротко о моей жизни» отделено от «Воспоминаний» целым десятилетием, однако без этого очерка невозможно представить «Воспоминаний».

Я сложил этот дом из старинных камней,
В нем устроил я пир в честь ушедших друзей,
Чтоб мои современники знали,
Как, бывало, играл я судьбою своей.

Это о них Леонид Леонов в «Литературной газете» 21 сентября 1949 года писал:

«В этих «Воспоминаниях» — не мелочность и случайность в отборе, пусть порой любопытных и интересных, фактов, а широкое полотно жизни, По силе художественного обобщения, по глубине и мудрости мысли, по высокому литературному мастерству книга Айни является большим событием в нашей всесоюзной литературе. Несмотря на то, что она обращена по теме к прошлому, книга звучит актуально и своевременно. Советский читатель воспринимает эту книгу Айни, умудренного богатейшим жизненным опытом писателя с острым горьковским взором и большим чутким сердцем, как оружие в сегодняшней борьбе угнетенных народов Востока против иностранных колонизаторов».

Очень образно и метко сказал о творчестве Айни Мирзо Турсун-заде:

«Как неиссякаемы могучие воды наших горных рек, так неистощима его энергия, направленная на дальнейшее процветание советской литературы, родного народа — всей нашей социалистической Родины».

Современность в литературе

«Воспоминания» — лебединая песня, вершина творчества устода, шедевр реалистического искусства — поражают читателя лиричностью, простотой изложения, достоверностью и художественной убедительностью,

Как-то Мирзо Турсун-заде спросил устода:

— У вас была записная книжка?

— Нет, я писал по памяти…

В 1947 году на совещании комитета партии обсуждался вопрос творчества писателей Таджикистана. После вступительного доклада «о состоянии литературы» на трибуну один за другим стали выходить молодые писатели. Они выступали с категорическим требованием — писать только на тему дня, только о сегодняшней жизни, только о людях, живущих «рядом»…

Устод слушал и то удивлялся, то сердился и хмурился. Потом взял слово:

— Партия требует современных произведений, и это естественно, нам нужны только правдивые и яркие художественные произведения. Но ведь это и есть цель и задача литературы, ее первооснова. Однако можно писать о сегодняшнем дне, и это будет звучать несовременно, а исторические произведения — современно: все зависит от мастерства и точки зрения художника. Не надо забывать о классиках литературы — их произведения и через сто лет будут современными.

Сейчас речь идет о реализме и народности, о правде и художественном видении. Партия против идеализации в литературе вообще, и в частности — против идеализации феодального общества.

Каждый писатель, прежде чем писать, должен себе ясно представить ту жизнь, о которой он пишет…

В то время устод перерабатывал отдельные главы «Смерти ростовщика» и «Воспоминаний»,

Работа с молодыми — воспитание

Молодые писатели обычно преподносят Айни по два экземпляра своей книги, один — с дарственной надписью, а другой — в надежде, что весь он будет исчеркан правкой устода.

И действительно, перед тем как вернуть этот второй экземпляр автору, он исписывал его поля своими замечаниями и предложениями, Обычно литературная молодежь очень ценила его помощь, и авторы снова перерабатывали свои произведения, принимая во внимание замечания большого мастера. Случалось, что даже до того, как сдать рукопись в набор, авторы давали ее на просмотр устоду и, только получив «добро», отваживались доверяться редактору издательства.

Р. Джалил, С. Улуг-заде, Дж. Икрами, Дехоти — маститые писатели, сделавшие большой вклад в таджикскую литературу, в то время еще начинающие, постоянно обращались за помощью к устоду, учились у него трудолюбию и упорству в работе над словом.

На II съезде писателей Таджикистана в 1947 году литературовед Абдулгани Мирзоев выступил с анализом стихов молодого поэта М. Фархата. Он высказал свои сомнения и критические замечания. Айни нашел, что Мирзоев несколько крутовато обошелся с молодым поэтом. Чтобы подбодрить Фархата, устод в своем выступлении сказал:

— …Молодцы наши молодые поэты, такие, например, как Фархат: они смело и по-новаторски ломают каноны старого стихосложения и строят новые. Фархат учится у Маяковского, вводит новые, хорошие, умные слова в таджикский язык. Пускай же они учатся и строят, им предстоит развивать нашу литературу…

Однако, когда Фархат, обнадеженный заступничеством Айни, выступил с гневной отповедью в адрес Абдулгани Мирзоева, его нападки и упреки очень рассердили устода и после выступления Фархата он снова попросил слова.

— Очень плохо, — сказал устод, — когда молодые не прислушиваются к голосу критика, не хотят понять своих ошибок и заблуждений. Примером тому «оправдательное» выступление М. Фархата.

Однажды поэт Дехоти получил письмо из Самарканда:

«Дорогой товарищ Пирмухаммат-заде! Я поздравляю вас со стихом (речь шла о стихотворении Дехоти «Три точки зрения»). Это стихотворение у вас получилось превосходно, гораздо лучше прежних стихов.

Но для ваших возможностей это еще не предел. Вы, с вашим талантом, можете писать лучше. Знайте, что у вас и раньше была наклонность к поэзии, но почему же тогда ваши стихи получались неудачными, плохими и бледными?

Ясно, над этими последними стихами вы потрудились больше. А надо, чтобы в будущем вы работали еще больше. Поэт, прежде чем переписать свои творения набело, должен не только придирчиво просмотреть от начала до конца каждую строфу и четырехстишие, но даже каждое слово. Работать надо постоянно, только при этом качестве стих будет удовлетворительным, сам поэт научится писать и, наконец, сможет с легкостью Лахути создавать поэмы…»

В конце этого письма Айни, ссылаясь на собственный опыт, заключает: «…поэт не должен считаться со временем, пока ему работается; во сне, за обедом, на прогулке или во время отдыха нужно непрестанно думать над словом, необходимым для данного стиха…»

В открытом письме молодому писателю П. Толису Айни дает детальный разбор его рассказа «Абитуриенты». Письмо это равно адресовано и всем молодым писателям Таджикистана.

Это открытое письмо устода литераторы действительно «взяли на вооружение», но устод, не успокоившись, пишет редактору журнала «Шарки Сурх», где в то время работал Толис;

«Где сейчас Толис — в Сталинабаде или в Ленинабаде? Как он принял мой отзыв, согласился ли с ним или нет? С его ли согласия вы его напечатали или без? Если вы ответите на мое письмо — я буду весьма вам благодарен. Табиб должен знать, как действует его предписание: если отрицательно, он должен найти другой рецепт…»

Как-то устод в письме своему сыну Камолу, анализируя «Тадбири», указывает на слабости автора:

«…Несомненно, автор — одаренный и ясно представляет себе насущные задачи современности, однако стих у него незрелый, техника слабая, он не использовал богатства классического наследия, чувствуется еще и политическая его незрелость: автор, представляя себе угрозу третьей мировой войны, удивляется действиям империалистов, но не удивляться он должен, а противодействовать… Надо в стихах выражать свое личное, внутреннее ощущение, миропонимание…»

Писатель-академик

Величайшее достижение в науке и культуре Таджикской Советской Социалистической Республики — Академия наук Таджикской ССР была основана 14 апреля 1951 года. Об этом решении правительства было сообщено в газете, и одним из первых академиков был назван Садриддин Айни. Президентом Академии он был выбран единогласно! Иначе и быть не могло — человек, отстаивавший право таджиков на самоопределение, боровшийся за чистоту языка, воспитатель целого поколения советских таджикских писателей, приложивший немало труда для образования Академии, человек, написавший историю таджиков и первые в стране реалистические романы и повести, естественно, заслуживал звания академика и по праву мог занять должность президента Академии.

Один из учеников президента, ныне заслуженный ученый Мукимов Рахим, вспоминает:

«Однажды я и Сайда Нуруллаева пришли к учителю. Он — тяжелобольной — лежал в постели. Мы, справившись о здоровье (какое уж там здоровье), собрались уходить.

— Почему не вспоминаете о работе? Если я долго буду болеть, тогда что? Пройдет срок защиты вашей диссертации.

— Ничего, домулло, вам станет лучше, тогда и поговорим…

— Вы будете читать, а я — слушать, так-то будет лучше. Почти два месяца, долгими часами устод, лежа в постели, выслушивал нас самым внимательным образом, внося свои поправки.

— На следующей неделе, в этот же день, приходите за рецензией, — сказал он мне, когда мы, наконец, закончили работу.

Я с нетерпением дожидался часа, когда услышу оценку своей работы. Наконец я пришел к устоду. Он достал из-под подушки несколько листов, исписанных мелким бисером арабской вязи.

— Вот моя рецензия. Читайте.

До сих пор помню, как дрожали мои руки и как трудно было мне читать рецензию, написанную тяжелобольным в постели: только огромная любовь к делу и внимание к человеку двигали его пером. Устод внимательно слушал и удовлетворенно кивал головой. Вдруг я каким-то внутренним чувством определил, что он смертельно устал; Айни действительно откинулся на подушку и тихо сказал:

— Остальное дочитаете дома, переведете на русский язык и принесете, я подпишу.

Прочитав рецензию, я был на верху блаженства: устод давал высокую оценку моему трехлетнему труду…»

Почти все — сегодня маститые и признанные писатели Таджикистана: Мирзо Турсун-заде, Сотым Улуг-заде, Мирсаид Миршакар, Джалол Икрами, Рахим Джмалил и многие другие — были учениками первого таджикского академика, первого президента Академии наук Таджикистана — Садриддина Сайидмурадовича Айни. Устод был редактором их первых книг, в предисловиях желал им доброго пути и славной судьбы, в рецензиях указывал на их ошибки и недочеты…

Айни редактировал роман Джалола Икрами о коллективизации, о первых днях жизни колхоза «Шоди». По рекомендации устода автор переписал свое произведение в чистые тетради и, заполняя одну страницу, другую оставлял свободной. Объем рукописи был не маленький — 23 печатных листов. Устод заполнил своими замечаниями все чистые листы рукописи, исписав их мелкой арабской вязью. Эти заметки помогли не только автору, но и очень многим прозаикам. Говорят, что если бы напечатали замечания устода, то объем их превысил бы объем романа.

В январе 1937 года Айни писал одному из авторов:

«По просьбе вашей и Гостаджикиздата я, тщательно вникнув в вашу рукопись, отметил ошибки и недочеты.

— Теперь вот какая вам предстоит задача:

1. Перечитайте наново свою рукопись и отметьте места, подлежащие переработке (это я пишу потому, что вы не обратили внимания на мои замечания, сделанные на полях вашей книги «Что вы привезли из Москвы». Возможно, вы тогда о них забыли).

2. Прежде чем приступить к переработке, прочитайте своим коллегам-писателям мои замечания. Во-первых, для того, чтоб и другие писатели воспользовались моими записями, во-вторых, чтобы услышать высказывания товарищей и использовать их в своей работе.

3. При последующих переработках — при работе над рукописью, никогда не беритесь за дело с тяжелым сердцем, работайте с радостью на душе, с легкостью и светлым чувством; если вы утомлены или расстроены — отложите работу на следующий день; никогда не бойтесь браться за второй, третий, четвертый вариант…»

Свои заметки устод заканчивал советом:

«…Основное внимание автор должен обратить на язык своего детища: надо использовать народный говор и меткие народные выражения, но при всем том язык автора должен отличаться литературной грамотностью, нельзя забывать высказывания

Горького в «Правде».

После основательной работы над рукописью автор доведет ее до совершенства, и книга станет явлением в советской литературе. Я надеюсь, что, если молодые люди, работая над своими произведениями, затратят хотя бы одну десятую того времени, что ушло у меня на эти заметки, они в будущем станут настоящими писателями нашей эпохи».

Писатель Джалол Икрами вспоминает:

«Хотя устод жил в Самарканде, он был в центре литературной жизни: состоял в переписке с Душанбе и иногда приезжал в столицу республики».

В сентябре 1940 года вышел первый номер журнала «Шарки Сурх». Это было большое событие в культурной жизни республики.

Скоро в редакцию пришло письмо устода:

«Прочитал первый номер журнала «Шарки Сурх», — пишет Айни, — на последних страницах вы призываете читателей высказать свое мнение. Я — один из читателей журнала и хочу высказать свои соображения:

1. Оглавление этого номера — одна из удач журнала.

2. Однако при напечатании главы «Алфулаайл» (из «Азиз и Азиза») и произведения Навои «Фархад и Ширин» вы допустили просчет. Надо было хоть кратко сообщить биографические сведения об авторе и дать небольшую справку о самом произведении. Надо было и о Навои дать историческую справку: когда и кем переведено произведение (никогда еще перевод не достигал вершин оригинала, особенно стихи). Дать оценку переводу, тем более что «Фархад и Ширин» печатается к юбилею 500-летия Навои, и ваш отрывок был бы хорошим подарком.

К тому же каждый из молодых поэтов мог бы дать отрывок из своих произведений (хотя пока еще не видно таких талантов, как Юсуфи и Дехоти). В отличие от газеты, жизнь которой короткая — один день, — журнал вправе требовать от авторов большего, это тоже немаловажно.

Мои предложения:

1. Объем журнала должен быть не менее объема узбекистанского журнала «Гулистон».

2. Техника оформления журнала и обложки тоже должна быть не хуже «Гулистона».

3. Также и бумагу надо подобрать лучшую, найти фотографии, редкие и интересные (конечно, это вызовет дополнительные расходы, но, если подойти умело — издать интересный журнал, — то и тираж соответственно возрастет и окупит расходы).

4. Важнейшая задача редакции — наладить связь с Союзпечатью и посоветовать им то, что вы считаете необходимым для вашего журнала и, если они не примут ваших предложений, воздействовать на них через вышестоящие организации. Например, этот номер в киосках Самарканда найти невозможно; необходимо, кроме обеспечения всех киосков Таджикистана, обеспечить и киоски Узбекистана, особенно в тех районах, где живут таджики, обеспечить все киоски Средней Азии (недавно я был в Ашхабаде, там много людей, владеющих фарсидским языком, они, словно изголодавшись, ищут литературу на таджикском языке в Мерве, Чарджуе и других районах Туркмении).

5. Надо использовать устное народное творчество — фольклор. Народные четверостишья — рубаи, лирические и задушевные, ничуть не хуже классического наследия.

С дружеским приветом Айни».

Устод Айни внимательно читал каждый номер молодежного журнала и часто в письмах делал исправления и давал указания.

Однажды устод крепко обиделся на работников журнала. Редактор Джалол Икрами получил письмо:

«…Вы мне сообщали, что в будущем журнал будет увеличен в объеме до 8 печатных листов… это известие меня порадовало — я полагал, что содержание журнала станет более интересным и разнообразным, что в нем будут представлены различные жанры поэзии и прозы. Однако журналом я остался недоволен, особенно его третьим номером: из 40 страниц журнала 20 занимают мои «Воспоминания», и в том же номере — статья товарища Улуг-заде обо мне! Ведь читатели скажут, что я использовал свой авторитет. Если не скажут — то имеют право сказать, они ведь не знают, что я не давал согласия на это, да и некрасиво получается. Если для журнала не хватает оригинального материала — разве не смогли бы вы сами, или Фотех Ниязи, или кто-либо другой из ваших сотрудников перевести отрывки из московских журналов? В русских журналах и вообще в русской литературе есть никогда не стареющие произведения, и для таджикского читателя они всегда будут новыми. А критические заметки и статьи о литературе! В конце концов журнал «Шарки Сурх» в отношении критики никогда не выполнял своего долга. Молодые могли бы выступать с рецензиями, русские писатели так беспощадно дают оценку и предъявляют такие высокие требования к литературе, так критикуют друг друга, что нам надо у них учиться…»

Устод радовался каждой удаче собратьев по перу, каждому точно найденному слову, каждому хорошему произведению

молодых и переживал, если встречались вялые, скучные, длинные стихи. Особенно в последние годы жизни он глубоко тревожился и раздумывал над проблемами новой таджикской поэзии. Он мечтал написать в помощь молодым книгу о таджикской поэзии.

В одном из писем к Мирзо Турсун-заде, от 27 декабря 1948 года, устод более полно раскрывает свои думы и замыслы. После слов привета, сетований на старость и здоровье, жалобы на холода (зима 1948 года была особенно снежной и морозной) устод пишет, что две задачи не дают ему покоя: ему необходимо закончить «Воспоминания» и написать «Сравнительную поэтику таджикской современной и классической поэзии».

«…Известно, — пишет устод, — что основной размер таджикского стихосложения — аруз. Однако авторы таджикских стихов не отдавали себе отчета в том, что это именно таджикский размер, они считали, что аруз взят из арабского. Это ложное мнение легко опровергнуть: размеры хазадж, рамал, раджаз и другие звучат на арабском не так, как на таджико-фарсидском. Арабы заимствовали размеры таджико-фарсидского стиха, а таджики заимствовали лишь отдельные термины арабского языка и ритм.

Вторая ошибка таких «авторов» в том, что они, приводя примеры из классического наследия, считают размеры аруза ограниченными. Но мы, изучая народные стихи, видим, что в народе бытуют стихи, размеры которых невозможно встретить ни в одном сборнике, ни у одного классика…»

Далее Айни на приводимых примерах разъясняет свои положения.

«…Мы в силах, — продолжает Айни, — переработав (отредактировав) произведения народного творчества, подчинить их законам классического стихосложения, создать новые замечательные произведения. Понятные для народа, они в то же время будут не хуже классических.

Хотя я с самого детства занимаюсь законами стихосложения, но вышесказанные мысли зародились у меня только после Октябрьской революции: начав писать «Марш свободы» («Марсельезу»), я столкнулся с неожиданными затруднениями — ритма «Марсельезы» в таджикском языке не было, и мне пришлось порядком потрудиться, прежде чем я подыскал размер и ритм…

…После этого мне стало понятно, что молодежь и время требуют новых песен, нового размера и новых правил стихосложения. Надо до конца продолжать процесс выработки новых ритмов и новых законов стихосложения; до тех пор, пока наши стихи не будут соответствовать… требованиям нового

времени, до тех пор мы не имеем права успокаиваться.

Некоторые молодые стараются создавать новые стихи, однако они не уяснили себе, в чем же это новое и что устарело, какие требования надо предъявлять, а от каких следует отказаться: если они для таджикских стихов берут ритм и размер новых узбекских стихов, конечно, ничего путного у них не получится.

Если бы узбекские товарищи пересмотрели свои правила стихосложения, творчески подошли к вопросам поэзии, конечно, было бы очень хорошо.

Мы обязаны выполнить свой долг перед поэзией — для этого есть фундамент, почва подготовлена. Я считаю, что пока буду жив, должен до конца разработать вопросы стихосложения…»

«…Если же я не смогу больше разрабатывать вопросы стихосложения, — заканчивает Айни, — пусть это мое письмо послужит моим вкладом в данный вопрос».

Вершина счастья

Апрель 1953 года. Вся Страна Советов поздравляла 75-летнего поэта, писателя, президента Академии наук Таджикской ССР Садриддина Айни, лауреата Государственной премии с днем рождения.

Президиум Верховного Совета СССР указом от 27 апреля 1953 года за выдающиеся заслуги в развитии искусства и литературы, в честь 75-летия со дня рождения наградил Айни орденом Трудового Красного Знамени.

Президент Академии наук СССР Несмеянов пишет: «…Ваша долголетняя плодотворная деятельность, развитие просвещения и науки — яркий пример честного служения таджикскому народу и другим братским народам Советского Союза, заслуженно получило признание и одобрение. Ваши произведения — полные любви к родному таджикскому народу, полные идеи дружбы с русским народом, учат таджиков преданности и патриотизму к Советской Родине, братству и интернационализму, зовут их к борьбе с пережитками прошлого, с байско-феодальными обычаями, к борьбе с буржуазным национализмом, — вошли в золотой фонд советской литературы и навеки вписали в историю искусства Ваше имя — основателя таджикской советской литературы. Велики Ваши заслуги в деле воспитания молодых.

В дни открытия Академии наук Таджикской ССР, явившегося большим явлением в культурном развитии республики, ученые с любовью, в один голос избрали Вас Президентом Академии наук Таджикской ССР. В дни, когда весь советский народ отмечает Ваш славный юбилей, мы от чистого сердца желаем Вам, Садриддин Сайидмурадович, быть живым-здоровым, здравствовать долго и плодотворно трудиться ради процветания Великой Родины, на пути счастья таджикского народа».

Константин Федин в редакцию литературно-политического журнала «Шарки Сурх», органа Союза писателей Таджикистана, прислал письмо:

«В редакцию «Шарки Сурх». Дорогие товарищи, прошу Вас передать мой сердечный привет основоположнику советской таджикской литературы, виднейшему писателю Советского Союза, талантливейшему таджикскому писателю Садриддину Айни.

Ни один писатель советского Ближнего Востока не смог мне дать столько радости, как Айни, своим произведением «Коротко о моей жизни». Семидесятипятилетие Садриддина Айни — юбилей нашей литературы, и я от чистого сердца с любовью и

признательностью поздравляю его в этот день.

К. Федин, г. Москва».

Поэт С. Маршак прислал телеграмму в Душанбе:

«Уважаемому Садриддину Айни. Удивительного поэта ученого, основоположника таджикской культуры душой и сердцем поздравляю. Как и все советские читатели, я с душевным трепетом и восторгом читаю и перечитываю его книги, полные высоких мыслей и сердечного жара.

Желаю здоровья и счастья, труда и успехов.

С. Маршак.

Апрель, 1953 г., г. Москва».

Из Вильнюса лауреат Государственной премии Антанас Венцлова прислал поздравление:

«…Славная жизнь Айни, посвященная борьбе за свободу, культуру и счастье своего народа для всех писателей великой Родины, — великий пример для всех нас.

Замечательные произведения Садриддина Айни «Смерть ростовщика» и «Воспоминания», удостоенные Государственной премии, знают и любят читатели Литвы: его книги переведены и переизданы на литовский язык. Его книги «Смерть ростовщика» и «Воспоминания» написаны с большим писательским мастерством, показывают доскональное и глубокое знание писателем жизни, глубокую любовь к народу. Книги Садриддина Айни учат бесчисленных читателей жизни и показывают борьбу народов Средней Азии — таджиков и узбеков — за лучшую жизнь, воспитывают и наш литовский народ».

«Дорогой устод Садриддин Айни, — пишет узбекский поэт, академик Гафур Гулям, — основоположник советской таджикской литературы, велики его заслуги в становлении социалистической литературы этого народа.

Бесценные произведения мастера слова не только национальное богатство таджикского народа, но и литературная ценность узбекского народа.

Тысячи молодых современных талантов — работников искусства и литературы изучают творчество и осваивают его богатый опыт.

Молодые узбеки и таджики учатся у этого мастера слова как по его произведениям, так и по его жизненному опыту.

Читатели этих двух народов с интересом и вниманием перечитывают «Одину», «Дохунду», «Рабов» с большой пользой и удовольствием, а молодые писатели учатся мастерству по этим книгам.

Особенно «Воспоминания» помогут ученым, литераторам и востоковедам понять историю и время.

Тридцать лет я знаю его и дружу с ним. Когда я жил в Самарканде, очень часто я встречался с ним, беседовал и советовался с ним. Сейчас, каждый раз, как только я бываю в Самарканде, встречаюсь с ним и советуюсь с ним по вопросам своего творчества.

Как народ Таджикистана уважает великого писателя, так и все люди Советского Союза уважают, ценят и горячо любят его. Прежде чем он был избран президентом Академии наук Таджикистана и прежде чем ему было присвоено звание академика, Узбекистан избрал его членом правления Академии наук Узбекистана…

Счастлив, что я близкий друг, товарищ по перу, коллега такого устода, мастера слова.

Гафур Гулям.

Ташкент, апрель, 1953 год».

Известный казахский писатель Сабит Муканов признается:

«…Я не знаю таджикского языка, но на узбекском я прочитал основные произведения товарища Айни, например: «Дохунду», «Рабов», «Одину» и обе книги «Воспоминаний».

Родился я в северном Казахстане и был очень мало знаком с народами Средней Азии. Произведения Айни раскрыли передо мной новый мир, новую жизнь, интересных людей. Я назвал его таджикским и узбекским Бальзаком.

В детстве из уст мулл я слышал, что где-то очень далеко есть «благородная Бухара» и, по их словам, «после Мекки это второе место встреч мусульман». Я не видел Бухары, но по роману Айни я представил все и понял, что за «место встреч», понял, что до Советской власти там жестоко правил и угнетал народ эмир и его приближенные.

Из романа Айни я еще понял, что таджикский народ боролся против феодально-буржуазного гнета.

Образ Дохунды — это образ трудящихся, выступивших на борьбу за свободу.

Айни в романе «Рабы» ясно показывает, какими путями Англия стремилась захватить Азию, и для этой цели она прислала своего ставленника Анвар-пашу в Таджикистан. С помощью великого русского народа таджикский народ победил своего лютого врага.

Политика Англии потерпела поражение. Таджикский народ в братской семье народов Советского Союза строит счастливую жизнь.

…Мне посчастливилось много раз встречаться с товарищем Айни и вести с ним беседу. Живое сердце, ясный ум, глубокие знания, огромное писательское мастерство, человечность меня

очень радовали.

Садриддин Айни — сын талантливого народа, народа, давшего миру несколько великих художников.

Он в течение семидесяти пяти лет жизни внес ценнейший вклад в дело науки и искусства и поэтому дорог не только таджикскому народу, но и всем народам многонациональной социалистической Родины, в том числе дорог и моему народу — казахам. Мои земляки все крупные произведения Айни читают на казахском языке.

Дорогой наш юбиляр много раз встречался и дружески беседовал с великим казахским акыном советского времени — Джамбулом Джабаевым. Без семи месяцев сто лет прожил Джамбул Джабаев и до последнего дыхания в его груди билось горячее сердце, и он пел удивительные песни, посвященные нашему великому времени.

Желаю дорогому дяде Садриддину Айни дожить, до возраста Джамбула и, подобно ему, подарить советскому читателю удивительные книги, посвященные жизни Родины.

Сабит Муканов.

г. Алма-Ата, 10 апреля 1953 г.».

В дни 75-летия С. Айни целую неделю со всех концов Советской Родины ученые, писатели, работники, колхозники, присылали письма, телеграммы, поздравления на имя известного писателя, ученого Садриддина Айни. Эти письма, телеграммы, поздравления — свидетельство признания народом заслуг ученого, поэта, писателя. Поздравления, всеобщее признание воодушевляли старого писателя, вдохновляли его на новые хорошие произведения. Несмотря на старость и болезнь, он работал без устали, заканчивая главы «Воспоминаний». Писал о жизни поэта-гуманиста Мирзо Абдулкадир Бедиля. Эта книга была его последним подарком читателям и вышла из печати в день смерти Садриддина Айни — 15 августа 1954 года.

У Айни были большие творческие планы. Он мечтал написать после издания десяти книг «Воспоминаний» исследование о классиках да еще закончить несколько больших и, по его мнению, важных работ.

Один из самых близких учеников С. Айни, языковед Рахим Хошим, в воспоминаниях писал:

«В 1950 году в беседе устод сказал:

— Если смерть минует меня, я должен сделать две важные работы: должен написать грамматику таджикского языка и другую — о поэтике таджикского стиха, аруз. У нас до сих пор нет такой доступной и ясной по мысли книги, чтоб молодые

могли по ней учиться писать.

Я добавил:

— Еще одна работа, устод, вы забыли ее, кроме вас, ее никто не сможет сделать так полно и так емко. Этот труд — роман об Ахмаде Донише, о Бухаре и присоединении Средней Азии к России.

Устод подумал и медленно произнес:

— Этот труд тоже очень важный. Я о нем думал и кое-где мои мысли отразились в «Воспоминаниях». Тема эта достойна хорошего романа, нужного и полезного. Почему бы ее не использовать молодым?»

Да, Айни ставил перед собой очень важные и нужные, огромные задачи.

Однако жизнь не позволила ему завершить свои замыслы, осуществить планы, исполнить творческие желания.

15 июля 1954 года остановилось щедрое сердце писателя-гуманиста, первого таджикского академика, первого президента Академии наук Таджикистана, первого в Таджикистане лауреата Государственной премии.

Айни — видный ученый, историк и лингвист, доктор филологических наук, президент Академии наук Таджикской ССР, почетный член Академии наук Узбекской ССР, заслуженный деятель наук Узбекской ССР, заслуженный деятель наук Таджикской ССР, депутат Верховного Совета СССР и Верховного Совета Таджикской ССР…

…Июль 1954 года. Студенты педагогического института, мединститута, сельхозинститута, Государственного университета, сотрудники Академии наук и других учреждений, учащиеся школ, домохозяйки — все жители столицы в трауре и печали шли проститься со своим старейшим писателем.

Нескончаемый поток людей, море цветов, вереница машин, а люди все идут, идут и идут. Люди несут огромную любовь и признательность самому мудрому, близкому и родному — Садриддину Айни…

Сегодня центральная площадь столицы называется площадью Айни. Среди клумб буйных цветов в самом центре ее, видный издалека, стоит бюст писателя, основоположника социалистического реализма Садриддина Айни. За рубежом, в странах Азии и Африки Таджикистан называют «страной Айни».

Сорок восемь значений имеет слово «айн» — глаз, зрение, родник, золото, взгляд; сегодня азиатские страны и народы Востока вкладывают в это слово новый смысл — «освобождение».

Великий сын чешского народа Юлиус Фучик во время

посещения Таджикистана в 1935 году в Сталинабаде говорил:

«Айни — это не только ваш писатель, это и наш писатель. Его книги для нас не только прекрасное искусство, но и наглядное учебное пособие. Эти книги не только отражают прежние страдания и новые достижения советского народа — они сами по себе являются уже живым доказательством этих достижений. И поэтому они, эти книги, непосредственно помогают нам в нашей борьбе за мировую революцию».

Сам писатель в предисловии к «Воспоминаниям» пишет:

Я сложил этот дом из старинных камней,
В нем устроил я пир в честь ушедших друзей,
Чтоб мои современники знали,
Как, бывало, играл я судьбою своей.

Да, писатель сложил добротный дом с крепким фундаментом, возвел величественное здание, и жить этому зданию века. Пока жив Человек, будет жить и литература, фундамент которой заложил Садриддин Айни — сын мастера мельничных жерновов, сын своего народа, «устод Айни», как любовно называет его народ.

Душанбе, 1965 — 1967

Основные даты жизни и творчества Садриддина Айни

1878 — в кишлаке Соктари Гидждуванского тюменя Бухарского ханства родился Садриддин Сайидмурадович Айни.

1890 — смерть родных, поступление в медресе в городе Бухаре.

1917 — по приказу эмира Айни наказан 75 палочными ударами и брошен в зиндан, откуда был освобожден русскими революционными солдатами.

1929 — Айни избран членом ЦИК Таджикской ССР.

1934 — Айни избран членом правления Союза писателей СССР.

1940 — Айни присваивается звание заслуженного деятеля наук Таджикской ССР.

1943 — Айни избирается почетным членом Академии наук Узбекской ССР.

1949 — ученый совет Ленинградского государственного университета присваивает Айни ученую степень доктора филологических наук.

1950 — Айни присуждается Государственная премия.

1951 — Айни избирается президентом вновь образованной Академии наук Таджикской ССР,

1954, 15 июля — смерть Айни.

Краткая библиография

Айни С., Бухара. Воспоминания. М., «Советский писатель», 1961.

Айни С., Собрание сочинений. В 4 т. М., «Известия», 1960.

Айни С., Дохунда. Таджгосиздат, 1956.

Айни С., Рабы. М., «Советский писатель», 1956.

Айни С., Смерть ростовщика. М., «Художественная литература», 1965.

Айни С., Устод Рудаки. Эпоха, жизнь, творчество. М., Издательство восточной литературы, 1959.

Айни С., Школа. М. — Л., Детгиз, 1949.

Айни С., Воспоминания, М. — Л., Издательство Академии наук СССР, 1960.

notes

Примечания

1

Газета "Комсомолец Таджикистана" от 6 января 1967 г.

2

Кушбеги — премьер-министр, одновременно министр внутренних и внешних дел эмирата.